

ПУБЛИКУЕТСЯ В СЕРИИ НАУЧНЫХ ТРУДОВ
«ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ»

(СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2005 ГОДУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Г. В. ОСИПОВ (председатель)
В. Л. МАКАРОВ
В. А. САДОВНИЧИЙ
В. С. СТЕПИН
С. В. СТЕПАШИН
Л. С. ЧЕРНОЙ
С. М. ШАХРАЙ (ученый секретарь)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE FOR SOCIO-POLITICAL RESEARCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE FOR ADVANCED SCIENTIFIC STUDIES

SCIENTIFIC COUNCIL FOR "ECONOMICS AND SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE"
FUNDAMENTAL RESEARCH PROGRAMME OF THE PRESIDUM OF THE RAS

L. Chernoy

**ETHICS IN BUSINESS
AS A MAJOR FACTOR FOR ECONOMIC
DEVELOPMENT OPPORTUNITIES
AND RISKS**

Nestor-Historia
Moscow • Saint-Petersburg
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОГРАММЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРЕЗИДИУМА РАН «ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ»

Л.С. Черной

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЭТИКА
КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР
ВОЗМОЖНОСТЕЙ И РИСКОВ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 338.2
ББК 65.01
Ч-49

*Работа выполнена в рамках
Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук
«Экономика и социология знания»*

Ответственный редактор:
академик РАН *Г. В. Осипов*

Рецензенты:
академик РАН *В. Л. Макаров*
академик РАН *В. С. Степин*

Научную и научно-организационную работу вели:
С. Г. Карпова, С. В. Некрасов

Ч-49 Черной Л. С.

Предпринимательская этика как важнейший фактор возможностей и рисков экономического развития. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. — 116 с. — (Экономика и социология знания).

ISBN 978-5-4469-1522-4

В книге рассмотрены социокультурная и хозяйственно-экономическая специфика, историческая динамика и вариативность предпринимательской этики ареала рыночных экономик от древности до настоящего времени, выявлены и обсуждены связи предпринимательских этических трансформаций с изменениями локальных и глобальных условий хозяйствования. Подробно проанализированы трансформации предпринимательской этики в европейское Новое время, а также в особых условиях глобализации Новейшего времени.

Особое внимание уделено развитию и трансформациям предпринимательской этики в старой России, в советскую эпоху, а также в период позднесоветского и постсоветского перехода к рыночным отношениям. Проанализировано влияние негативных трансформаций предпринимательской этики на условия и риски хозяйственно-экономического развития России.

Для социологов, экономистов, студентов и широкого круга читателей, интересующихся проблемами социально-экономического развития в России и мире.

**УДК 338.2
ББК 65.01**

ISBN 978-5-4469-1522-4

© Л. С. Черной, 2018
© Институт перспективных научных исследований, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Введение	15
Глава I. Эволюция и трансформации предпринимательской этики в Новое время	
1.1. Протестантская этика и ее исторические аналоги	20
1.2. Колониальный империализм как фактор этико-нормативных трансформаций	25
1.3. Трансформации предпринимательской этики эпохи олигопольного и монополистического капитализма	28
1.4. Трансформационные этические последствия первой глобализации рубежа XX века и «финансового империализма»	31
1.5. Великие кризисы первой половины XX века: трансформации системы предпринимательских рисков и основные тенденции изменений доминирующей предпринимательской этики	33
1.6. Литература к главе I	37
Глава II. Предпринимательская этика и мировое экономическое развитие в Новейшее время	
2.1. От классики экономической социологии к антисоциальному «экономизму»	41
2.2. Трансформации предпринимательской этики во второй половине XX века	45
2.3. «Финансализация» глобальной экономики в эпоху «турбокапитализма» и ее роль в трансформациях предпринимательской этики	51
2.4. Современный глобальный кризис: новые негативные трансформации предпринимательской этики и их влияние на экономическое развитие	54
2.5. К экономике тотальных рисков и отказа от социальности	60
2.6. Литература к главе II	64

Глава III. Трансформации предпринимательской этики в императорской и Советской России	
3.1. Предпринимательская этика досоветской России	68
3.2. Советская политика «демаркетизации» и «маркетизации» административно регулируемой экономики	73
3.3. Перестроечная «ломка» советской хозяйственно-экономической и этической системы	78
3.4. Разрушение советского ценностно-нормативного комплекса	80
3.5. Законодательный контекст позднесоветской приватизации	83
3.6. Литература к главе III	87
Глава IV. Постсоветские трансформации социально-государственной системы России и нормативно-этических характеристик предпринимательской деятельности	
4.1. Постсоветская приватизация	89
4.2. Социально-психологический и морально-этический результат маркетизации российской экономики	95
4.3. Практические последствия нелегитимности собственности	99
4.4. Эпоха санкций и новый глобальный контекст	102
4.5. Литература к главе IV	109
Глава V	
Выводы	112

TABLE OF CONTENTS

Preface	9
Introduction	15
Chapter I. Business ethics evolution and transformation in the Modern Times	
1.1. Protestant ethics and its historical analogies	20
1.2. Colonial imperialism as a factor for ethic and regulatory transformations in Europe	25
1.3. Transformations of business ethics in the age of oligopoly and monopoly capitalism	28
1.4. Transformational ethical implications of the first globalization of the end of the twentieth century and the “financial imperialism”	31
1.5. Great crisis of the first half of the twentieth century: transformations of the business risks system and the main trends in dominant business ethics	33
1.6. References to Chapter I	37
Chapter II. Business ethics and global economic expansion in the Contemporary Times	
2.1. From the classics of economic sociology to the anti-social “economism”	41
2.2. Transformations of ethics in business during the second half of the twentieth century	45
2.3. “Financialization” of global economy in the era of the “turbo capitalism” and its role in the transformations of ethics in business	51
2.4. The Soviet global crisis: new negative transformations of ethics in business and their impacts on economic development	54
2.5. To the economy of total risks and a refusal of sociality	60
2.6. References to Chapter II	64
Chapter III. Transformations of business ethics in Imperial and Soviet Russia	
3.1. Ethics in business of pre-Soviet Russia	68
3.2. The Soviet policy towards the “demarketisation” and “marketisation” of economy being administratively governed	73

3.3. The perestroika minded “break” of the Soviet economic and ethical systems....	78
3.4. Dismantlement of the Soviet value-normative complex	80
3.5. Legislative context for late Soviet privatization	83
3.6. References to Chapter III.....	87
Chapter IV. Post-Soviet transformations of the Russian social state system and the regulatory ethical characteristics of business activities	
4.1. Post-Soviet privatization	89
4.2. The socio-psychological and moral result of the Russian economic marketisation.....	95
4.3. Practical implications of property illegitimacy	99
4.4. The era of sanctions and the new global context.....	102
4.5. References to Chapter IV	109
Chapter V	
Conclusions	112

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже первые экономические публикации Льва Семёновича Черного на рубеже 2000-х годов привлекли мое внимание тем, что они отличались как точным знанием (причем изнутри, из собственной практики) законов и «подводных камней» работы в бизнесе, так и, одновременно, стремлением к глубокому теоретическому осмыслению своего практического знания.

Признаюсь: мой особый интерес вызвала подготовленная Львом Черным в 2004 году книга «Социальные факторы и риски экономического развития России», к которой я тогда с большим удовольствием написал предисловие.

Вызван мой интерес был не только тем, что книга была в значительной мере посвящена близким мне проблемам социологии. Привлекли меня и особая свежесть авторского взгляда на проблему, и несомненная профессиональная фундированность авторского анализа социально-политических событий отечественной истории и, главное, безусловная (и доказательная) убежденность автора в том, что без особого внимания к социальному измерению жизни и развития общества нельзя ни понять и спрогнозировать, ни практически реализовать эффективное и устойчивое развитие общества и государства.

Отмечу, что в последующих своих статьях и монографиях, посвященных в основном структурно-организационным проблемам макроэкономического развития, Лев Черной также нередко затрагивал социологическое измерение этих проблем. А сейчас, через 14 лет после первой своей «социологической» книги, Лев Черной вновь напрямую обращается к социологическим проблемам экономики в новой книге о предпринимательской этике.

Я считаю такое обращение очень своевременным и необходимым. Глобальный экономический кризис, в который мир был ввергнут десять лет назад, особенно ярко показал, что неолиберальный «экономизм», который давно являлся своего рода фундаментом теорий и моделей развития локального (в рамках отдельных стран) и глобального хозяйства, катастрофически не справляется ни с адекватным описанием хозяйственно-экономической реальности, ни тем более с решением прогностических задач.

Одной из главных причин такого провала многие исследователи справедливо называют искусственно сконструированный разрыв в научном дискурсе между модельными представлениями о «человеке экономическом» и «человеке социальном».

Базовая модель «человека экономического» как индивида, независимого в принятии хозяйственно-экономических решений, эгоистичного и ориентированного на собственную выгоду, полноценно информированного для принятия оптимальных решений и вполне рационального в постановке и реализации своих целей, оказывается категорически недостаточна для понимания и описания экономической реальности.

Социологические исследования давно выявили, что «человек социальный» всегда глубоко включен в сложную систему формальных и неформальных общественных связей и структур и, соответственно, зависим от этих своих связей и должен в той или иной мере подчиняться формальным и неформальным общественным нормам. Кроме того, «человек социальный» может, в силу специфики собственных ценностей, быть не всегда эгоистичен, а нередко, напротив, альтруистичен. Он в условиях современной сложности социальной и экономической реальности может быть недостаточно информирован для принятия оптимальных решений (и даже, напротив, дезинформирован). Он, наконец, может быть, в силу особенностей личной биографии и своей «повязанности» множеством общественных отношений, далеко не всегда рационален в принятии своих решений.

Экономическая социология, начиная с ее отцов-основателей (М. Вебера, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, К. Маркса и т. д.), рассматривает системы экономических отношений с позиций участия в этих отношениях «человека социального». Однако, по мере развития исследований в русле экономической социологии, эта наука и сама по себе начала «дробиться» на различные «течения», делающие акцент на разных аспектах социально-экономического поведения людей или даже исходящие из существенно разных представлений о «человеке социально-экономическом».

В результате такого «дробления» предмета исследования (отмечу, что это характерное свойство современной системы «дифференцирующего» и «специализирующего» научного познания) на сегодняшний день в рамках экономической социологии прежде всего выделяют:

- экономическую социологию рационального выбора, которая рассматривает экономическое поведение человека фактически с позиций утилитаризма, сводя мотивации его хозяйственно-экономической деятельности к максимизации «полезности»;
- сетевой подход, в рамках которого экономическая деятельность представляется в виде совокупности социальных сетей как относительно устойчивых формальных и неформальных связей между индивидами и компаниями, обеспечивающих одновременно экономические и социальные интересы участников сетей;
- новую институциональную теорию, где под институтами понимаются формальные и неформальные правила, которые выявляются, оцениваются, интерпретируются участниками хозяйственно-экономических взаимодействий и в итоге регулируют практики повседневной деятельности участников взаимодействий и одновременно поддерживаются и закрепляются этими практиками.

Расхождение методологических подходов в современной экономической социологии перечисленным не ограничивается. В этом расхождении находят место и марксистский (точнее — неомарксистский) подход, где исследуются

порождаемый капитализмом «товарный фетишизм» и связанная с ним система взаимопроникающих хозяйственно-экономических и социальных отношений, и постмодернистский подход, отрицающий саму возможность теоретического и методологического обобщения в социально-экономической сфере, и т. д., и т. п.

Общая проблема экономической социологии, связанная с таким разнообразием методологических подходов, состоит в том, что, во-первых, немало исследователей явным образом «тонут» в накопленном ими «полевом» материале изучаемой социально-экономической реальности и вариантах интерпретации этого полевого материала. И во-вторых, останавливаются перед тем фактом, что разные методологии интерпретации полевого материала нередко приводят к разным — причем несовместимым — выводам.

Видимо, по этим причинам теоретический базис сегодняшней экономической социологии нельзя признать достаточным для концептуально-методологических обобщений. Особенно для обобщений в такой чувствительной сфере, как предпринимательская этика.

И видимо, именно осознание названного концептуально-методологического тупика приводит к тому, что в мире появляется всё больше разного рода «руководств» по предпринимательской этике самого разного уровня авторитетности и подробности. Из наиболее авторитетного можно перечислить:

- принятую под эгидой ООН в 1991 году **«Хартию Кейдарнен о достойном корпоративном поведении»**, в которой регламентируются основные этические принципы, которыми руководство корпораций должно руководствоваться в своих взаимоотношениях с другими корпорациями, государственными органами и гражданами;
- принятую в 1994 году в швейцарском городе Ко по инициативе глав крупнейших национальных и транснациональных корпораций США, Западной Европы и Японии **«Декларацию Принципы бизнеса»**, преамбула которой гласит: *«Законы и движущие силы рынка являются необходимым, но не достаточным руководством к действию. Фундаментальными принципами являются: ответственность за проводимую политику и действия в сфере бизнеса, уважение человеческого достоинства и интересов тех, кто участвует в бизнесе. Разделяемые всеми ценности, включая обязательство о содействии всеобщему процветанию, также важны для мирового сообщества, как и для общин меньшего масштаба»*.
- принятый в 1999 году под эгидой правозащитной организации «Международная социальная ответственность» **«Стандарт SA 8000»**, регламентирующий систему социального и этического менеджмента, которую корпорации обязаны принимать к исполнению;
- разработанное в Организации экономического сотрудничества и развития и утвержденное ОЭСР в 2000 году **«Руководство для многонациональных компаний по деловой этике»**, которое используется

правительствами более чем 40 стран мира как основа для создания собственных этических кодексов корпораций;

- принятое ОЭСР в 2006 году **«Руководство по корпоративному управлению для компаний с государственным участием»**.

Этот список далеко не полон. Причем на его основе множество стран и компаний и фирм в этих странах (включая Россию и крупнейшие отечественные корпорации) разрабатывают и принимают собственные корпоративные «этические кодексы».

Однако факты реальной жизни корпоративного мира в последние десятилетия убедительно демонстрируют, что создаваемое в мире обилие нормативно-назидательных документов на тему предпринимательской этики, часть из которых включает угрозу далеко не только моральных репрессий в адрес нарушителей, никак не меняет тревожные тенденции накопления аномии в этической сфере локального и глобального хозяйственно-экономического процесса.

Представляется, что значительная удача новой работы Льва Черного состоит в том, что он сумел и не погрузиться в нарастающий хаос перечисленных выше экономико-социологических подходов, и не «скатиться» в морализирующее назидание. Автор пошел в своей новой книге собственным, во многом оригинальным путем.

Л. Черной, во-первых, в своем исследовании сумел в решающей степени использовать тот методологический багаж и дискурсивный подход классиков экономической социологии, который сегодня развит, начиная от Макса Вебера, в «понимающей социологии», и принес нашей науке крупные социологические результаты. Не случайно название новой книги Черной открывает, сознательно адресуясь к М. Веберу, словосочетанием «Предпринимательская этика».

Этот подход, несомненно, методологически важен по той причине, что, как признают многие исследователи экономической социологии, именно в социокультурной сфере меняющейся массовой предпринимательской этики коренятся очень многие важнейшие проблемы современной глобальной экономики.

Во-вторых, Л. Черной, опять-таки следуя классике экономической социологии, погружает свое исследование в максимально широкие исторические, политические, экономические, социально-культурные контексты и внимательно анализирует взаимопроникновение и взаимовлияние этих контекстов в трансформациях и закреплениях предпринимательской этики.

В-третьих, Л. Черной, вопреки постулатам мейнстримной модели «человека экономического», выявляет, показывает и доказывает не индивидуально-личностный, а именно общественный, социально и экономически общезначимый характер этих трансформаций предпринимательской этики.

В-четвертых, автор особенно пристально — именно с позиций «понимающей социологии» — исследует те главные исторические, социокультурные и хозяйственно-экономические обстоятельства и факторы, с которыми связаны

специфика и динамика локально-страновых и глобальных трансформаций предпринимательской этики.

При этом Л. Черной обнаруживает в своем труде тот широкий научный кругозор самого разного плана, который сегодня в научном мире является скорее исключением, а не правилом и который позволяет набраться смелости и решительности взяться за исследование столь сложной темы.

Отмечу, что меня в этой книге особенно впечатлило и привлекло.

Это прежде всего приведенный в главе II убедительный в своей доказательности и беспощадный в выводах анализ негативных и опасных трансформаций «мейнстримной» предпринимательской этики в мире «развитого капитализма» в последние десятилетия.

Далее, это приведенный в главах III и IV очень подробный и фундаментальный анализ причин и обстоятельств позднесоветского и постсоветского «этического перерождения» в нашей России. Перерождения, которое коснулось не только собственно предпринимательских кругов, но и чрезвычайно широких масс российских граждан. Здесь, как мне представляется, нельзя не согласиться с автором в том его выводе, что это этическое перерождение сегодня является не только важнейшим «тормозом» эффективного развития нашей страны, но и одной из главных угроз для социально-экономической и политической устойчивости российской государственности.

Не могу не отметить, что некоторые выводы, которые Л. Черной делает в завершение своего исследования, мне представляются чрезмерно радикальными, а некоторые рекомендации автора — в обозримой перспективе трудно осуществимыми.

Однако это нисколько не отрицает проявленный автором при исследовании сложнейшей проблемы высокий профессионализм и никак не обесценивает огромный объем того нового понимания этой проблемы, который достигнут автором, изложен ясным и точным языком и умело передается читателю.

Убежден, что российское (и, видимо, не только российское) социологическое, экономическое, да и политическое сообщество получило очень важную, нужную и (что тоже существенно) интересную книгу.

*Г. В. Осипов,
академик РАН*

ВВЕДЕНИЕ

Предпринимательскую этику современные энциклопедии определяют как особую подсистему общественной нравственности и как специфический этос, свойственный предпринимательскому сообществу¹. При этом подчеркивается, что в данном качестве подсистемы общественной нравственности предпринимательская этика базируется на частной собственности, экономических свободах и товарно-денежных отношениях и одновременно предполагает не накопительно-распределительный, а творчески-производительный тип отношения к созданию и использованию прибыли.

Очевидно, что такой современный подход к выделению особого типа этики и особого социального этоса предпринимателя не является всеобщим и универсальным и характерен в основном для становления индустриальной хозяйственно-экономической системы Европы Нового и Новейшего времени. Известно, что в разных цивилизационных ареалах древности и средневековья формировались существенно разные представления о допустимых (то есть социально и морально санкционированных обществом и признаваемых властью) способах творчески-производительного накопления, приумножения и использования производственной и торговой прибыли.

Так, например, древнегреческий философ Ксенофонт, который в своем трактате «*Экономикос*»² впервые дал описание эффективного домохозяйства и способов его достижения, считал идеалом замкнутое натуральное хозяйство и осуждал торговлю и особенно ростовщичество.

Аристотель, главные экономические идеи которого изложены в книгах «*Никомахова этика*»³ и «*Политика*»⁴, проводил строгое различие между «*экономикой*» (с ее целью приобретения необходимых в жизни благ для домохозяйства и государства) и «*хрематистикой*» (с ее целью накопления богатства). Хрематистику как накопление денег сверх того, что нужно для проживания человеку, в том числе способами торговых спекуляций и ростовщичества, Аристотель решительно осуждал. И допускал накопление денег с единственной целью — для помощи другим и финансирования иных, благих для государства-полиса проектов.

В то же время в Древнем Китае «правильная» хозяйственная деятельность, ярчайшим трактатом о которой считается сборник Конфуция «*Лунь-юй*»⁵

¹ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Предпринимательская этика / Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001.

² *Ксенофонт.* Сократические сочинения. Киропедия. М.: ООО «Издательство АСТ»; «Ладомир», 2003.

³ *Аристотель.* Никомахова этика // Сочинения в 4-х томах. М., Мысль, 1983.

⁴ *Аристотель.* Политика // Сочинения в 4-х томах. М., Мысль, 1983.

⁵ *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй». М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.

(«Беседы и суждения») рубежа VI века до н. э., концентрировалась не на работе отдельных домохозяйств, а на вопросах благоденствия государства. Государство рассматривалось как единая большая семья во главе с императором, от которого исходила развитая иерархическая система управления и регламентации экономической жизни, направленная на приумножение государственного богатства и благоденствия общества. Соответственно, государственная власть регламентировала все ключевые сферы хозяйственной деятельности: налоги, цены, кредит, торговлю, общественные работы и создание стратегических запасов товаров (прежде всего продовольствия) на случай неурожая, стихийных бедствий и войн.

Близкими (хотя и менее жесткими в части ориентации на интересы правителя/государства и глубину регламентации хозяйственной деятельности) были экономические воззрения на «правильное хозяйствование» в Древней Индии. Наиболее известное изложение этих воззрений — трактат рубежа IV века до н. э. под названием «Артхашастра»⁶ («Учение о доходах»), написанный сановником Куатильей, главным советником царя Чандрагупты из династии Маурьев.

При этом отметим: для древних (и позднее — средневековых) трактатов, посвященных экономической деятельности, были, как правило, обязательны рассуждения о справедливости (то есть этической оправданности) роста благосостояния и богатства. Их рост объяснялся и оправдывался затраченным на их приобретение трудом, а также в какой-то мере прибылью, полученной в результате торгового обмена продуктами труда.

С укреплением в различных регионах планеты основных мировых религий (христианство, конфуцианство, индуизм, позднее — ислам) доктринальные постулаты, посвященные экономическим вопросам, входили в корпус священных текстов (канонов) соответствующей религии и в результате складывали характерное для эпохи и места каноническое экономическое право с его канонической предпринимательской этикой.

Так, в христианстве католическая церковь, начиная с Блаженного Августина (V век н. э.) создала на основе текстов Священного Писания и религиозной переработки трудов Аристотеля экономическую школу «канонистов», которая в очень большой степени определяла границы благого и греховного в сфере хозяйствования.

В частности, по Августину («О Граде Божиим»⁷), справедливой является та цена товара, которая соответствует затратам труда и материалов на его производство; физический и умственный труд равно угодны Богу, и потому тип трудовых занятий не должен влиять на общественный статус человека; греховна деятельность, направленная на нетрудовое обогащение, в том числе накопление золота и серебра за счет взимания ростовщического процента и неоправданного завышения торговой прибыли.

⁶ Артхашастра, или Наука о политике: Пер. с санскрита В. И. Кальянов. М., 1993.

⁷ История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002.

Отметим, что развитие в XIII веке экономической доктрины католицизма Фомой Аквинским в «Сумме теологии»⁸ в целом следует логике школы «канонистов». Но при этом Аквинат не только дополнительно разделяет приобретаемое богатство на естественное (плоды земледелия, ремесла, умственного творчества) и искусственное (золото и серебро), но и вводит в этические нормы своей экономической теории ряд крупных новаций.

Аквинат, во-первых, настаивает на благости и справедливости сословного расслоения общества. Он пишет: *«Деление людей по профессиям обусловлено... божественным провидением, которое разделило людей по сословиям <...>, и естественными причинами, которые определили то, что различные люди склонны к различным профессиям...»*

Аквинат, во-вторых, в связи с этим признаёт возможность отклонения цены от справедливой в смысле «канонистов» и считает справедливой в том числе ту цену, которая обеспечивает человеку блага, соразмерные его сословному статусу.

Аквинат, в-третьих, отчасти оправдывает торговые и ссудные сверхприбыли, подчеркивая, что они могут быть справедливыми, когда учитывают дополнительную плату купцу и ростовщику за торговый и ссудный риск.

Соответственно, если для ранних канонистов, ориентированных на этику Священного Писания, богатство всегда в какой-то мере является грехом, то для Аквината, с учетом его трактовки справедливых цен, разных для разных сословий, а также коммерческих рисков торговли и кредита, накопление «умеренного богатства» уже грехом не является.

Отметим, что в том же XIII веке, при Аквинате, в доктрину католицизма был введен догмат о чистилище как посмертном очищении души от менее тяжких грехов⁹, а также получила широкое распространение практика «покупки» прощения грехов в виде индульгенций¹⁰. Что, естественно, ослабляло морально-этическую строгость жизни (и в том числе норм предпринимательства) во всех стратах католического общества.

В странах и регионах распространения ислама основные этические догматы, начиная с VII века, опять-таки базировались на Священном Писании и Предании (Коране¹¹ и Сунне¹²). Они в отношении предпринимательской этики в значительной степени совпадали с христианскими догматами, но имели три существенных отличия.

⁸ Бандуровский К. В. Сумма Теологии // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.

⁹ «Чистилище» / Католическая энциклопедия. М.: Изд. францисканцев. 2013. Т. 5.

¹⁰ Церох Г., Горелов А. Индульгенция / Католическая энциклопедия. М.: Изд. францисканцев, 2005. Т. 2.

¹¹ Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н. Османова. М.: Ладомир; Восточная литература, 1995.

¹² Ньюби Г. Краткая энциклопедия ислама = A Concise Encyclopedia of Islam / Пер. с англ. М.: Фаир-пресс, 2007

Во-первых, ислам не признавал греховным накопление богатства за счет торговой прибыли — прежде всего, потому, что пророк Мухаммед до начала его пророческой деятельности был торговцем. Торговля в исламе признавалась одним из «богоугодных» занятий.

Во-вторых, догматы ислама с самого начала отличались категорическим неприятием ростовщичества и накопления богатства за счет ссудного процента. Это было несомненным грехом.

В-третьих, в исламе (отметим, как и везде на Востоке) признавалась необходимость высокой роли государства (власти) в обеспечении благополучия общества. И, соответственно, право власти на большую долю владения собственностью (прежде всего землей), а также на широкие регулирующие воздействия на предпринимательскую деятельность — от налогов и сборов до организации общественных работ и изъятия и накопления государственных запасов.

Кроме того, в исламе особую роль играла обязанность каждого правоверного заботиться о благополучии мусульманского сообщества («Уммы»). В догматические тексты этического содержания (аяты Корана и хадисы Сунны) входило перечисление соответствующих обязанностей мусульманина по добровольной помощи («садака») — проявлять милосердие к слабым, заботиться о больных, помогать бедным, кормить голодающих.

В дальнейшем учение ислама о предпринимательской этике и хозяйствовании было развито крупными мусульманскими богословами, и прежде всего Ибн-Халдуном (XIV век), написавшим «Книгу назидательных примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле»¹³.

В доктрине Ибн-Халдуна провозглашались необходимость возвышенного и ответственного отношения к труду, резко порицались как скупость и жадность, так и расточительство, подчеркивалось, что развитие ремесленничества и торговли и создание эффективной экономики городов — это путь к такому избыточному производству материальных благ, который позволяет быстро увеличивать национальное богатство и обогащать каждого члена уммы.

Однако при этом Ибн-Халдун утверждал: воля Аллаха такова, что общество всегда будет разделено на сословия по имущественному достоянию и принципу ответственного участия во власти («предводительству»), и потому социальное и экономическое равенство в умме — идея ошибочная и недостижимая.

В России первый писаный свод законов и норм, в том числе касающихся экономических взаимоотношений, известен из сборника «Русская правда» (XI–XIII века)¹⁴. Авторство первого варианта (середина XI века) этого свода законов приписывается князю Ярославу Мудрому, который сначала дал его Новгородской земле. Впоследствии киевские князья вносили в этот законодательный корпус уточнения и дополнения.

¹³ *Игнатенко А.А.* Ибн Халдун. М., 1980.

¹⁴ *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юридическая литература, 1988.

Несмотря на принятие и постепенное укрепление христианства, раннее русское государство жило в основном по языческому установлению права обычая, близкому к раннесредневековым кодексам Европы («Салический кодекс» франков, «Бургундский кодекс» и др.).

Соответственно, «Русская правда» кодифицировала законы кровной мести, а также штрафы за правонарушения разной степени тяжести (в том числе в сфере собственности) в их градации в зависимости от сословной принадлежности.

Дальнейшее развитие правовой системы на Руси происходило в достаточно близкой зависимости от канонов Священного Писания, а также от их преломления в византийском (восточно-христианском) каноническом праве.

Крупный вклад в развитие права (в том числе экономического права) на Руси внес в XVI веке Иван Семёнович Пересветов¹⁵, современник царя Ивана IV. Много лет проведя на военной службе в Чехии, Венгрии, Молдавии, он собрал и предоставил царю достаточно подробные сведения о политике и законоустройстве этих стран, а также писал царю пространные «челобитные», касающиеся «правильного» устройства государственной жизни и хозяйства.

При этом Пересветов в своих трудах делал особый акцент на том, что благополучие государства и государя решающим образом зависит от справедливости правления, которую этот автор понимал как единство «правды» и «веры». В частности, в произведениях Пересветова, видимо, впервые в России подробно обсуждаются вопросы преодоления коррупции, мздоимства, корыстной неправосудности в системе государственной власти.

Завершая эту вводную часть, нужно подчеркнуть, что практически все труды древних и средневековых авторов, касающиеся хозяйственных вопросов разного масштаба — от домохозяйства до государства, — неизменно сфокусированы на объяснении неразрывности этико-моральных и экономических проблем, на необходимости «справедливого» устройства хозяйственной жизни.

¹⁵ *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000.

Глава I

Эволюция и трансформации предпринимательской этики в Новое время

Кратко охарактеризованные выше разнообразные представления о предпринимательстве от древности до средневековья стали предметом переосмысления и специальных исследований в эпоху становления капитализма Нового времени.

Именно на этом историческом этапе, в ходе колониальной экспансии ведущих европейских держав и быстрого расширения глобальных торговых контактов, в европейских центрах капиталистического развития востребовалось и рождалось понимание того, каким образом формируются и что собой представляют общая система мотиваций и морально-этический комплекс человека (в том числе «человека экономического» и предпринимателя) определенной культуры.

1.1. Протестантская этика и ее исторические аналоги

Поскольку лидером в становлении капиталистического рыночного хозяйства «по факту» оказалась преимущественно протестантская часть Европы и позднее Америки (где в основном и формировалась социальная модель «человека экономического» Нового времени), естественным следствием этого обстоятельства стал особый интерес к проблеме мотиваций такого человека в странах развивающегося капитализма, где протестантизм занимал сильные или даже решающие позиции в общем религиозном пространстве «морального должествования». То есть в Англии, Германии, Франции, позже в США и других странах с высоким религиозным значением «эмигрантского» протестантизма.

Одним из первопроходцев таких исследований стал Макс Вебер, в 1905 году выпустивший работу «Протестантская этика и дух капитализма»¹⁶. Здесь нельзя не отметить, что позже немало историков и экономистов показали, что оценки М. Вебером преобладающей или даже исключительной роли протестантизма в становлении современного капитализма преувеличены. В частности, уже в 1921 году Вальтер Беньямин полемизировал с Вебером в своей неоконченной работе «Капитализм как религия»¹⁷. Позже на преувеличение Вебером роли протестантизма в становлении современного капитализма указывали Ф. Бродель в книге «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–

XVIII вв.»¹⁸, Дж. Арриги в труде «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени»¹⁹, Б. Аррунада в статье «Protestants and Catholics: similar work ethic, different social ethic»²⁰ и др.

Тем не менее, начиная с основополагающих работ М. Вебера и других социологов преимущественно «протестантских» стран (Зомбарта²¹, Трельча²² и др.), точка зрения о доминирующем влиянии именно протестантской этики на становление системы мотиваций деятельности «человека экономического» (и в частности, предпринимателя) европейского Нового и Новейшего времени стала (несмотря на полемику по вопросу о специфике зарождения «предпринимательского духа») преобладающей.

Протестантская этика Вебером и его последователями определялась такими чертами (гражданскими добродетелями), как личная деятельная (в том числе предпринимательская) активность, трудолюбие, усердие и настойчивость, честность, добросовестность, аскетизм, недопущение обмана и угнетения работников и слуг и т. д.

Подчеркивалось, что все эти качества (и достигнутый благодаря им экономический успех) протестант-предприниматель рассматривал как правильное исполнение Божественной воли и личный путь к спасению души при деятельности в «богооставленном» земном мире. Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» писал о специфике этого протестантского миропонимания так: «Чем больше имущество, тем сильнее, если аскетическое жизнеощущение выдержит искус богатства, чувство ответственности за то, чтобы имущество было сохранено в неприкосновенности и увеличено неустанным трудом во славу Божью».

Отметим, что при этом М. Вебер, как пионер научного исследования проблемы, не ограничился рассмотрением наиболее важной для него протестантской предпринимательской этики. Далее он достаточно внимательно разобрал — на доступном ему в то время уровне источников — роль иных религиозных и социокультурных сред в становлении мотивационных предпочтений и мотивационной специфики предпринимательства (в том числе развитого предпринимательства) в разных конкретных исторических и страново-географических условиях. Как в христианско-европейской религиозно-культурной зоне, так и в конфуцианской, исламской, джайнской Азии. Так, в «Хозяйственной этике

¹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3-х т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.

¹⁹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006.

²⁰ Arrunada B. Protestants and Catholics: similar work ethic, different social ethic // *The Economic Journal*. 2010. No 120 (547). Pp. 890–918.

²¹ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994.

²² Трельч Э. Метафизический и религиозный дух немецкой культуры // *Культурология. XX век: Антология*. М.: Юрист, 1995.

мировых религий»²³ и отчасти в «Социологии религии»²⁴ М. Вебер описал системы предпринимательской этики («традиционного» в его терминологии типа) в ареалах распространения различных мировых религиозных учений.

М. Вебером, а позже и другими исследователями было показано, что в Новое время в пределах Европы и ее колониальных владений наряду с основным (условно протестантским) типом наиболее динамичной, с точки зрения темпов развития, предпринимательской этики существовали специфические (и вполне успешно развивавшиеся) очаги предпринимательства, этическая нормативность которых определялась иными религиозными и социально-культурными основаниями.

В частности, существуют описания специфики успешной предпринимательской этики в католических городах-республиках средневековой Италии (Брагина²⁵, Гордиенко²⁶), в православной Византии (Иванов²⁷), в языческой и раннехристианской Руси (Фроянов²⁸).

Представляется, что одно из наиболее ярких и развернутых сопоставительных описаний, касающихся становления специфической буржуазной этики (в том числе в ее «предпринимательском» аспекте) и дополняющих анализ М. Вебера, дает М. Оссовская в работе «Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали»²⁹. Оссовская рассматривает представления о предпринимательской этике от древности до позднего Нового времени, содержащиеся в исследованиях, наставлениях, поучениях, художественной литературе разных эпох.

На этом материале Оссовская убедительно показывает, что предпринимательская нравственность, общественная мораль и их осмысление в этике обусловлены как религиозными представлениями (культом), лежащими в ядре определенной культуры, так и специфической конкретикой развития этой культуры, включая экономическую культуру в различных сословиях, в определенном месте и в определенное время. И что в этом смысле предпринимательская этика не только «экономическая», но и культурно-специфична, сословно-специфична и исторична.

Тем не менее нельзя не признать, что европейская предпринимательская этика протестантского типа, беспрецедентно подстегнувшая развитие европей-

²³ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Образ общества // Вебер М. Избранное. М.: Юрист, 1994.

²⁴ Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ). Образ общества // Вебер М. Избранное. М.: Юрист, 1994.

²⁵ Брагина Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1983.

²⁶ Гордиенко А. Б. Представления о труде в этических концепциях религиозных мыслителей Средневековья и деятелей итальянского гуманизма XIV в. // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13.

²⁷ Иванов В. Г. История этики средних веков. СПб.: Лань, 2002.

²⁸ Фроянов И. Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012.

²⁹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. М.: Прогресс, 1987.

ской науки и промышленных технологий, стала одним из главных «моторов» того рывка в экономическом развитии основных стран Европы, который создал хозяйственно-экономический и, шире, общецивилизационный облик капитализма Нового времени. Одновременно нельзя не признать, что этику этого типа — по мере расширения масштабов международных торговых оборотов и в порядке «копирующего» догоняющего развития — в той или иной степени перенимали для обеспечения собственной конкурентоспособности многие экономически связанные с «протестантской» Европой регионы мира.

При этом следует подчеркнуть, что социоэкономические трактаты Нового времени (в частности, учение шотландского экономиста XVIII века Адама Смита о «невидимой руке рынка»³⁰, обеспечивающей объединение индивидуальных предпринимательских эгоизмов в русле «общего блага»), всегда явным или неявным образом подразумевали в содержании массовой этики предпринимателей некий «нравственный закон внутри», который разделял богоугодное, благое предпринимательское действие и недопустимый, греховный выход за его пределы.

В связи с этим стоит напомнить, что до широко известного «Богатства народов» тот же Адам Смит издал трактат «Теория нравственных чувств»³¹, где вполне ясно сформулировал представления о том морально-этическом фундаменте общества (и гражданина этого общества), который является непременным условием «благотворной» работы «невидимой руки рынка». В этом трактате А. Смит, например, пишет: «...мы презираем эгоиста, очерствелая душа которого занята исключительно только собой и относится бесстрастно как к счастью, так и к несчастью своих ближних».

Нельзя не подчеркнуть, что близкие представления о допустимом и недопустимом в предпринимательской этике были и в католической Европе позднего средневековья и раннего Нового времени. Хроники и художественная литература той эпохи убедительно показывают, что в католических городах Италии также существовала и поддерживалась внутренняя религиозная нормативность «уважения к ближнему», которая была естественным нравственным ограничением предпринимательского активизма.

Так, именно нарушение этой нормы «уважения к ближнему» еврейским купцом и ростовщиком Шейлоком, «религиозно чуждым» в отношении итальянца-католика Антонио, оказывается предметом основной коллизии в комедии У. Шекспира «Венецианский купец»³².

Отметим также, что Джованни Боккаччо в своей книге «Жизнь Данте»³³ резко критикует общественную ситуацию, когда людей оценивают не по их добродетели, а по их успеху и богатству, порицает избыточное честолюбие и жажду славы и власти, а также стремление «добывать знания, полезные лишь для накопления богатств».

³⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007.

³¹ Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.

³² Шекспир У. Венецианский купец. М.: АСТ, 2001.

³³ Боккаччо Дж. Жизнь Данте. М.: Эксмо, 2006.

Современник Смита, немецкий философ Иммануил Кант, в своих трактатах 1780-х годов «Основы метафизики нравственности»³⁴, «Критика практического разума»³⁵, а также «Лекции по этике»³⁶ сформулировал главный, как он считал, и обязательный принцип «справедливых» этических отношений между людьми — «категорический императив» — и связанные с ним необходимые этические принципы-максимы. Формула категорического императива по Канту такова: *«поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом»*, или *«поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»*.

Добродетель, по Канту, — это *«внутреннее разумное принуждение к нравственным поступкам»*, это тот *«нравственный закон внутри»*, который определяет стремление человека к моральному поведению во всех обстоятельствах.

Подчеркнем, что у Канта «нравственного закона внутри», который устанавливает «справедливые» границы для человеческого, в том числе предпринимательского эгоистического активизма, был отчетливый коррелят в повседневной этике предпринимательства традиционных укладов. В частности, именно религиозная социокультурная нормативность «допротестантских» и «непротестантских» зон Европы, в условиях экспансии капитализма Нового времени, в достаточно больших объемах сохраняла и поддерживала (в особенности в предпринимательской среде малого и среднего бизнеса и вне основных промышленных центров эпохи) иную, традиционную этику.

Специфику этой предпринимательской этики (и ее существенные отличия от классической протестантской этики, базирующейся на подчеркнутом индивидуализме) представлял достаточно сильный «дух коллективизма».

Сообщества рассматриваемого типа, как правило, были ограничены сравнительно узким кругом лично — хотя бы «шапочно» — знакомых предпринимателей, а также постоянных покупателей их товаров и услуг. Нередко этот круг замыкался в рамках одной религиозной общины и/или одного ремесленного цеха, городка, поселка, деревни. Это в очень большой степени определяло этическую специфику предпринимательства такого типа.

В этой этике, например, конкуренция была второстепенным фактором предпринимательской активности, поскольку сдерживалась как нормами внутрицеховой и внутрисословной солидарности, так и моральными репрессиями социальной среды³⁷. В этой этике, в частности, демпинговые приемы захвата рынка и негативные экстерналии предпринимательской деятельности (ее побочные вредные эффекты для других) были исключением из правил — по той причи-

³⁴ Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. I.

³⁵ Кант И. Критика практического разума / Пер. с нем. СПб.: Наука, 1995.

³⁶ Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2000.

³⁷ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. М.: Прогресс, 1987.

не, что воспринимались как аморальные и социально нелегитимные, то есть не могли получить общественную санкцию.

Таким образом, наличие и сосуществование в экономической системе раннего Нового времени разных сословий и разных хозяйственных укладов имело следствием сосуществование достаточно глубоко различающихся предпринимательских этических систем. Причем можно с высокой степенью уверенности предполагать, что постепенное вытеснение традиционных типов коллективистско-солидаристской предпринимательской этики новым «протестантским» типом индивидуалистско-конкурентной этики было обусловлено не только преимуществами новой этики в обеспечении более высоких темпов экономического развития.

Успешность этого вытеснения была связана еще и с тем, что большинство носителей новой протестантской этики, несмотря на их явно выраженный конкурентный индивидуализм, наглядно предьявляли наличие в основе своей деятельности упомянутого выше «нравственного закона внутри».

Однако развитие капитализма Нового времени не могло не создавать для активного предпринимательства новые контексты и новые условия. И соответственно, не могло не приводить к трансформациям производительных сил и структуры рыночных экономик, а также доминирующей предпринимательской этики.

1.2. Колониальный империализм как фактор этико-нормативных трансформаций

Видимо, очень серьезные трансформации предпринимательской этики в тогдашней Европе оказались связаны с эпохой колониальной экспансии развивающегося капитализма. Сталкиваясь с религиозными, социокультурными и этическими системами различных географических ареалов Азии, Африки, Америки, принципиально отличными от европейской христианской системы, колонизаторы регулярно обнаруживали отчетливые конфликты своей и чужой моральной нормативности. И одновременно выявляли, что христианский прозелитизм (мягкий или жесткий), при любой его внешней формальной успешности, не стирает до конца, но лишь «затушевывает» эти социокультурные и морально-регулятивные различия и противоречия.

Ответом на этот вызов стали достаточно широко укорененные в Европе представления о фундаментальном антропологическом неравенстве, которое требует от христиан применять в отношении «дикарей» иные этические нормы.

В связи с этим отметим, что иерархия феодальных сословий еще в позднем средневековье оправдывалась их принадлежностью к разным — и неравным — антропологическим группам. Причем этот взгляд был настолько укоренен, что общественному большинству всех сословий представлялся несомненным и не требующим доказательств. Тем более несомненным всем

сословиям в Европе представлялось расовое и одновременно моральное превосходство христиан над иноверцами, а также белой расы над цветными³⁸.

Можно предположить, что обсуждаемое здесь столкновение Европы с другими цивилизационными мирами в известной мере воспроизводило в массовом сознании пионеров процесса колонизации некий аналог «рыцарской» сословной этики средневековой и ранне-нововременной Европы. Той этики, в которой строгая специфическая моральная регулятивность в рамках собственно дворянского сословия не распространялась ни на крестьянство, ни на буржуазное «третье сословие».

Поэтический (и потому общеизвестный) тезис Р. Киплинга «Несите бремя белых»³⁹, по определению, предполагал особое отношение к «дикарям», на которых не распространяется собственная этическая нормативность «цивилизованного белого европейца». Этические нормы предпринимателя-колонизатора уже не составляют единства — они «расщепляются», оказываются многозначны и различны для «своих» и для «дикарей».

Но когда «нравственный закон внутри» уже не императивен по Канту, а избирателен, постоянный выбор в рамках этой избирательности не может не размывать и сам этот нравственный закон, и границы его применимости. И в том числе — круг тех «своих», к которым относятся нравственные обязательства предпринимателя. Вплоть до глубокой избирательности: для применения норм «внутренней справедливости» существуют я и мой ближайший (прежде всего близкородственный) круг, а ко всем остальным может и должно быть такое же отношение, как к дикарям.

Эти тенденции применения «разной справедливости» в отношении «своих» и «чужих» — которые, отметим, выявляют аналогию или близость к типичным архаичным трайбалистским системам «права обычая» и внутриплеменных моральных норм⁴⁰, — не могли не транслироваться из колоний в метрополию. И не могли не ослаблять «внутренние» моральные регуляторы предпринимательской этики в Европе метрополий.

Представляется, что эти обстоятельства, этически раскалывающие общество на «своих и чужих», играли существенную роль в возникновении в то время в Европе дискуссий вокруг тезиса «Homo homini lupus est»⁴¹. И, начиная с Дж. Гоббса и его «Левиафана»⁴², во многом определяли развертывание политико-социологических исследований роли государства как сферы «договора о правилах» и контролера общих «внешних» норм, предотвращающих сдвиг

³⁸ Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии: Учебное пособие для вузов. 5-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2001.

³⁹ Киплинг Р. «Несите бремя белых, и лучших сыновей...» // Рассказы; Стихотворения: Пер. с англ. Л.: Художественная литература, 1989.

⁴⁰ Гусейнов А. А. Мораль // Общественное сознание и его формы. М.: Политиздат, 1986.

⁴¹ Человек человеку — волк (лат).

⁴² Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1964.

отношений граждан (и в частности, предпринимательской конкуренции) в направлении «войны всех против всех» на основании различных индивидуальных и групповых представлений о справедливом и должном.

Результатом дальнейшего становления и утверждения «государства общественного договора», по Гоббсу, становится то, что предпринимательство в своем конкурентном активизме оказывается формально (то есть законодательно) ограничено в основном лишь внешними нормами запретов. «Нравственный закон внутри» оказывается, по сути, всё более «факультативным» и необязательным регулятором предпринимательского поведения.

Более того, успешность бизнеса нередко обнаруживает неявную или явную связь с внеморальностью поведения, решений, действий предпринимателя. Устоявшиеся традиционные основы предпринимательства — доверие, кредит, священность собственности и договора — оказываются оперты только на внешнюю нормативность государства-Левиафана. А именно — на качество и детальную проработанность формальных нормативных требований законов и на способность государства выявлять, пресекать и репрессировать нарушения законодательных норм.

Собственно, моральная рамка предпринимательской активности (и деловая репутация предпринимателя и его фирмы) в новых условиях оказывается в решающей степени зависима не от его внутренних нравственных устоев и от «справедливости» его отношения к конкурентам, работникам и т. д., а от того, насколько успешно и последовательно государство и предприниматель выполняют взаимные обязательства по установлению, контролю и исполнению законов.

Эгоизм и воинствующий индивидуализм, конкуренция во всех не запрещенных законом формах, ориентированные на максимизацию прибыли и рыночную экспансию, становятся на Западе Нового времени всё более распространенной и устойчивой предпринимательской нормой.

Отметим, что в ходе описанных трансформаций этических предпринимательских норм из них достаточно явно вымывается и «священное» отношение к труду и трудящемуся человеку. Если английский экономист Уильям Петти в XVII веке в «Трактате о налогах и сборах» писал: «Труд — отец и активный принцип богатства. Земля — его мать»⁴³, то Адам Смит веком позже в своем «Богатстве народов» хотя и признавал священную роль труда в жизни человека и общества, но уже делал акцент на его «меркантильной» роли для человека: «Заработная плата за труд поощряет трудолюбие, которое, как и всякое иное человеческое свойство, развивается в соответствии с получаемым им поощрением... Собственный интерес человека заставляет его искать выгодного и избегать невыгодного занятия».

Одновременно в трудах философов-утилитаристов, начиная с Иеремии Бентама, развивается и утверждается идея о том, что каждый трудящийся (и предприниматель, и работник) преследует исключительно собственные

⁴³ Петти У. Трактат о налогах и сборах. Verbum sapienti — слово мудрым. Разное о деньгах. М.: Ось-89, 1997.

эгоистические цели, однако в сумме всё это способствует развитию общества⁴⁴. А в начале XIX века шотландский экономист-утилитарист Джеймс Милль, друг Бентама и Рикардо, в трактате «Элементы политической экономии»⁴⁵ (1821) уже фактически называет труд работника товаром, который работник выставляет на продажу в своей сделке с предпринимателем: «*Определение долей работника и капиталиста есть продукт торговой сделки, торга между ними. Всякая свободная торговая сделка регулируется конкуренцией, и условия торга меняются в зависимости от соотношения между спросом и предложением*». То есть вопрос о моральной стороне трудовых отношений из такого рассмотрения вообще выводится «за скобки».

Одновременно из доминирующей предпринимательской этики всё более явно вымывается и такая «гражданская добродетель», как упомянутое выше «недопущение обмана и угнетения работников и слуг». То есть всё более широко распространённой предпринимательской этической нормой становится тот самый воинствующий эгоизм безразличия к судьбе ближних, который обличал Адам Смит в своей «Теории нравственных чувств».

Как позже писал в книге «Иметь или быть» о подобных этических трансформациях «взрослеющего» капитализма Эрих Фромм, «...качества, которые требовала система от человека, — эгоизм, себялюбие и алчность...»⁴⁶. И конечно же, такой этический сдвиг предпринимательства оказывается в немалой степени ответственным за те процессы нарастания классовых антагонизмов, которые в XIX веке привели к созданию различных (марксистских и других) теорий эксплуатации трудящихся и множественным попыткам классовых (в том числе, пролетарских) революций⁴⁷.

1.3. Трансформации предпринимательской этики эпохи олигопольного и монополистического капитализма

Тем не менее в течение почти всего XIX века на фоне классового расслоения общества в основном всё же сохранялись «классовая солидарность» и определенная «внутренняя» этическая нормативность на уровне предпринимательства. Которая дополнялась и поддерживалась «внешней» законодательной государственной нормативностью, касающейся правил «справедливой конкуренции».

⁴⁴ Философский век. Альманах. Вып. 9. Наука о морали: Дж. Бентам и Россия / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 1999.

⁴⁵ Василевский Е. Г. Джеймс Милль и Мак-Куллох // Всемирная история экономической мысли. В 6 т. / Гл. ред. В. Н. Черковец. М.: Мысль, 1988. Т. II. От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса.

⁴⁶ Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, 2000.

⁴⁷ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1961. Т. 19.

Олигопольный и монополистический капитализм, начиная с последней четверти XIX века, углубляет не только социально-экономическое расслоение общества, но и этико-нормативное расслоение предпринимательства. Он фактически разделяет предпринимательство на нормативно-конкурентную (нижнюю) и «неявно-договорную» (верхнюю) зоны.

Причем в «верхней» зоне крупного и сверхкрупного монопольного и олигопольного капитала с ее открытыми и негласными картелями, синдикатами, трестами и т. д. классические законы конкуренции действуют в особых «превращенных» формах или же вообще не действуют⁴⁸. А переход из «нижней» конкурентной зоны в «верхнюю» предполагает достаточно высокие «барьерные» издержки и большинству предпринимателей фактически недоступен.

Тем самым сфера применимости понятий и механизмов классической свободной конкуренции резко сужается. И следовательно, типы предпринимательской этики, характерной для «нижней» и «верхней» зон, дополнительно расщепляются. А поскольку в хозяйственной системе, как правило, сохраняются и элементы (или рудименты) «донововременной» этики традиционного типа с ее сословно-цеховой солидарностью и моральными ограничениями конкуренции, то в хозяйственно-экономической системе возникает как минимум «трехслойная» система этических предпринимательских норм.

При этом, как убедительно доказывает Йозеф Шумпетер в работе «Капитализм, социализм и демократия»⁴⁹, основные импульсы экономического развития, включая внедрение в производство крупных инноваций, как правило, поступают из сферы крупного монопольного и олигопольного предпринимательства. То есть из той сферы крупного бизнеса, где систематически и последовательно нарушаются «писанные» конкурентные нормы (включая нормы возникающего антимонопольного и антитрестовского законодательства).

Совокупность этих новых процессов эпохи олигопольного «капитализма более равных», которым позволено многое сверх законного, дополнительно закрепляет в массовом сознании внеморальность предпринимательства как новую норму предпринимательской этики.

По этой новой норме разрешено всё, что не запрещено (что не успели запретить, а также что удастся скрыть от государственного надзорного ока или оспорить в суде). Однако к этим условиям добавляется еще одно: способность крупного капитала воспрепятствовать невыгодным для себя законодательным запретам через лоббистские механизмы законотворчества.

В связи с этим в социологической и политэкономической (в том числе марксистской) литературе развивается обсуждение феномена «покупки государства» сверхкрупным бизнесом и создания различных типов финансовых

⁴⁸ Большой экономический словарь. Под ред. А. Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2004. См. Олигополия.

⁴⁹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. Гл. 8. «Монополистическая практика».

и финансово-промышленных олигархий. Этот (достаточно распространенный в повседневной политической практике эпохи) процесс сращивания крупного капитала и власти вызывает к жизни устойчивое (и воспринимаемое как справедливое массовым сознанием наемных работников и мелкого бизнеса) определение капиталистического государства как механизма классового господства крупной и средней буржуазии, которое дает Фридрих Энгельс в работе «Анти-Дюринг»⁵⁰.

Начиная с рассматриваемой эпохи, которую марксисты определяют как «монополистический капитализм», всё более популярное в либеральных экономических теориях требование «минимального государства» есть основания рассматривать не только в связи с подозрением бизнеса, что чиновник-контролер будет мешать свободе предпринимательской деятельности. Но и, прежде всего, в связи с тем, что «купить» сильное государство почти невозможно, и в сильном государстве такой чиновник будет, в случае нарушений законодательных норм, правомочен и способен применить значимые и болезненные санкции закона не только в адрес мелкого и среднего, но и в адрес крупного и сверхкрупного бизнеса.

Очевидно, что феномен «купленного государства» в рамках широкого распространения описанной выше «многоуровневой» и «внеморальной» нормативности повышает трансакционные издержки классического «шумпетеровского» предпринимательства и разделяет зоны предпринимательства разного типа и масштаба высокими (как правило, всё более высокими) барьерами. А также сужает сферу доверия в системе сделок формально единого рынка, оказывая дополнительное давление в направлении элиминирования любых устойчивых форм предпринимательской этики, ориентированных на какой-либо социально легитимный «нравственный закон внутри» и социальную солидарность.

Видимо, это хорошо понимал германский канцлер О. Бисмарк — как одну из главных угроз своей программе политического, экономического, социального объединения множества германских княжеств в сильное и конкурентоспособное имперское государство. Усилиями Бисмарка в германское законодательство к концу XIX века была включена система «внешних» моральных обязательств государства и предпринимателя, обеспечивающая достаточно высокий для той эпохи уровень социальной ответственности перед наемными работниками. То есть был создан прообраз будущего буржуазного социального государства, получивший особое название «прусского социализма»⁵¹.

Отметим, что в это же время на бурное развитие социалистических и коммунистических идей и на их воплощение в росте революционных движений в Европе начала реагировать и католическая церковь. Именно церковь — в эн-

⁵⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961.

⁵¹ Григорьева И.А. Исторические предпосылки и особенности развития «немецкой модели социальной политики» // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России. М.; ИД ГУ ВШЭ, 2007.

циклике Папы Льва XIII «*Rerum Novarum*»⁵² — в 1891 году была достаточно полно и авторитетно заявлена идея корпоративизма как воплощения социальной солидарности и сотрудничества между наемными работниками и работодателем. То есть между трудом и капиталом как двумя взаимозависимыми и взаимодополняющими факторами поддержки и развития производства.

Именно Бисмарк на этой основе (подчеркнем: с глубокими консультациями с рядом экономистов-социалистов) впервые заявил и начал реализовывать в политической и социальной практике корпоративную идею, которую в современной социологии называют «социальным партнерством».

И именно этот успешный опыт Бисмарка, ослабивший давление на власть со стороны германского (тогда наиболее сильного в мире) социалистического и коммунистического движения и обеспечивший в империи относительный социальный мир, позволил Германии — вплоть до момента поражения в Первой мировой войне — избежать катастрофических революционных потрясений.

Представляется также, что именно опора на корпоративизм и опыт «прусского социализма» Бисмарка, позволившая законодательными нормами «внешней морали» обеспечить определенный уровень социальной солидарности в буржуазном государстве, позже оказалась одним из важнейших факторов победы итальянского фашизма Муссолини и германского нацизма Гитлера над весьма сильными левыми (социалистическими и коммунистическими) движениями в Италии и Германии.

Так, например, Ричард Пайпс в своем труде «Русская революция»⁵³ признаёт, что политические и экономические успехи Муссолини и Гитлера были решающим образом связаны с активным использованием ими «социалистических» идей, включая идеи коллективизма и «надклассовой», общенациональной солидарности. Отметим, что примерно такой же вывод делает в своих книгах «Итальянский фашизм»⁵⁴ и «Германский национал-социализм»⁵⁵ крупный русский эмигрантский социолог и политический философ Николай Устрялов.

1.4. Трансформационные этические последствия первой глобализации рубежа XX века и «финансового империализма»

Процессы первой глобализации, в конце XIX — начале XX века в высокой степени затронувшие практически все страны «рыночного» мира, не могли не оказывать мощное влияние на предпринимательскую этику.

⁵² Папа Лев XIII. *Rerum novarum* / Пер. В.И. Рабиновича http://www.pseudology.org/Documets/Lio13_enciclika.htm

⁵³ Пайпс Р. Русская революция. В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. М.: «Захаров», 2005.

⁵⁴ Устрялов Н.В. Итальянский фашизм. Харбин, 1928.

⁵⁵ Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. Харбин, 1933 (http://krotov.info/libr_min/20_u/st/ryalov_02.htm).

Во-первых, крупные волны инокультурной миграции (и в пределах Европы, и в Северную и Латинскую Америку, в Азию и Африку) приводили к очень плотным контактам носителей общегражданской и предпринимательской этики разных групп мигрантов и автохтонного населения.

Во-вторых, эти контакты не могли, с одной стороны, не создавать морально-нормативные коллизии и, с другой стороны, не приводить к дополнительному размыванию «морального закона внутри» и у мигрантов, и у автохтонов.

Конечно, были и довольно долго сохранялись специфические (как правило, религиозные, в том числе сектантские) мигрантские общины, которые на новой родине реализовали своего рода «социокультурные автономии», живя, работая и занимаясь предпринимательством в добровольных этнорелигиозных «гетто» и нередко даже осуществляя торговые и бюрократические контакты с автохтонной средой и властью только через специально выделенных для этих целей посредников. Однако тем не менее социальное большинство — автохтонное и эмигрантское — неизбежно подвергалось взаимной, если так уместно выразиться, «этической ассимиляции».

Яркий пример — почти полное «вымывание» в первой трети XX века той накаленной протестантской этики, которую сохраняли в предыдущие столетия общины британских, германских, отчасти французских ранних переселенцев в Америку. Американский социолог Ален Вулф в связи с этим в статье «Изменения сверху донизу» признаёт: «Протестантская этика, делающая упор на бережливость, честность, напряжённую работу, жертвенность и взаимопомощь членов сообщества, становится всё менее и менее распространённой в стране, которая с каждым годом превращается во всё менее и менее протестантскую по своей сути»⁵⁶.

Второй фактор эпохи «первой глобализации», весьма значимый с точки зрения трансформаций предпринимательской этики, — это приобретение банками (и в целом финансовым капиталом) доминирующих позиций в экономических системах развитых рыночных экономик, а также транснационализация и международная экспансия финансового капитала. Этот процесс, подробно и содержательно описанный как либеральными, так и марксистскими исследователями (включая книгу «Финансовый капитал»⁵⁷ Рудольфа Гильфердинга), ставил производственное (промышленное, сельскохозяйственное, торговое) предпринимательство в достаточно глубокую неравноправную зависимость от транснационализирующихся и вступающих в олигопольные соглашения банков. Которые во всё большей степени контролировали, через участие в акционерном капитале, компании реального сектора экономики и одновременно ключевой фактор предпринимательства — кредит.

Перефразируя Йозефа Шумпетера, можно сказать, что от банков решающим образом зависело, будет ли предприниматель «мчаться к успеху, оседлав

⁵⁶ Вулф А. Изменения сверху донизу // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 99–106.

⁵⁷ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М.: Политиздат, 1959.

долги»⁵⁸, либо ему (в лучшем случае) придется «топтать на месте» или же (в худшем случае) готовиться к банкротству. Эта односторонняя зависимость не могла не трансформировать предпринимательскую этику финансистов, включая их стремление к созданию всё более прибыльных для банков (и всё более проблемно-рискованных для заемщиков) систем, финансовых инструментов и условий кредитования.

1.5. Великие кризисы первой половины XX века: трансформации системы предпринимательских рисков и основные тенденции изменений доминирующей предпринимательской этики

Конечно же, во все времена одним из наиболее мощных факторов трансформаций предпринимательской этики были крупные экономические кризисы.

Подробно рассмотренные в литературе причины и ход конкретных кризисов выходят за тематические рамки данного исследования. Тем не менее следует отметить, что каждый из подобных кризисов приводил к подрыву как взаимного доверия между предпринимателями, так и, что еще важнее, доверия к государственным регуляторам. Тем регуляторам, которые в кризисных условиях либо не могли в полной мере контролировать исполнение писанных для «мирного» хозяйственного времени законодательных установлений, либо внезапно и кардинально меняли в кризисе (для всего предпринимательского сообщества или его части) систему «внешних» норм ведения бизнеса.

Представляется, что это справедливо для всех крупных кризисов первой половины XX века.

Так было в случаях разрывов между конъюнктурными ожиданиями масс предпринимателей и реальными, нередко буквально катастрофическими, хозяйственно-экономическими кризисными тенденциями (кризис 1900–1903 годов, Великая депрессия 1929–1939 годов).

Так было с непредсказуемыми для предпринимательского сообщества действиями государственных регуляторов (кризис 1907 года — резкое повышение учетной ставки Банком Англии с целью привлечь мировые свободные капиталы, кризис 1914 года — массированные продажи зарубежных ценных бумаг центральными банками развитых стран для финансирования «военной» экономики).

Так было и с достаточно глубокими «мобилизационными» национализациями частных активов в кризисах Первой и Второй мировых войн и на этапах послевоенного восстановления хозяйства. Например, британские железные дороги в 1914 году были национализированы, спустя 7 лет возвращены прежним владельцам, а во время Второй мировой войны вновь стали государственными⁵⁹.

⁵⁸ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

⁵⁹ Хусаинов Ф.И. Проблемы российских железных дорог через призму британского опыта // Бюллетень транспортной информации. 2011. № 10 (196).

Кризисные эксцессы, определявшие фундаментальную неустойчивость условий (и норм) хозяйственной деятельности, не могли не приводить в предпринимательской среде к переосмыслению системы рисков организации и ведения бизнеса, а также к глубоким трансформациям бизнес-практик. В частности, исследователи кризисных экономик обращают внимание на то, что в условиях кризиса значимая часть предпринимательского сообщества нередко обращается к субкриминальным и криминальным способам ведения бизнеса.

Широко известна, например, история борьбы ФБР с мафией в Чикаго в 30-х годах XX века, в годы Великой депрессии. Тогда в ходе расследований выяснилось, что город фактически управляется негласным союзом коррумпированных политиков, полицейских и деятелей криминального бизнеса преимущественно итальянского происхождения (что, например, ярко описал Блум Говард в книге «Страна Крестных отцов. ФБР против мафии»⁶⁰). Такие процессы, разумеется, не могли не проявляться в соответствующих трансформациях массовой предпринимательской этики.

Сопровождавший глобализацию рост экономической (торговой, финансовой, валютной, миграционной) связности мира, как правило, мультиплицировал и обострял кризисные эксцессы.

А на предъявленную предпринимательскому сообществу необходимость учитывать в своей стратегии выгоды, риски и издержки глобализации наложилось еще одно важное обстоятельство. Формировавшаяся в течение Нового времени научная картина экономического мира в первой половине XX века проникает в законотворческую практику, а далее, через систему массового образования и художественную литературу, — в массовую социальную нормативность и широкие круги предпринимательского сообщества.

Для нашей темы в связи с этим процессом важно в первую очередь активное и широкое распространение «мейнстримной» модели «человека экономического», а также мотивационной модели «эффективного предпринимателя».

В этой мейнстримной модели успешный предприниматель представлял деятелем, обладающим «протестантским» активизмом, доведенным до максимума рискованной поисковой решительности, как это показывал Йозеф Шумпетер в книге «Теория экономического развития»⁶¹. Но заодно этот успешный предприниматель оказывался успешным потому, что полностью «самоосвободился» от любой (в том числе протестантской) этики, от какого-либо «нравственного закона внутри». В США этот тип предпринимателя был ярко описан, например, в романах Теодора Драйзера «Финансист», «Титан», «Стоик»⁶².

Отметим, что на тенденцию «внеэтичного перерождения» буржуазного предпринимательского активизма указывали еще классики марксизма полтора века назад. Вот, например, как оценивает буржуазию с этической точки зрения

⁶⁰ Говард Б. Страна Крестных отцов. ФБР против мафии. М.: Вагриус, 1995.

⁶¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

⁶² Драйзер Т. Финансист. Титан. Стоик. Киев: Художественная литература, 1959.

«Манифест коммунистической партии»⁶³: «В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных свобод одну бессовестную свободу торговли».

Читатель может возразить, что коммунисты Маркс и Энгельс в вопросе предпринимательской этики не могли быть сколько-нибудь объективными авторитетами.

В связи с этим приведем оценку современника Маркса (и отнюдь не коммуниста) Герберта Спенсера. Спенсер, подробно рассматривая в работе «Торговая нравственность»⁶⁴ различные формы мошенничества в среде тогдашнего британского (по преимуществу именно протестантского) торгового и фабричного предпринимательства, заключает: «Высший класс нашего коммерческого мира обнаруживает в своей деятельности все виды незаконных действий, за исключением только прямого воровства».

А вот что говорит в статье «Будущее капитализма» о «внеморальном коммерческом плюрализме» уже современного буржуазного предпринимательства крайне далекий от марксизма американский экономист Лестер Туроу: оно «...удовлетворяет извращенные саморазрушительные потребности так же успешно, как и потребности альтруистические и гуманные... желание стать преступником столь же законно, как и желание стать священником»⁶⁵.

И это не одно из частных мнений. Об этом, как о новой и общепринятой норме, говорят и пишут начиная с середины XX века крупнейшие социально-экономические теоретики Запада (Ф. Хайек, М. Фридмен, К. Хоманн и др.). Они подчеркивают, что «правильная» предпринимательская этика целиком и полностью концентрируется во «внешнем» законе, в соблюдении юридической нормативности. А «внутренний» закон предпринимательского активизма всецело определяется стремлением предпринимателя к максимальной прибыльности бизнеса и реализации потенциала экспансии на рынках.

Так, К. Хоманн и Ф. Бломе-Дрез в работе «Экономическая этика и этика предпринимательства» утверждают, что этическая сфера предпринимательства целиком и полностью относится к сфере формализованных и соблюдаемых актором рынка «внешних» по отношению к собственно бизнесу норм и что «системным местом морали в рыночной экономике является рамочный порядок»⁶⁶.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 426.

⁶⁴ Спенсер Г. Торговая нравственность // Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. В 3 т. Пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. Минск: Совр. литератор, 1998. Т. 3. С. 1038–1074.

⁶⁵ Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний / Антология «Новая постиндустриальная волна на Западе». Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 201.

⁶⁶ Хоманн К., Бломе-Дрез Ф. Экономическая этика и этика предпринимательства // К. Номанн, Ф. Бломе-Дрез Wirtschafts und Unternehmensethik, изд: Vandenhoeck & Ruprecht

Аналогичную позицию предъявляют М. Фридмен в статье «Методология позитивной экономической науки»⁶⁷ и Ф. Хайек в работе «Индивидуализм и экономический порядок»⁶⁸.

В то же время Дж. Сорос, неявно адресуясь к А. Смит и М. Веберу, высказывает противоположную точку зрения. В книге «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм» Сорос пишет: «*Рыночные ценности не способны заменить собою дух гражданственности или, прибегнем к старомодному обороту, гражданских добродетелей*»⁶⁹.

Как мы видим, нормативно-этический посыл Хайека, Фридмена и Хоманна кардинально отличается от той предпринимательской этики, которую оправдывал Смит и описывал Вебер. Представляется, что в этом (уже почти постулированном в нынешнем «теоретическом мейнстриме» как научная и социальная норма) разрыве между «внешним» и «внутренним» моральным законом кроется одно из фундаментальных внутренних противоречий (и содержится одна из фундаментальных проблем) сложившегося к середине XX века «развитого капитализма».

«Ядро» проблемы, на наш взгляд, заключается в том, что ослабленное (а иногда отчасти «купленное» в указанном выше смысле) государство не в силах полноценно гарантировать справедливую «внешнюю» нормативность, но одновременно «внутренняя» нормативность массового предпринимателя (менеджмента фирмы) всё чаще вообще исключает из рассмотрения понятие справедливости в отношении других агентов экономического взаимодействия.

Сочетание этих двух обстоятельств, во-первых, приводит к тому, что нарастают масштабы и «привычность» проявления в хозяйственной деятельности негативных экстерналий самого разного уровня. От сомнительных кредитно-финансовых операций, погружающих фирмы и даже целые страны в ситуации «долговых ловушек», до разного рода открытых и неявных «торговых войн». От демпинговых кампаний вытеснения конкурентов с рынков до воинственно-антиэкологических методов ведения бизнеса.

Во-вторых, указанный разрыв между «внешней» и «внутренней» нормативностью при ослаблении или даже элиминировании у предпринимательского большинства и общества в целом «морального закона внутри» приводит к тому, что из системы экономических отношений неизбежно уходит фактор взаимного доверия — и между предпринимателями/фирмами, и между предпринимателями и государством. А это доверие — очевидное и важнейшее ус-

in Gottingen und Zurich, 1992. Пер. С. Курбатовой и К. Костюка http://krotov.info/lib_sec/22_h/hom/an0.htm.

⁶⁷ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994. Вып. 4.

⁶⁸ Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, Начала-Фонд, 2001.

⁶⁹ Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М.: Некоммерческий фонд «Поддержки Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий», 2001. С. 209.

ловие долгосрочного прогнозирования и планирования любой хозяйственной деятельности.

Именно таким образом разрыв между поставленными под сомнение «внутренней» и «внешней» нормативностью этического ведения бизнеса уже к середине XX века становится одним из важнейших «факторов риска» национальной и глобальной рыночной экономики. И одним из главных препятствий для устойчивого, эффективного и «человекосообразного» экономического развития.

1.6. Литература к главе I

- Аристотель*. Никомахова этика // Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1983.
- Аристотель*. Политика // Сочинения в 4-х томах. М., Мысль, 1983.
- Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006.
- Артхашастра, или Наука о политике: Пер. с санскрита В.И. Кальянова. М., 1993.
- Бакутановский В.И., Согомонов Ю.В.* Предпринимательская этика // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.
- Бандуровский К.В. Сумма Теологии // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.
- Бартенев С.А.* История экономических учений. М.: Юристъ, 2000. С. 30–35.
- Боккаччо Дж.* Жизнь Данте. М.: Эксмо, 2006.
- Большой экономический словарь. Под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2004. См. Олигополия.
- Брагина Л.М.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1983.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.
- Василевский Е.Г.* Джеймс Милль и Мак-Куллох // Всемирная история экономической мысли. В 6 т. / Гл. ред. В.Н. Черковец. М.: Мысль, 1988. Т. II. От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Макс Вебер. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М.* Социология религии (Типы религиозных сообществ). Образ общества // Вебер М. Избранное. М.: Юрист, 1994.
- Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий. Образ общества // Вебер М. Избранное. М.: Юрист, 1994. С. 43–78.
- Вулф А.* Изменения сверху донизу // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 99–106.
- Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. М.: Политиздат, 1959.
- Гоббс Т.* Избранные произведения в 2 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1964.

- Говард Б.* Страна Крестных отцов. ФБР против мафии. М.: Вагриус, 1995.
- Гордиенко А.Б.* Представления о труде в этических концепциях религиозных мыслителей Средневековья и деятелей итальянского гуманизма XIV в. // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13.
- Гофман А.Б.* Семь лекций по истории социологии: Учебное пособие для вузов. 5-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2001. Лекция 5.
- Григорьева И.А.* Исторические предпосылки и особенности развития «немецкой модели социальной политики» // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. С. 204–217.
- Гусейнов А.А.* Мораль // Общественное сознание и его формы. М.: Политиздат, 1986. С. 168–169.
- Драйзер Т.* Финансист. Титан. Стоик. Киев: Художественная литература, 1959.
- Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994.
- Иванов В.Г.* История этики средних веков. СПб.: Лань, 2002.
- Игнатенко А.А.* Ибн Халдун. М., 1980.
- История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.
- Кант И.* Критика практического разума / Пер. с нем. СПб.: Наука, 1995.
- Кант И.* Лекции по этике. М.: Республика, 2000.
- Кант И.* Основы метафизики нравственности // Сочинения в шести томах. М.: Мысль. 1965. Т. 4. Ч. I.
- Капитализм как религия // Вальтер Б. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей / Пер. с нем. А. Пензина. Фил. ред. пер. А.В. Белобратов. М.: РГГУ, 2012.
- Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000.
- Киплинг Р.* «Несите бремя белых, и лучших сыновей...» // Рассказы; Стихотворения: Пер. с англ. Л.: Художественная литература, 1989.
- Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н. Османова. М.: Ладомир; Восточная литература, 1995.
- Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия. М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир», 2003.
- Маркс К.* Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Изд. 2-е. М., 1961. Т. 19. С. 9–32.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. М., 1955. С. 426.
- Ньюби Г.* Краткая энциклопедия ислама = A Concise Encyclopedia of Islam / Пер. с англ. М.: Фаир-пресс, 2007.
- Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. М.: Прогресс, 1987.

- Пайнс Р.* Русская революция. В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. М.: «Захаров», 2005. Гл. 5.
- Папа Лев XIII.* Rerum novarum / Пер. В.И. Рабиновича. http://www.pseudology.org/Documets/Lio13_enciclika.htm
- Парсонс Т.* Мотивация экономической деятельности // О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
- Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй». М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
- Петти У.* Трактат о налогах и сборах. Verbum sapienti — слово мудрым. Разное о деньгах. М.: Ось-89, 1997.
- Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской правде. М.: Юридическая литература, 1988.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007.
- Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
- Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М.: Некоммерческий фонд «Поддержки Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий», 2001. С. 209.
- Спенсер Г.* Торговая нравственность // Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. В 3 т. Пер. с англ. под ред. Н.А. Рубакина. Минск: Совр. литератор, 1998. Т. 3. С. 1038–1074.
- Трёлч Э.* Метафизический и религиозный дух немецкой культуры // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995.
- Туроу Л.* Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний // Антология «Новая постиндустриальная волна на Западе». Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 201.
- Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Рынки, фирмы, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.
- Устрялов Н.В.* Германский национал-социализм. Харбин, 1933 (http://krotov.info/libr_min/20_u/st/gyalov_02.htm).
- Устрялов Н.В.* Итальянский фашизм. Харбин, 1928.
- Философский век. Альманах. Вып. 9. Наука о морали: Дж. Бентам и Россия / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 1999.
- Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994. Вып. 4.
- Фролов Э.Д.* Политические тенденции трактата Ксенофонта «О доходах» // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963. С. 204–221.
- Фромм Э.* Иметь или быть. М.: АСТ, 2000.
- Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. С. 181–215.
- Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, Начала-Фонд, 2001.

Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории: Пер. с англ. М.: Дело, 2003.

Хоманн К., Бломе-Дрез Ф. Экономическая этика и этика предпринимательства — К. Homann, F. Blome-Drees *Wirtschafts und Unternehmensethik*, изд: Vandenhoeck & Ruprecht in Göttingen und Zürich, 1992, пер. С. Курбатовой и К. Костюка http://krotov.info/lib_sec/22_h/hom/an0.htm).

Хусаинов Ф.И. Проблемы российских железных дорог через призму британского опыта // Бюллетень транспортной информации. 2011. № 10 (196). С. 9.

Церох О.Г., Горелов А. Индульгенция // Католическая энциклопедия. М.: Изд. францисканцев, 2005. Т. 2.

Чистилище // Католическая энциклопедия. М.: Изд. францисканцев. 2013. Т. 5.

Шекспир У. Венецианский купец. М.: АСТ, 2001.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. Гл. 8. «Монополистическая практика».

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961.

Arrunada B. Protestants and Catholics: similar work ethic, different social ethic // *The Economic Journal*, 2010. Vol. 120 (547). Pp. 890–918.

Donaldson T., Dunfee T. Ties That Bind: A Social Contracts Approach to Business Ethics. Boston, 1999.

Shepard J.M., Shepard J., Wimbush J.C., Stephens C.U. The Place of Ethics in Business: Shifting Paradigms? // *Business Ethics Quarterly*. 1995. Vol. 5. Issue 3.

Глава II

Предпринимательская этика и мировое экономическое развитие в Новейшее время

2.1. От классики экономической социологии к антисоциальному «экономизму»

Хотя этика предпринимательства достаточно давно находилась как в сфере внимания государственной власти, так и в сфере внимания развивающейся науки, лишь в XIX веке в рамках социально-экономической компаративистики возникли фундаментальные сравнительно-исторические исследования предпринимательства и предпринимательской этики, анализирующие их культурно-религиозные истоки, внутренние конфликты и динамику, а также влияние на характер, содержание и темпы хозяйственно-экономического развития.

На основе этих исследований и начинали складываться основы той науки, которую сейчас определяют как экономическую социологию. В частности, некоторые ключевые концептуальные подходы к проблематике экономической социологии (включая ее этическое измерение) были, как отмечают многие авторы, сформулированы уже в середине XIX века в работах Алексиса Токвиля «Демократия в Америке»⁷⁰ (1835–1840) и «Старый порядок и революция»⁷¹ (1856).

Далее последовали такие классические работы в русле экономической социологии, как труды Карла Маркса (в том числе «Капитал»⁷²), Эмиля Дюркгейма («О разделении общественного труда»⁷³), Георга Зиммеля («Философия денег»⁷⁴), а также упомянутых выше Макса Вебера и Вернера Зомбарта.

Однако в дальнейшем большинство исследований в этой сфере, рассматривающих проблему этики в экономике, в основном не углубляются в рассмотрение вопросов соотношения между «внутренней» этической нормативностью предпринимателей, акторов экономического действия и актуальными законодательными рамками их деятельности, которые задаются извне.

Эта лакуна, отметим, характерна для разных исследователей и разных концептуальных подходов, занимающихся экономической социологией. И для Толкота Парсонса в его позитивистской теории мотиваций социального действия⁷⁵, и для Оливера Уильямсона, рассматривающего разные формы

⁷⁰ Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000.

⁷¹ Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968.

⁷³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

⁷⁴ Зиммель Г. Философия денег <https://www.freedocs.xyz/pdf-443880697>

⁷⁵ Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности // О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.

оппортунистического поведения агентов и их влияние на трансакционные издержки бизнеса⁷⁶, и для Джеффри Ходжсона, изучающего проблемы позитивной либо негативной «рутинизации» внутрифирменных норм в институциональной логике⁷⁷.

Разрабатываемая Т. Дональдсоном и Т. Данфи «Интегральная теория общественного договора»⁷⁸ (ИТОД) обсуждает прежде всего коллизии между общечеловеческими «гипернормами» и специфическими «микронормами» различных сообществ, объединенных общими целями и ценностями и признающих эти «микронормы» легитимными, а также механизмы разрешения этих коллизий внутри сообществ и между сообществами.

Д. М. Шепард, Д. Шепард, Д. Вимбух и К. Стивенс в работе «The Place of Ethics in Business: Shifting Paradigms?»⁷⁹ рассматривают историю экономической этики в Новое и Новейшее время как смену эпох «Морального единства I», «Аморального бизнеса» и нового — осмысленного и ответственного — «Морального единства II».

Однако такая периодизация представляется, во-первых, чрезмерно упрощенной и схематичной с точки зрения причин и характера этических трансформаций предпринимательской среды и, во-вторых, чрезмерно оптимистичной. Поскольку постулированный указанными авторами переход западного предпринимательства в новый этап «постиндустриальной» экономики и, соответственно, к эпохе «Морального единства II» слишком очевидным образом поставлен под сомнение массовыми примерами «аморального» поведения бизнеса и государства, которые предьявила и продолжает предьявлять нынешняя глобально-кризисная эпоха.

Сейчас усилиями множества исследователей уже накоплено достаточное количество фактов, показывающих, что в Новое и Новейшее время в большинстве стран с рыночной экономикой (и в том числе в странах «классического» рыночного Запада) отчетливо прослеживаются тенденции роста расхождений между «внешними» нормами законодательных предписаний, регулирующих сферу ведения бизнеса, и «внутренней» нормативностью общесоциальных, групповых и индивидуальных представлений о справедливом и должном в сфере предпринимательства.

Непрерывно поступающие факты глобальной и локальной экономической жизни говорят о том, что весь «рыночный» мир скорее стремительно возвращается, в терминологии Шепарда, в эпоху «аморального бизнеса». Но и нынеш-

⁷⁶ Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Рынки, фирмы, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.

⁷⁷ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории: Пер. с англ. М.: Дело, 2003.

⁷⁸ Donaldson T., Dunfee T. Ties That Bind: A Social Contracts Approach to Business Ethics. Boston, 1999.

⁷⁹ Shepard J. M., Shepard J., Wimbush J. C., Stephens C. U. The Place of Ethics in Business: Shifting Paradigms? // Business Ethics Quarterly. 1995. Vol. 5. Issue 3.

няя Россия, как отмечает Юрий Благов⁸⁰ (с которым, как мы рассмотрим ниже, трудно не согласиться), также не вышла (и не факт, что выходит и сумеет выйти) из той же «аморальной» эпохи.

В то же время трансформации предпринимательской этики, происходившие в процессе становления рыночной экономики «развитого капитализма» в Новое и Новейшее время, во второй половине XX века не только ускорились, но и приобрели новые измерения и новое качество.

Как мы показали выше, в главе I, эти трансформации в первой половине XX века последовательно ослабляли такие базовые основания эффективного предпринимательства, как *доверие* акторов рынка друг к другу и государству, *легитимность* успешного предпринимательства в сознании широких масс, а также социальную *солидарность* и социально-экономическую *стабильность*.

Однако после завершения Второй мировой войны пострадавшим и ослабленным экономикам большинства стран Запада остро требовались восстановление и социальный мир. Это вызвало повышенную активность государства как в сфере законоустановления, так и в сфере обеспечения таких условий ведения бизнеса и жизни общества, которые все его страты должны были признавать «справедливыми». Эта государственная активность в большинстве случаев реализовалась под лозунгами создания и укрепления «государства социальной справедливости».

Особую роль в таком переходе играло изменение «мировой политической карты», разделившее планету на два разных, но сопоставимых по силе и политическому влиянию блока: «капиталистический» и «социалистический». При этом начало и обострение между этими блоками «холодной войны» в ситуации, когда авторитет СССР в широких массах западных стран оказался чрезвычайно высоким, вынуждало власть этих стран двигаться к «социальной справедливости» достаточно быстрыми темпами.

Развернутые после Второй мировой войны в развитых рыночных странах программы создания «социальных рыночных экономик» (социального государства) в большой степени определили быстрое послевоенное восстановление предпринимательской активности, весьма высокие темпы социально-экономического развития ведущих стран «рыночного капиталистического мира», а также его основные успехи в экономической и социально-политической конкуренции с альтернативным «миром социализма».

Однако уже в 1970-х годах в большинстве стран «капиталистического» блока обнаружили кризисные тенденции, которые ряд экономистов и политиков поспешили объявить следствием слишком ориентированной на «социальный мир» экономической политики. И на рубеже 1980-х годов в экономической и социальной политике ведущих рыночных западных стран начался новый

⁸⁰ Благов Ю. Е. Особенности использования интегральной теории общественного договора при анализе этики российского бизнеса // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2002. Сер. 8. Вып. 1 (№ 8). С. 39–53.

фундаментальный поворот, который иногда называют «переворотом Тэтчер–Рейгана».

Экономические реформы правительств премьер-министра Маргарет Тэтчер в Великобритании и президента Рональда Рейгана в США, представлявшие серьезное отступление от концепции «социального государства», на первом этапе позволили в определенной мере преодолеть некоторые кризисные тенденции, накопившиеся в «социальных» рыночных экономиках.

Однако, как показал И. Тейлор в книге «Law and Order, Moral Order: The Changing Rhetorics of the Thatcher Government»⁸¹, в ходе реформ Тэтчер–Рейгана быстро проявился широкий спектр существенных издержек — и социально-политических, и экономических, — которые были явным образом связаны с постепенным, но неуклонным «размыванием» этико-нормативной основы «социального государства» в предпринимательской среде и в обществе в целом.

Одним из показательных индикаторов «антисоциального» перелома государственной политики в этот период стала позиция британского премьер-министра М. Тэтчер, полностью отрицающая какую-либо роль общества и фактора солидарной социальности в пользу воинствующего индивидуализма. Тэтчер, будучи яростной поклонницей «категорического антиколлективизма» Фридриха Хайека и его книги «Индивидуализм и экономический порядок»⁸² (Хайек, 2001), неоднократно публично заявляла: *There is no such thing as society. There are individual men and women, and there are families*^{83,84}. («Общества как такового не существует. Есть отдельные мужчины и женщины, и еще есть семьи».)

Этот политический, экономический и этический тезис (отметим: категорически противоречащий теории «общественного договора», которая стала фундаментом социальной организации развитых стран на протяжении Новой и Новейшей истории) стал одним из существенных акцентов в той концепции политического и экономического развития, которая получила собирательное название *неолиберализма*. Он оказал очень глубокое влияние на социальную и экономическую (в том числе предпринимательскую) этику.

Разоблачения в ходе нынешнего глобального кризиса (причем на самых разных этажах современной рыночной экономики) множества экономических афер и преступлений с особой остротой обнажили негативные тенденции трансформаций массовой предпринимательской этики, позволяющие говорить о растущем распространении в рыночных экономиках «антисоциального» экономического поведения.

⁸¹ Taylor I. Law and Order, Moral Order: The Changing Rhetorics of the Thatcher Government. In: Miliband, R., Pantich, L. & Saville, J. (eds) The Socialist Register. L.: The Merlin Press, 1987.

⁸² Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, Начала-Фонд, 2001.

⁸³ Thatcher M. Speech to Conservative Central Council, 1986. Mar. 15 (<http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=106348>).

⁸⁴ Thatcher M.. Interview for Woman's Own, 1987. Sept. 23 (<http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=106689>).

Как же и в результате каких процессов происходил этот — подчеркнем — массовый и широкий по охвату не только ключевых сегментов предпринимательства, но и общества в целом, антисоциальный и антиэтический сдвиг?

2.2. Трансформации предпринимательской этики во второй половине XX века

Вторая мировая война убедительно показала, что «фашистский блок» и СССР в ходе военного противостояния сумели сконцентрировать огромные трудовые, организационные и экономические ресурсы прежде всего за счет того, что им удалось мобилизовать массовый и мощный солидарно-политический потенциал общества. Решающая роль СССР в победе над фашизмом повысила и авторитет Советского Союза во всём мире, и внимание к специфике тех социально-экономических систем, которые обеспечивали совокупные хозяйственно-экономические и военно-политические успехи главных сторон противостояния в минувшей войне.

По итогам войны в развитых буржуазных странах началось глубокое переосмысление проблемы *социальной солидарности* — и в ее советском государственно-социалистическом варианте, обеспечившем разгром гитлеровской военной машины, и в тех вариантах наследия корпоративизма и «прусского социализма», которые создали промышленную и военную мощь стран «фашистского блока».

Отметим, что определенным «психологическим тормозом» для такого переосмысления долгое время были навязанные обществу еще в первые годы «холодной войны» идеологически ангажированные объяснения могущества фашизма и коммунизма как «двух тоталитаризмов», сумевших тотально подчинить своим целям жизнь граждан. Наиболее известными и «научно оформленными» из таких объяснений были работы Карла Фридриха и Збигнева Бжезинского «Totalitarian Dictatorship and Autocracy»⁸⁵, а также Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма»⁸⁶.

Однако исследователи в «мозговых центрах» Запада такую идеологическую упрощенность и зашоренность преодолели быстро. И в результате серьезных социокультурных и экономических штудий осознали, что идеологическая и экономическая конкуренция с СССР, а затем и с социалистическим блоком в целом, требует от властных групп крупнейших буржуазных стран выстраивания собственных моделей социальной солидарности.

В результате почти все эти исследователи в той или иной мере обратились (разумеется, с учетом страновой социально-культурной специфики и новизны

⁸⁵ Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1956.

⁸⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

эпохи) к опыту так называемого «прусского социализма» Бисмарка — то есть к созданию различных моделей «социального рыночного государства».

На уровне теории с позиций социальной солидарности проводились исследования содержания разных форм групповой (общественной) собственности, «общественных благ», а также разнообразных «провалов рынка». Этой проблематике была в значительной мере посвящена, в частности, работа Ричарда Масгрейва «Государственные финансы: теория и практика»⁸⁷.

На законодательном уровне расширялись нормативные границы обязательств не только государства, но и предпринимателей перед наемными работниками, безработными, социально незащищенными группами граждан.

Эти нормативные границы (установленный государством «внешний моральный закон» для предпринимателей) в каждой стране имели свою специфику. В так называемой «шведской модели» основную роль в обеспечении социальной солидарности и социального мира играли государственные институты перераспределения высоких пропорциональных (прогрессивных) налогов⁸⁸. В других моделях в законодательстве, наряду с государственной системой бюджетного перераспределения, прописывались нормы социальных обязательств конкретного предпринимателя перед своими работниками, а также условия и правовые статусы коллективных договоров между профсоюзами работников и работодателями — так, как это показал в книге «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» Иммануил Валлерстайн⁸⁹.

Однако во всех случаях речь шла о перераспределении прибыли государственного сектора экономики и частно-предпринимательской прибыли в двух основных целях.

Первая цель — наращивание массового потребительского спроса в соответствии с идеями британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. Реализация этих идей, которые в экономической теории получили название «кейнсианство» и были изложены Кейнсом в труде «Общая теория занятости, процента и денег»⁹⁰, позволяла увеличивать совокупный спрос и, соответственно, масштабы внутренних рынков товаров и услуг за счет расширения государственного сектора и государственного спроса, а также в целом усиления государственных воздействий на экономику.

Вторая цель — повышение «справедливости» распределения прибыли между предпринимателями и работниками для обеспечения социального мира («социального партнерства»).

⁸⁷ Масгрейв Р.А. Государственные финансы: теория и практика. М.: Бизнес Атлас, 2009.

⁸⁸ Плевако Н.С. О шведском «государстве благосостояния» // Социальное государство: концепция и сущность. М.: ОГНИ, 2004.

⁸⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

⁹⁰ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.

Именно на этой основе, начиная с середины XX века, создавалась система буржуазных «государств всеобщего благосостояния»⁹¹, способная не только в экономическом, но и в социально-политическом и идеологическом аспектах конкурировать с «советским» социалистическим блоком.

Очевидно, что при создании государства такого типа повышенные нормы изъятия предпринимательской прибыли вызывали противодействие бизнес-сообщества и попытки обхода «неудобного» законодательства.

Одним из широко известных механизмов такого обхода стал, в частности, подробно описанный Сильвестром Петро в книге «Power Unlimited — the Corruption of Union Leadership»⁹² подкуп бизнесом руководства профсоюзов, призванного определять со стороны работников конкретное содержание и объем социальных обязательств предпринимателей. Сама возможность и коммерческая эффективность такого подкупа, разумеется, не могла не ослаблять и не фальсифицировать остатки «внутренних» моральных нормативов в предпринимательской этике.

Однако одновременно в мировой и национальных рыночных экономиках действовали другие факторы, предопределяющие размывание и ослабление в предпринимательской среде «нравственного закона внутри».

Первый из таких факторов — неуклонное усложнение предпринимательской среды. Эта среда усложнялась как за счет наращивания взаимных связей и взаимной зависимости производственных цепочек в системах контрактных отношений, так и за счет неизбежно вовлекаемых в эти цепочки и отношения разнообразных позитивных и негативных экстерналий, плохо регулируемых как механизмами рынка, так и законодательными нормами. Проблемы принятия решений, создаваемые таким усложнением для акторов рынков, подробно проанализировал в своих работах о рынках с асимметричной информацией, принесших ему Нобелевскую премию, американский экономист Джозеф Стиглиц⁹³.

Стиглиц, в частности, показал, что системные свойства такой сложной экономической среды становятся всё менее обозримыми и всё менее поддающимися рациональному осмыслению и прогнозированию как со стороны предпринимателя, так и со стороны законодателя.

Процесс усложнения предпринимательской среды сопровождается наращиванием и усилением системы законодательных норм, регулирующих условия ведения бизнеса предпринимателями. Однако, как признают все исследователи, наращивание и усиление «внешнего» законодательного регулирования, во-первых, всегда отстает от скорости усложнения условий ведения бизнеса и, во-вторых, далеко не всегда оказывается адекватным специфике этого усложнения. И это имеет два следствия, важных для рассматриваемой нами темы.

⁹¹ Экономика. Новый англо-русский словарь-справочник. М.: Флинта, 2010.

⁹² Petro S. Power Unlimited — the Corruption of Union Leadership. N.Y., 1959.

⁹³ Grossman S., Stiglitz J. On the Impossibility of Informationally Efficient Markets // American Economic Review. 1980. № 70. Pp. 393–408; Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора. М.: ИНФРА-М, 1997.

Во-первых, усложнение предпринимательской среды и системы норм ее регулирования сами по себе задают для предпринимателя весьма высокую планку понимания возможных бизнес-стратегий, то есть наращивают дополнительные «интеллектуально-образовательные» и юридические барьеры как в организации и ведении бизнеса, так и во внешнем контроле его законности.

Во-вторых, отставание «внешнего» законодательного регулирования от реалий ведения бизнеса создает в законодательстве неизбежные (по крайней мере временные) «лакуны», в которых определенные предпринимательские инициативы еще не ограничены формальными нормативными запретами и в которых может реализоваться активность предпринимательских индивидов и групп, уже вполне свободных от «морального закона внутри».

Это порождает широкий спектр доходных предпринимательских стратегий, создаваемых по принципу «*изучить закон, чтобы его обойти*», которые в современной предпринимательской практике нередко определяют этически нейтральным словом «оптимизация». В силу наглядной экономической эффективности таких стратегий (особенно широко распространенных в сфере налогообложения) они не могут не становиться предметом подражания, деформирующим предпринимательскую этику в направлении дальнейшего элиминирования «нравственного закона внутри», вплоть до широкого распространения субкриминальных предпринимательских практик.

Следующим важным фактором последних десятилетий, оказывающим существенное влияние на предпринимательскую этику, стали современный раунд глобализации и всё более широкое распространение предпринимательства на «чуждых» социокультурных территориях. Здесь следует особо отметить резкий рост в мировом ВВП доли транснациональных корпораций и транснациональных банков (ТНК и ТНБ), работающих в слаборазвитых и развивающихся странах⁹⁴.

В таких странах, в силу недостаточной проработки и «незрелой» специфики национального экономического законодательства, а также экономической слабости власти, лакуны в системе формальных запретов оказываются, как правило, гораздо шире, чем в «материнских» странах происхождения ТНК и ТНБ. Это так и по причине более широких возможностей «покупки» слабого государства и лоббирования «удобных» трансформаций законодательства, и по причине большего отставания законов от реалий регулируемой экономической реальности.

Эти обстоятельства предоставляют много возможностей для применения упомянутых выше стратегий «обхода» законов, в том числе для субкриминальных действий транснационального бизнеса, а также вовлечения в его оборот криминальных капиталов.

Так, в ряде стран Африки достаточно широко известны операции частных военных компаний, нанятых ТНК, по захвату важнейших отраслей экономики и даже свержения законной государственной власти в интересах транснацио-

⁹⁴ Либман А., Хейфец Б. Мировые процессы транснационализации и российский бизнес // Вопросы экономики, 2006. № 12. С. 61–79.

нального бизнеса. Например, основные месторождения алмазов и титанового сырья в Сьерра-Леоне много лет контролировала корпорация «Сиэрра рутайл» при долевом участии и военной поддержке частной британско-южноафриканской военной компании «Лайф Гард»⁹⁵. При этом «Лайф Гард» (а также ее «материнскую» южноафриканскую компанию «Экзекутив Ауткамз») неоднократно обвиняли в нелегальном экспорте так называемых «кровавых алмазов», а также в прямом участии в ряде военных переворотов в Сьерра-Леоне и других странах Африки⁹⁶.

По ряду небезосновательных оценок, подобные практики в какой-то мере повторяют политику ограбления колоний конкистадорами раннего колониализма, хотя и другими, более современными методами, и не случайно нередко получают определение «экономический неоколониализм». Как это происходит, ярко описал бывший штатный сотрудник подобной «спецструктуры ограбления» Джон Перкинс в своих получивших огромный мировой резонанс разоблачительных книгах «Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции»⁹⁷ и «Исповедь экономического убийцы»⁹⁸.

Такие процессы экспансии ТНК и ТНБ на новые рынки, которые Фернан Бродель⁹⁹ и Иммануил Валлерстайн¹⁰⁰ называли мировой экономической «периферией» или «полупериферией», не могли, как и в эпоху колониализма, не трансформировать предпринимательскую этику транснационального капитала в направлении всё большей свободы от моральных запретов. И опять-таки не могли не приводить к «возвратному импорту» подобной — «конкистадорской», всё более свободной от внутренних нравственных ограничений предпринимательской этики в неокониальные метрополии.

Еще одним важным следствием наращивания объема зарубежной экономической деятельности ТНК и ТНБ на современном этапе глобализации стало ослабление зависимости прибыльности их бизнеса от «материнского» государства: центрами генерации прибыли становились «неоконии». Как следствие, происходило и происходит снижение лояльности ТНК и ТНБ странам своего происхождения, и одновременно — вымывание из системы предпринимательских мотиваций хозяев и менеджеров таких транснациональных бизнес-структур последних элементов социальной солидарности с гражданами страны происхождения капитала.

⁹⁵ Сьерра-Леоне // Страноведческий каталог ECONRUS. Омск: ОмГУ, 2005 (http://catalog.fmb.ru/sierra_leone9.shtml).

⁹⁶ Akam S. The vagabond king // Newstatesman, 2012. 2 February (<http://www.newstatesman.com/africa/2012/01/sierra-leone-strasser-war>).

⁹⁷ Перкинс Дж. Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. М.: Альпина Паблишер, 2008.

⁹⁸ Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2012.

⁹⁹ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.

¹⁰⁰ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

О том, как это происходит, написали, в частности, Г.-П. Мартин и Х. Шуманн в книге «Западная глобализация: атака на процветание и демократию»¹⁰¹. Очевидно, что новый этический «космополитизм» транснационального бизнеса не может не снимать еще один пласт нравственных ограничений у вовлеченного в такой бизнес предпринимательского сообщества.

Далее, как отмечалось ранее, существенную роль в «освобождении» массовой предпринимательской этики от нравственных ограничений сыграл «неолиберальный переворот» 1980-х годов, наиболее яркими проявлениями которого стали так называемые «тэтчеризм» и «рейганомика». Официально санкционированный акцент на отказе от социальной солидарности, на воинствующем эгоистическом индивидуализме личной успешности и стремлении к прибыли как основам эффективного предпринимательства и экономического развития в целом привел к общественно-политическим сдвигам, которые многие социологи и экономисты считают фактическим «разрывом социального контракта»¹⁰².

Следующий фактор современной эпохи, оказавший очень существенное влияние на предпринимательскую этику, — повсеместное распространение публичных компаний, активы которых широко торгуются на биржах, и превращение значительной части общества (включая так называемый «нижний средний класс») в мелких акционеров публичных компаний. Это приводит к почти полному размыванию у акционеров и менеджеров публичных компаний личной ответственности за судьбу бизнеса.

Бывшие предприниматели всё чаще становятся рядовыми (и почти случайными) игроками на фондовых рынках, которых интересуют лишь текущая капитализация и потенциальные дивидендные выплаты компании, но не стратегические перспективы ее развития. А для менеджеров самой важной мотивацией оказываются прежде всего их собственные бонусы, размер которых определяется опять-таки в основном лишь текущей капитализацией и прибыльностью компании.

Новизну этой ситуации с точки зрения предпринимательской этики ярко описал профессор швейцарского Университета Санкт-Геллена Фредмунд Малик в одном из своих интервью¹⁰³:

«Достижения любой компании оцениваются только лишь по финансовым показателям... В результате возникает саморазрушающаяся система. Получить быструю прибыль легко, если не надо думать о будущем. Достаточно сократить расходы на инновации, маркетинг и обучение — и биржевой курс стремительно летит вверх... Держателя акций (shareholder) в классическом понимании этого слова сегодня уже нет, остались только жонглеры акциями (shareturner).

¹⁰¹ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М.: Альпина Паблишер, 2001.

¹⁰² Marquand D. The Unprincipled Society. L.: Cape, 1988; Moralists, Hedonists. In: Marquand D. D., Seldon A. (eds). The Ideas That Shaped Post-War Britain. L.: HarperCollins, 1996.

¹⁰³ Малик Ф. Интервью газете Handelsblatt, 2009. 17 июля. Цит. по: (<http://www.rbcdaily.ru/world/562949978999631>).

Большинство из них... судьба компании вообще не интересует. Они приходят на генеральное собрание пайщиков и голосуют “за” себе подобных. Спустя пару недель они свои бумаги продают».

Приведенная оценка показывает, что в условиях современного «капитализма публичных корпораций» неуклонно теряется важнейший компонент, и (если брать в исторической ретроспективе) фундамент любой предпринимательской этики — верность компании как своему детищу и предмету внимания и заботы. То есть не только как источнику прибыли, но и как ценнейшему «нематериальному» активу.

Это обстоятельство оказывается особенно значимым для финансового сегмента экономики, где предприниматель оперирует неовещественными активами (акциями, облигациями, валютами, производными ценными бумагами), которые не имеют отчетливо выраженной связи с материально воплощенной продукцией или услугой и почти всегда имеют обезличенных и анонимных владельцев и адресатов. Но такая обезличенность продуктов, операций и адресатов дополнительно нивелирует или попросту отменяет любую нравственную самокритику актора-предпринимателя, занимающегося подобными операциями.

2.3. «Финансиализация» глобальной экономики в эпоху «турбокапитализма» и ее роль в трансформациях предпринимательской этики

Современный этап развития рыночных хозяйственных систем, который Эдвард Люттвак, подчеркивая его специфическую сверхвысокую динамику, определил емким термином «турбокапитализм»¹⁰⁴, характеризуется безусловным доминированием в глобальной и национальной экономике предельно транснационализированного финансового сектора. Его доля в ВВП развитых стран неуклонно растет и во многих случаях кратно превышает долю производственного сектора. Так, с 1978 по 2008 год доля производства в ВВП США снизилась с 25 до 12 %, а доля финансовых услуг в ВВП за этот же период возросла с 12 до 20–21 %. В 2008 году доля финансового сектора в совокупных корпоративных прибылях в США и Великобритании превысила 35 %¹⁰⁵.

Нельзя не признать, что эпоха финансиализации, связанная с глобализацией финансовой сферы и появлением множества новых сложных финансовых инструментов страхования рисков и механизмов сверхбыстрой глобальной электронной торговли, была весьма позитивно воспринята и большинством национальных экономических регуляторов, и большинством предпринимательского сообщества. Это произошло прежде всего потому, что она позволяла — при кажущихся умеренными и приемлемыми предпринимательских

¹⁰⁴ Luttwak Ed. Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1998; N.Y.: HarperCollins, 2000.

¹⁰⁵ World Economic Outlook. Washington: IMF, 2009.

рисках — существенно расширить возможности и масштабы кредитования, а также в целом снижать среднюю цену заимствований.

Тем самым финансиализация придавала мощный импульс экономическому развитию ведущих рыночных стран. И заодно, отметим, в значительной степени предопределила тот постепенный проигрыш «советского блока» в экономическом (а далее — в политическом и военном) соревновании с развитым капиталистическим миром, который в 1991 году стал одним из главных факторов развала СССР.

Однако внутри механизмов финансиализации вызревали процессы, которые ставили возможности экономического развития под всё более глубокое сомнение.

Во-первых, само понятие «экономическое развитие» постепенно подвергалось трансформациям в двух почти «полярных» измерениях.

С одной стороны, подчеркивалось принципиальное отличие «развития» от «роста». В экономические монографии и энциклопедии в качестве «новой классики» вошло определение экономического развития как *«качественного преобразования, структурной перестройки экономики в соответствии с потребностями технологического и социального прогресса»*. Одновременно в тех же энциклопедических определениях далее записано: *«Важнейшим показателем экономического развития страны считается увеличение показателей ВВП (или ВНП) на душу населения»*¹⁰⁶. При этом, как правило, подчеркивалось, что «потребности технологического и социального прогресса» включают *«качественные и структурные положительные изменения экономики, производительных сил, факторов роста и развития, образования, науки, культуры, уровня и качества жизни населения, человеческого капитала»*.

Но, с другой стороны, «важнейшие показатели развития» (ВВП или ВНП на душу населения) оставались прежними, исчисляемыми в финансовых единицах. Одновременно национальная и международная статистика постепенно отказывалась от публикаций (а затем нередко и от исчисления) физических объемов производимых товаров и услуг, приводя большинство показателей развития (корпораций, отраслей, стран и мира в целом) к единому — и фактически единственному — «финансовому знаменателю».

Этот процесс не мог не сопровождаться сокрытием в финансовых показателях (и их фальсификациях) реального содержания этого самого развития или неразвития — как за счет произвольного учета стоимости нематериальных активов вроде брендов или патентов, так и за счет манипуляций с ценами, дефлятором ВВП, «гедонистическими коэффициентами» и пр.¹⁰⁷, включая физические объемы производства товаров и услуг, реальную занятость и рас-

¹⁰⁶ Содержание понятия «экономическое развитие» см., например, экономический глоссарий Всемирного банка (www.worldbank.org).

¹⁰⁷ *Егшиянц С.* Извращения от статистики // Однако. 2013. № 17 (166). 29 мая (http://www.odnako.org/almanac/material/show_25851).

полагаемые доходы населения, уровень и качество его жизни, состояние «человеческого капитала» и т. д.

«Квинтэссенцией» такого подхода к оценкам развития, видимо, стало официальное и обязательное включение в национальный валовой продукт развитых рыночных стран доходов от проституции, контрабанды и распространения наркотиков, а также нелегальной торговли оружием¹⁰⁸. Причем такая «статистическая новелла» была введена в условиях, когда экспертные оценки показывают неуклонное расширение деятельности организованного международного криминала в этих сферах и его всё более тесное сращивание с легальным бизнесом. Так, по данным исследования ЕС, выводы которого привела в «Нью-Йорк» Элизабет Бро¹⁰⁹, только в 2013 году организованные преступные группировки «заработали» в Европе в этих криминальных сферах «бизнеса» не менее 34 млрд евро.

И конечно, такое «финансовое» измерение развития не может не затухивать накопившиеся в национальных экономиках и глобальном хозяйстве диспропорции и кризисные тенденции, «раздувая» массовые позитивные потребительские и предпринимательские ожидания, управляющие динамикой рынков. Это означает, что катастрофически деформируется среднесрочное и долгосрочное хозяйственно-экономическое прогнозирование, о чём пишут, например, С. Классенс и М. Э. Коуз в своем докладе 2013 года для Международного валютного фонда «Financial Crises: Explanations, Types, and Implications»¹¹⁰.

Одновременно необходимо отметить, что финансовый сектор, в силу его транснационализации, уже давно практически не поддается эффективному регулированию на национальном уровне. И кроме того, в силу своих доминирующих позиций на рынках и мощного лоббистского потенциала, успешно сопротивляется попыткам создания сколько-нибудь «плотных» и эффективных систем наднационального регулирования. В результате сам факт «нерегулируемого доминирования» постепенно и неуклонно превращает транснациональный финансовый сектор в реальную глобальную (наднациональную) хозяйственно-экономическую власть, «параллельную» государственным и международным регулирующим институтам.

Совмещение перечисленных обстоятельств обеспечивает именно финансовому сектору такие условия деятельности, в которых пространство «нормативных лакун» между регулирующими «внешними» законодательными нормами оказывается особенно широким и слабо определенным.

¹⁰⁸ *Douglas J.* Drugs, Prostitution Add £10 Billion to U.K. Economy. Overhaul of How GDP Is Calculated to Include Contribution of Illegal Activity // WSJ, 2014. May 29 (<http://online.wsj.com/articles/drugs-prostitution-add-10-billion-to-u-k-economy-1401378249>).

¹⁰⁹ *Braw El.* Huge Scale of Criminal Investment in Europe Revealed // Newsweek, 2014. September 3 (<http://www.newsweek.com/huge-scale-criminal-investment-europe-revealed-267928>).

¹¹⁰ *Claessens St., Kose M.A.* Financial Crises: Explanations, Types, and Implications. IMF Working Paper, 2013. January (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp1328.pdf>).

Это означает, что та предпринимательская этика, которая в современных определениях целиком делегирована в сферу «внешних» по отношению к акторам бизнеса формальных юридических запретов, для финансистов оказывается крайне размытой, что всё чаще позволяет группам или отдельным акторам финансового бизнеса откровенно определять предпринимательские мотивации собственными специальными интересами.

В связи с этим приведем высказывание Дж. Сороса из его книги «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм», касающееся этической оценки финансовых рынков: они «...превращают людей в машины, работающие только на прибыль. В этом есть свои плюсы, но общество, в котором финансовые рынки играют определяющую роль, легко может стать бесчеловечным»¹¹¹.

2.4. Современный глобальный кризис: новые негативные трансформации предпринимательской этики и их влияние на экономическое развитие

Точность оценки Сороса особенно ярко показал развернувшийся с 2007–2008 годов текущий глобальный кризис, отбросивший мировое экономическое развитие на много лет назад. В частности, именно в кризисе обществу, включая предпринимательское сообщество, было отчетливо продемонстрировано, насколько предпринимательская этика крупнейших финансовых групп удалась от классики «морального закона внутри» (по Канту) и насколько специальные интересы этих групп расходятся с макросоциальными и национальными интересами, а также с интересами глобального развития.

В этом смысле особенно показательны трансформации финансового законодательства США в период, предшествовавший нынешнему глобальному кризису. В их числе следует отметить в первую очередь пролоббированную крупнейшими финансовыми корпорациями отмену в 1999 году закона Гласса–Стиголла¹¹², запрещавшего коммерческим банкам проводить спекулятивные операции с использованием привлеченных депозитов, а небанковским финансовым структурам — участвовать в классических банковских операциях, включая кредитование.

¹¹¹ Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М.: Некоммерческий фонд «Поддержки Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий», 2001. С. 76.

¹¹² Принятый в 1933 году закон Гласса–Стиголла разделял коммерческие банки, пользующиеся государственной поддержкой страхования депозитов, но не имеющие права вести спекулятивные операции с ценными бумагами, и инвестиционные банки, лишенные государственной страховой поддержки и не имеющие права проводить традиционные банковские операции. В 1999 году при активной поддержке главы ФРС Алана Гринспена был принят закон Грэмма–Лича–Блайли, отменяющий закон Гласса–Стиголла. Это, по множеству оценок крупных экономистов, стало одним из главных «спусковых механизмов», приведших к развитию нынешнего кризиса.

Отмена закона Гласса–Стиголла фактически создала в финансовой сфере новую отрасль «теневое банкинга».

Бывший эксперт МВФ Мартин Гилман в одном из интервью указал, что после отмены закона Гласса–Стиголла государственные регуляторы полностью утратили контроль над состоянием кредитной сферы в США, поскольку кредиты фактически выдавали не только банки, но и хедж-фонды, фонды прямых инвестиций, финансовые корпорации. Причем эта масса кредитов, сопоставимая по объему с банковскими кредитами, не отражалась в банковских балансах и не контролировалась по объему и качеству обеспечения¹¹³. Эта лавина фактически «теневых» и в значительной части необеспеченных кредитов «струнулась» весной 2008 года, что, по мнению Гилмана, привело сначала к краху двух хедж-фондов банка Bear Stearns, а затем быстро распространило кризис на всю глобальную финансовую систему.

Крупнейшие мировые аналитики связали развитие кризиса именно с рискованной кредитно-спекулятивной игрой корпораций финансового сектора, в которую одновременно включились и банки, и небанковские финансовые корпорации, и фонды.

Так, Джордж Сорос уже на начальном этапе кризиса в одном из своих интервью подчеркивал:

«Ключ к пониманию этого кризиса — самого серьезного после кризиса 1930-х годов — находится в признании того, что он был создан внутри самой финансовой системы. То, что мы переживаем сегодня, не является последствиями внешнего шока, который нарушил равновесие, как говорится в теории. На практике оказывается, что финансовые рынки дестабилизируют сами себя»¹¹⁴.

Позднее Джозеф Стиглиц в интервью газете «Ведомости» подтвердил этот же тезис:

«В США рост экономики в основном наблюдался за пределами реального сектора. Накануне кризиса до 40 % корпоративных прибылей приходилось на финансовый сектор, где всё было надуту, 40 % инвестиций приходилось на недвижимость — и всё это было вложено в пузырь»¹¹⁵.

О каком «пузыре» говорил Стиглиц?

Перуанский экономист Эрнандо де Сото в 2009 году, в разгар кризиса, в интервью «The Observer» оценил объем торгуемых производных финансовых инструментов (деривативов) в 700–1000 трлн долл. — в десятки раз больше, чем глобальный годовой ВВП¹¹⁶. Американский экономист Саския Сассен тогда же подчеркнула,

¹¹³ Гилман М. Интервью российскому интернет-порталу Полит-ру 2009. 29 января (<http://www.polit.ru/article/2009/01/29/crisis>).

¹¹⁴ Сорос Дж. Победителем из финансового кризиса выйдет Китай — интервью газете «Die Welt», 2008. 14 октября. Цит. по переводу на сайте Ньюс-финанс (<http://news.finance.ua/ru/orgsrc/~2/0/4493/140391>).

¹¹⁵ Стиглиц Дж. Это может закончиться катастрофой // Ведомости. 2011. 7 февраля.

¹¹⁶ MacErlean N. Peruvian guru holds key to crisis // The Observer. Sunday, 2009. 15 March (<http://www.theguardian.com/business/2009/mar/15/hernando-de-soto-credit-crunch>).

что деривативы являются одной из форм необеспеченного долга¹¹⁷. То есть своего рода гигантским финансовым пузырем или «финансовой пирамидой», надстроенной над финансовыми активами, связанными с деятельностью и состоянием реального сектора глобальной экономики. Причем, ввиду особой ориентированности операций с деривативами на систему сверхбыстрых электронных торгов, этот «пузырь» обладает крайне высокой волатильностью и неустойчивостью.

То, что лопаются именно такой пузырь (начиная с деривативов сферы недвижимости, основанных на ипотечных закладных), предпринимательский мир понял достаточно быстро. В этих условиях, после краха и ликвидации в сентябре 2008 года банка Lehman Brothers — крупнейшего игрока на глобальном рынке ценных бумаг, — произошло естественное обрушение системы взаимного доверия между финансовыми институтами всего мира, а также доверия предпринимательского сообщества к финансовым институтам, правительствам, рейтинговым агентствам и Федеральной резервной системе (ФРС) США.

Подчеркнем, что для этого обрушения доверия были очевидные основания.

В частности, в 2009 году впервые проведенный аудит ФРС США установил, что в наиболее острой фазе кризиса банки Федерального резерва втайне от американского общества и Конгресса кредитовали крупнейшие транснациональные финансовые организации на общую сумму более 16 трлн долл. (!!!), превышающую годовой ВВП США¹¹⁸. А в 2010 году в ходе расследований американской Комиссии по ценным бумагам и фондовым рынкам (SEC) было выявлено, что те самые глобальные финансовые институты, которые выпускали приведшие к кризису «мусорные» деривативы на основе ипотечных закладных, одновременно вели инсайдерскую биржевую игру на этих деривативах¹¹⁹.

В 2013 году банк JP Morgan Chase согласился выплатить американскому государству за прекращение уголовного расследования своих «деривативных» махинаций 13 млрд долл. «компенсации»¹²⁰. В 2014 году аналогичные «компенсации» за прекращение расследования деривативных махинаций выплатили Citigroup (7 млрд долл.) и Bank of America (17 млрд долл.)¹²¹. Всего же Гене-

¹¹⁷ Сассен С. Конец финансового капитализма // Интернет-портал «Полит-ру». 2009. 13 апреля (<http://polit.ru/article/2009/04/13/fin>).

¹¹⁸ См.: сообщение Bloomberg от 09.02.2009. См.: <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=whin&tid=story&sid=aGq2B3XeGKok>; Отчет ГАО об аудите ФРС на официальном сайте Главного бюджетно-контрольного управления США от 31.03.2011, а также личный сайт сенатора от штата Вермонт г-на Берни Сандерса на портале правительства США, пресс-релиз The Fed Audit от 21.07.2011. См.: <http://www.sanders.senate.gov/newsroom/press-releases/the-fed-audit>.

¹¹⁹ Как сообщила «The Wall Street Journal» со ссылкой на SEC (The Wall Street Journal, 2010. 13.05), уведомления о начале расследований были направлены Goldman Sachs, Morgan Stanley, JP Morgan Chase, Citigroup, Deutsche Bank и UBS.

¹²⁰ JP Morgan готов выплатить 3 млрд долл. за «плохие» облигации // Русская служба BBC, 20.10.2013. (http://www.bbc.co.uk/russian/business/2013/10/131020_jpmorgan_fine_13bln.shtml).

¹²¹ Bank of America Near \$16 Billion to \$17 Billion Settlement. By Andrew Grossman, Christina Rexrode and Dan Fitzpatrick / WSJ, Aug. 6, 2014. (<http://online.wsj.com/articles/bank-of-america-near-16-billion-to-17-billion-settlement-1407355290>).

ральная прокуратура США потребовала от крупнейших американских и транснациональных банков выплатить компенсации за махинации с ипотечными деривативами в размере около 107 млрд долл.¹²²

В конце 2008 года не только американское, но и мировое предпринимательское и политическое сообщество было крайне взбудоражено раскрытием аферы одного из основателей «технологической» биржи NASDAQ и главы крупнейшей инвестиционной компании Bernard L. Madoff Investment Securities LLC Бернарда Мэдоффа. И «дело» состояло не только в том, что крах созданной Мэдоффом «финансовой пирамиды» ограбил сотни тысяч инвесторов на сумму более 60 млрд долл. Как было установлено при расследовании аферы, инспекторы SEC знали о создании и развитии (расширении) этой «пирамиды» с 1999 года¹²³! За раскрытием «пирамиды Мэдоффа» последовали разоблачения множества других крупнейших финансовых афер на десятки миллиардов долларов в США и Европе.

И наконец, Управление ООН по борьбе с наркотиками и организованной преступностью в 2012 году выяснило, что огромные финансовые активы транснациональных криминальных наркоиндикатов (почти 400 млрд долл.) в ходе кризиса были вовлечены в «отмывание» и легальный оборот крупнейшими транснациональными банками, причем именно наркоденьги «в решающей степени» послужили финансовым «фундаментом» для спасения этих банков от краха¹²⁴. Иными словами, в условиях кризиса глобальный финансовый сектор фактически провел массированные операции плотного сращивания с наиболее мощным и опасным криминальным сегментом мировой экономики.

Очевидно, что, если неопровержимые факты, подобные перечисленным выше, становятся достоянием общества (и, в частности, широкого предпринимательского сообщества), но не получают адекватного ответа в форме жестких и показательных государственных репрессивных санкций, это окончательно «добывает» в массовой предпринимательской этике и остатки «морального закона внутри», и остатки доверия к нормативной честности государственного законодателя, призванного обеспечивать справедливость «внешних» нормативных рамок для операций в бизнес-среде. Не менее очевидно, что всё это вместе означает фактическое «опустошение» этико-нормативной сферы предпринимательской деятельности.

¹²² Банки США выплатят 107 млрд долл. в связи с ипотечным кризисом / портал Полит-ру, 29 октября 2013 года (http://polit.ru/news/2013/10/29/damage_bank).

¹²³ Маркополов Г. Финансовая пирамида Бернарда Мэдоффа: расследование самой грандиозной аферы в истории. М.: Диалектика, 2012.

¹²⁴ См: интервью главы Управления ООН по борьбе с наркотиками и преступностью Антонио Мариа Косты еженедельнику «Executive Intelligence Review», опубликованное на официальном сайте ФСКН России от 01.06.2012. (<http://www.fskn72.ru/pub.php?id=549>), а также его же интервью лондонскому журналу «The Observer». Цит. по: Киреев С. Наркоторговля: хитросплетение грязного бизнеса и политики // VIP-Premier. 2013. № 3. С. 53.

Еще одним фактором последнего времени, крайне болезненно сказавшимся на предпринимательской этике, стал кризис экономической теории. Теоретические исследования систем рынков, за которые получали Нобелевские премии лауреаты последних десятилетий, в массовом предпринимательском сознании вызывали иллюзии начала жизни мирового общества в крайне сложном, но бескризисном — и потому предсказуемом — глобальном мире. В связи с этим стоит особо отметить высказывание нобелевского лауреата Роберта Лукаса, сделанное в 2003 году: «Проблема предотвращения депрессий с практической точки зрения решена, а теоретически она была решена уже несколько десятилетий назад»¹²⁵.

В ходе развития нынешнего кризиса стало ясно, что эта проблема не только не решена, но и усугубляется.

В частности, уже в 2007–2009 годах в американской и глобальной прессе звучали обвинения «тройки» крупнейших рейтинговых агентств (S&P, Moody's и Fitch Ratings) в том, что их эксперты использовали для оценки надежности/рискованности деривативов, основанных на ипотечных закладных, ошибочные или фальсифицированные теоретические модели.

В 2010–2011 годах расследования действий рейтинговых агентств в ходе кризиса прошли в Комиссии по ценным бумагам и фондовым рынкам (SEC), а также в финансовых комитетах Конгресса США (Сената и Нижней палаты). По результатам этих расследований были сделаны заявления о том, что в действиях рейтинговых агентств усматриваются коррупционная составляющая и мошенничество. В частности, агентства получали плату за выставление высших рейтингов надежности деривативам, выпускаемым крупнейшими финансовыми корпорациями, но из служебной переписки сотрудников-экспертов агентств следует, что для них ненадежность («мусорность») этих деривативов была совершенно очевидна.

В ноябре 2012 года федеральный суд Австралии признал агентство S&P виновным в присвоении ряду деривативов в 2006 году завышенных рейтингов¹²⁶.

В феврале 2013 года юридический департамент Правительства США (генеральный прокурор Эрик Холдер) подал в суд гражданский иск против Standard & Poor's по обвинению в завышении рейтингов ипотечных облигаций, что привело к финансовому кризису. Причем к этому иску, который появился после безуспешных переговоров прокуратуры с S&P о признании вины агентства и выплате досудебной компенсации в 1 млрд долл. (S&P от признания вины отказалось, заявив о неприемлемых репутационных издержках такого признания), оказались готовы присоединиться прокуроры многих штатов США.

¹²⁵ Цит. по газете «Ведомости», 9 июня 2009 года (<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/06/09/199580#ixzz0uKWMXVSg>).

¹²⁶ Федеральный суд Австралии признал международное рейтинговое агентство Standard & Poor's виновным в обмане и введении в заблуждение инвесторов в 2006 году // Интернет-портал «Вестифинанс-ру», 2012. 5 ноября. См.: <http://www.vestifinance.ru/articles/19306>.

Некоторые из этих прокуроров тогда же начали против агентства S&P, а также двух других крупнейших рейтинговых агентств — Moody's и Fitch Ratings — собственные расследования¹²⁷. Причем ряд таких расследований проводится до сих пор.

В том же 2013 году в кругу макроэкономистов бурно обсуждался вышедший в 2010 году так называемый «доклад Рогоффа–Рейнхардта», показавший якобы существующие жесткие обратные корреляционные связи между превышением «пороговых» уровней государственного долга и бюджетного дефицита — и темпами роста ВВП. Именно на основании этого доклада МВФ Еврокомиссия и Европейский Центробанк требовали от стран ЕС введения в условиях кризиса режима жесткой бюджетной экономии.

Однако, как далее показали независимые исследования, «доклад Рогоффа–Рейнхардта» в своих статистических обоснованиях и ключевых рекомендациях оказался грубо сфальсифицирован¹²⁸. А странам, которые исполняли требования МВФ по бюджетной экономии, эти действия существенно навредили.

Поскольку описанные выше фальсифицированные «научные рекомендации» наиболее уважаемых рейтинговых агентств и авторитетных «докладов» в ходе кризиса оказались далеко не единственными, экономическому сообществу стало ясно, что теоретическая основа «финансового турбокапитализма» крайне сомнительна и что он сам по себе является мощнейшей системой порождения кризисов, способной непредсказуемо ввергать национальную и глобальную экономику в глубокий хаос.

Соответственно, стало понятно, что растущая сложность этого «турбокапитализма», в котором громадные финансовые ресурсы могут непредсказуемо создавать гигантские «пузыри», а также мгновенно и неожиданно перебрасываться крупнейшими инсайдерами из одной страны в другую и с одного рынка на другой, создает такую высокую степень неопределенности предпринимательской деятельности, которая не может быть освоена никакими, сколь угодно активными и настойчивыми, рациональными интеллектуальными усилиями.

В таких условиях хозяйствования свобода предпринимательства становится для большинства акторов бизнеса в буквальном смысле слова «невыносимой свободой» по Эриху Фромму¹²⁹ — стихией, с которой практически невозможно бороться. И которой — даже на очень узком поле собственной предпринимательской деятельности — почти невозможно управлять, поскольку это «собственное» поле никакими средствами нельзя отделить от всеобщей «неопределенной стихийности».

¹²⁷ *Sorkin A. R., Walsh M. W.* U. S. Accuses S. & P. of Fraud in Suit on Loan Bundles // The New York Times, 2013. February 5. P. A.

¹²⁸ См., например «Европейская экономическая политика строилась на подтасовках» // ИТАР-ТАСС, портал «Экономика и бизнес». 2013. 29 апреля (<http://itar-tass.com/ekonomika/516608>).

¹²⁹ *Фромм Э.* Бегство от свободы. Минск: ООО «Попурри», 1997.

2.5. К экономике тотальных рисков и отказа от социальности

Особым обстоятельством рассматриваемого процесса оказывается осмысление широкими массами предпринимателей того факта, что значительная часть нарастающей (и якобы неуправляемой) «рыночной стихийности» на деле является результатом «внеморальной» инсайдерской активности глобальной олигополии немногочисленных групп специальных интересов, которые задают и меняют ключевые тренды глобальной и национальной экономики. Так, завершенное в 2011 году исследование ученых Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе показало, что 147 крупнейших мировых ТНБ и ТНК через схемы прямого и перекрестного владения активами контролируют около 40 % совокупного мирового дохода¹³⁰.

В таком контексте предпринимательство в классическом (традиционном или, напротив, шумпетеровском) смысле слова всё более явно вытесняется финансовой и рыночной игрой, в которой предприниматель любого масштаба уже не игрок и даже не «ферзь», а «пешка» или в лучшем случае второстепенная «разменная» фигура для реальных олигопольных игроков. В частности, растет понимание того, что цены на множество товаров определяются не рынком (спросом и предложением, учитывающими качество и потребительскую полезность товара), а скрытыми олигопольными соглашениями, спекулятивной финансовой игрой на фьючерсах и опционах, инсайдерскими операциями глобальных финансовых пулов, фальсифицированными рейтингами, а также сверхзатратными (и нередко опять-таки фальсифицированными) рекламными кампаниями.

Осознание этих «вненормативных рамочных условий» ведения бизнеса всё более массово обесценивает такие базисные принципы деятельности предпринимателей, как доверие к контрагентам, к финансовой сфере как системе накопления ресурсов для развития и как источнику кредитов, и к государству как гаранту устойчивости, предсказуемости и неотменимого выполнения рыночных правил.

Конечно, предприниматель всегда работает в условиях неопределенности и риска. Но он использует такую стратегию лишь до той границы, когда неопределенность позволяет хотя бы приблизительно оценить риски. В данном случае речь идет уже о другом. Возникает массовое и всё более устойчивое ощущение постоянной глобальной неопределенности и невозможности прогнозирования финансовой и спросовой конъюнктуры, то есть минимальной приемлемой оценки рисков.

Соответственно, исчезают предпосылки даже для среднесрочного (и тем более для стратегического) прогнозирования и планирования бизнеса. Соответственно, падают инвестиции в производство (особенно в капиталоемкие долгосрочные проекты). Значительная часть предпринимателей перехо-

¹³⁰ Coghlan A., MacKenzie D. Revealed — the capitalist network that runs the world // The Newscientist, 2011. 24 October.

дит на позиции рантье или переориентирует свободные финансовые ресурсы на спекулятивные операции с ценными бумагами, почти полностью оторванными от какой-либо связи с производством в реальном секторе экономики. А это создает инвестиционный голод и дополнительно сокращает объемы производства товаров и услуг, а заодно и масштабы рынка труда.

Совокупность перечисленных процессов, конечно же, ставит под глубокое сомнение фундаментальные условия экономического развития.

На эту совокупность процессов в начале нового тысячелетия накладывается еще одно, далеко не случайное обстоятельство.

Распад «советского блока» и СССР изъяс из списка проблем устойчивости буржуазного государства необходимость обеспечивать идеологическую конкуренцию с «социализмом» в сфере социальной солидарности. Но этот распад «советского планового блока» одновременно обострил в «рыночном» блоке стран взаимную конкуренцию за экономическое освоение ставших доступными «постсоветских» производственных активов, рынков, источников сырья. То есть наступившая «постсоветская» эпоха в каком-то смысле вернула глобальный мир к обновленному варианту соперничества крупнейших капиталистических держав и их альянсов в формате «неоколониальной конкуренции».

В этих условиях мы наблюдаем попытки изменить законодательство ведущих буржуазных стран (внешние нормы «рамочного морального порядка») в направлении последовательного отказа от тех принципов социальной солидарности, которые ограничивали прибыльность бизнеса, но одновременно создавали облик и относительно устойчивый социальный мир «государства всеобщего благосостояния». В сферу такого рода законодательных новаций входят, например, попытки ликвидировать льготы найма на работу для выпускников университетов во Франции¹³¹, а также повышение пенсионного возраста и расширенные возможности увольнения работников в ряде стран Европы¹³².

Наконец, весьма ярким проявлением такого рода «нормативно-этического сдвига» является всё более широкое распространение в ряде стран Европы (в том числе в Германии) компаний, рекрутирующих и «сдающих в аренду» рабочую силу нуждающимся в ней предпринимателям¹³³. Специфика этой практики заключается в том, что такие «сдаваемые в аренду» работники не имеют практически никаких социальных гарантий, то есть являются своего рода «индустриальными и постиндустриальными рабами» новой эпохи.

¹³¹ «Закон о первом найме» — принятый 2 апреля 2006 года парламентом Франции законодательный акт, давший работодателю право увольнять без объяснения причин в течение первых двух лет работы сотрудников, не достигших возраста 26 лет. Закон вызвал бурные и массовые акции протеста со стороны студентов, молодых трудящихся и профсоюзов — и в результате через десять дней был отменен (см., например: Семина А. Борьба за власть / КоммерсантЪ, 2006. 13 апреля (<http://kommersant.ru/doc/666220>)).

¹³² Невинная И. Жить, как в Европе, на пенсию выходить, как в России // Российская газета, 2010. 8 октября (<http://www.rg.ru/2010/10/08/vozrast.html>).

¹³³ Сумленный С. Работа в долг // Эксперт, 2013. № 47 (877). 25 ноября.

Подчеркнем, что описанные выше тенденции уже не являются временным и краткосрочным порождением кризиса. Они лишь в каком-то смысле завершают становление и закрепление (на всех уровнях общества — от крупного бизнеса до социальных рабочих низов) нового типа «человека экономического», крайне далекого от «идеального типа» какой-либо экономической теории — классической, неоклассической, институциональной или любой другой.

И речь уже не идет о только трансформациях сугубо предпринимательской этики, а о том, что совокупный «человеческий капитал» становится всё менее человеческим. Речь идет о том, что распад во всех стратах общества «морально-го закона внутри», наложенный на всё более явную нормативную несправедливость государства-Левиафана, не желающего или не способного обеспечить единственное из оставшихся в гражданском обществе равенств, *равенство прав*, — неизбежно и неуклонно создает всё более вненормативную массовую социальность, которую уместно назвать «антисоциальностью».

О растущих масштабах и специфике этой антисоциальности можно судить по хорошо известным эпизодам массового поведения при частичном или полном «выключении» государственной системы правового контроля и правоприменения в ситуациях стихийных бедствий и техногенных катастроф.

Один из самых ярких примеров таких массовых «антисоциальных» трансформаций — события после прорыва дамбы Нью-Орлеана в США ураганом «Катрин» 30 августа 2005 года, когда затопленный город в течение многих дней практически полностью принадлежал бандам вооруженных мародеров¹³⁴.

Второй, не менее яркий пример — отключение энергосети на северо-востоке США при затоплении Нью-Йорка и окрестностей ураганом «Сэнди» 29 октября 2012 года, когда, при неработающих системах сигнализации, охраны и видеонаблюдения, мародеры (и в том числе внешне респектабельные белые граждане на дорогих машинах) разбивали витрины магазинов, взламывали входы в офисы и выносили всё ценное — от ювелирных изделий, одежды и аксессуаров до телевизоров, компьютеров и «брендовой» косметики¹³⁵.

Подчеркнем, что описанные выше события (включая генерирование глобального кризиса) происходят именно в США — стране, которая считается наиболее высокоорганизованным гражданским обществом, а также оплотом и образцом самого эффективного современного предпринимательства. Очевидно, что этот образец в условиях глобализации не может не транслироваться вовне, в глобальный мир, — и в виде американской «предпринимательской» активности в других странах, и как пример для подражания такой специфической «успешности» со стороны предпринимательского сообщества «догоняющих» Америку стран.

¹³⁴ Алексеева А. и др. Чисто американская трагедия // Эксперт. 2005. № 34 (http://expert.ru/expert/2005/34/34ex-tema_6858).

¹³⁵ Straus R. R., Farberov Sn. Misery for 2.5 million STILL without power after six days as lawlessness and fear take over New York's outer boroughs. // The Daily Mail, 2012. 4 November (<http://www.dailymail.co.uk/news/article-2227307/Hurricane-Sandy-Misery-2-5-million-STILL-power-days-lawlessness-fear-over.html>).

Здесь стоит вспомнить «успешный бизнес» в России во время первой волны приватизации, который вели под флагом неправительственного «Гарвардского института международного развития» и «Российского приватизационного центра» господа Эндрю Шлейфер и Джонатан Хэй, советники главных российских правительственных «приватизаторов» Дмитрия Васильева и Анатолия Чубайса. Шлейфер и Хэй, как вскоре выяснилось, уворовали сотни миллионов долларов из выделенных России фондов экономической помощи и направили ворованные деньги на приватизацию важнейших российских активов.

Расследование выявило, что Шлейфер и Хэй использовали средства, выделяемые Американским агентством международного развития (USAID) на программу экономических реформ в России, для создания на имя своих родственников и друзей подставных компаний («Паллада Эссет Менеджмент» и др.), получивших приоритетные возможности приватизации российских стратегических активов. За эти аферы с деньгами американских налогоплательщиков Гарвардский университет и лично Шлейфер и Хэй в 2005 году были оштрафованы американским судом на 30 млн долл.¹³⁶

Стоит вспомнить и еще более «успешную» деятельность в России британско-американского фонда Hermitage Capital Management, возглавляемого Уильямом Браудером. Браудер через фиктивные российские фирмы в составе умственно неполноценных инвалидов, созданные в российских офшорах для уклонения от уплаты налогов, в 1999–2004 годах нелегально и незаконно скупил около 7 % акций «Газпрома»¹³⁷. За аферы с налогами и незаконной скупкой акций «Газпрома» Браудер был объявлен Россией в международный розыск и в июле 2013 года по приговору российского суда заочно осужден на девять лет колонии общего режима¹³⁸.

Таким образом, мы видим, что экономические реформы в «кейнсианском» духе, проведенные после Второй мировой войны в развитых рыночных странах под влиянием необходимости социально-политической конкуренции с «советским блоком», обеспечили создание достаточно жестких этических норм ведения бизнеса, а также укрепление социальной солидарности и «социального контракта» в обществе. И привели на «рыночном Западе» к снижению социально-экономической и политической напряженности, повышению массового общественного и предпринимательского доверия и реализации высоких темпов развития «человеческого капитала» и экономического роста.

¹³⁶ Лебедева И. Гарвард и Россия // Лидер. 2005. № 3 (11), сентябрь — октябрь (<http://www.russianleader.org/article.asp?aid=188>).

¹³⁷ Юришина М. Магнитского обвинили в разбазаривании национального достояния // GZT. RU. 2009. 25 ноября; Панченко Л. Пиар костей не ломит // Московский комсомолец. 2010. 2 декабря (<http://www.mk.ru/daily/newspaper/article/2010/12/01/548742-piar-kostey-nelomit.html>).

¹³⁸ Магнитский признан виновным посмертно, Браудер — заочно // Русская служба BBC. 2013. 11 июля (http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/07/130711_magnitsky_verdict_due.shtml).

Но в дальнейшем процессы нелиберальной трансформации экономической политики, развернувшиеся в 1980-е годы в Великобритании и США, а затем охватившие другие развитые и развивающиеся страны, вызвали в этих странах нарастающее ослабление «социального контракта», снижение уровня социального и предпринимательского взаимного доверия и сопутствующие явления резкого ослабления предпринимательской этики. Эти процессы проявились в массовом возникновении негативных экстерналий предпринимательской деятельности (включая недобросовестную конкуренцию и нарушения экологии), а также в использовании субкриминальных и криминальных бизнес-практик.

При этом многообразные проявления форсированной экономической глобализации (финансовый турбокапитализм, рост масштабов глобальной деятельности ТНК и ТНБ, усиление взаимной связи и усложнение экономической среды и т. д.) наложились на процессы нелиберальной атаки на «социальное государство» и связанного с этой атакой ослабления всех форм социальной солидарности. И создали кумулятивные эффекты «самоподпитывающегося» разрушения ограничений «внутренней» предпринимательской этики и «внешнего» нормативного государственного контроля «рамочного порядка» в отношении предпринимательской активности.

Совокупность этих процессов создала широкие возможности фактической «неформализованной» легализации различных форм оппортунистического предпринимательского поведения, в том числе за счет скрытого коррупционного сращивания специальных интересов крупного бизнеса с нормообразующими и нормоконтролирующими государственными институтами.

Экспессы начавшегося в 2007–2008 годах и продолжающегося по сей день глобального финансово-экономического кризиса показывают, что социально-экономические трансформации государства и общества в развитых рыночных странах, происходящие в последние десятилетия, провоцируют и углубляют такие предпринимательские и массово-социальные этико-нормативные тенденции, которые делают хозяйственно-экономические процессы в этих странах мощнейшим фактором порождения кризисов.

Представляется, что обсужденные нами трансформации этико-нормативной сферы, сейчас приобретающие общемировой характер, ставят под всё более глубокое сомнение перспективы успешного глобального социально-экономического развития.

2.6. Литература к главе II

Алексеева А. и др. Чисто американская трагедия // Эксперт. 2005. № 34. http://expert.ru/expert/2005/34/34ex-tema_6858

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

Благов Ю.Е. Особенности использования интегральной теории общественного договора при анализе этики российского бизнеса // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2002. Сер. 8. Вып. 1 (№ 8). С. 39–53.

Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

Гилман М. Интервью российскому интернет-порталу «Полит-ру». 2009. 29 января. <http://www.polit.ru/article/2009/01/29/crisis>.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.

Егшияни С. Извращения от статистики // Однако. 2013. № 17 (166). 29 мая. http://www.odnako.org/almanac/material/show_25851

Зиммель Г. Философия денег. <https://www.freedocs.xyz/pdf-443880697>

Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.

Лебедева И. Гарвард и Россия // Лидер. 2005. № 3 (11), сентябрь–октябрь. <http://www.russianleader.org/article.asp?aid=188>.

Либман А., Хейфец Б. Мировые процессы транснационализации и российский бизнес // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 61–79.

Малик Ф. Интервью газете Handelsblatt, 2009. 17 июля. Цит. по: <http://www.gbcdaily.ru/world/562949978999631>.

Маркополос Г. Финансовая пирамида Бернарда Мэдоффа: расследование самой грандиозной аферы в истории. М.: Диалектика, 2012.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968.

Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М.: Альпина Паблишер, 2001.

Масгрейв Р.А. Государственные финансы: теория и практика. М.: Бизнес Атлас, 2009.

Невинная И. Жить, как в Европе, на пенсию выходить, как в России // Российская газета. 2010. 8 октября. <http://www.rg.ru/2010/10/08/vozrast.html>

Панченко Л. Пиар костей не ломит // Московский комсомолец, 2010. 2 декабря. <http://www.mk.ru/daily/newspaper/article/2010/12/01/548742-piar-kostey-ne-lomit.html>

Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности // О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.

Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2012.

Перкинс Дж. Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. М.: Альпина Паблишер, 2008.

Плевако Н.С. О шведском «государстве благосостояния» // Социальное государство: концепция и сущность. М.: ОГНИ, 2004.

Сассен С. Конец финансового капитализма // Интернет-портал «Полит-ру». 2009. 13 апреля. <http://polit.ru/article/2009/04/13/fin>

Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М.: Некоммерческий фонд «Поддержки Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий», 2001.

Сорос Дж. Победителем из финансового кризиса выйдет Китай — интервью газете «Die Welt». 2008. 14 октября. Цит. по переводу на сайте Ньюс-финанс. <http://news.finance.ua/ru/orgsrc/~2/0/4493/140391>

- Стиглиц Дж.* Экономика государственного сектора. М.: ИНФРА-М, 1997.
- Стиглиц Дж.* Это может закончиться катастрофой // Ведомости. 2011. 7 февраля.
- Сумленный С.* Работа в долг // Эксперт. 2013. № 47 (877). 25 ноября.
- Сьерра-Леоне* // Страноведческий каталог ECONRUS. Омск: ОмГУ, 2005. http://catalog.fmb.ru/sierra_lione9.shtml
- Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000.
- Токвиль А.* Старый порядок и революция. — СПб.: Алетейя, 2008.
- Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Рынки, фирмы, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат, 1996.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. Минск: ООО «Попурри», 1997.
- Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, Начала-Фонд, 2001.
- Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории: Пер. с англ. М.: Дело, 2003.
- Экономика. Новый англо-русский словарь-справочник. М.: Флинта, 2010.
- Юришина М.* Магнитского обвинили в разбазаривании национального достоинства // GZT.RU, 2009. 25 ноября.
- Akam S.* The vagabond king // Newstatesman, 2012. 2 February. <http://www.newstatesman.com/africa/2012/01/sierra-leone-strasser-war>
- Braw El.* Huge Scale of Criminal Investment in Europe Revealed // Newsweek, 2014. September 3. <http://www.newsweek.com/huge-scale-criminal-investment-europe-revealed-267928>
- Claessens St., Kose M.A.* Financial Crises: Explanations, Types, and Implications. IMF Working Paper, 2013. January. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp1328.pdf>
- Coghlan A., MacKenzie D.* Revealed — the capitalist network that runs the world // The Newscientist. 2011. 24 October <http://www.newscientist.com/article/mg21228354.500-revealed—the-capitalist-network-that-runs-the-world.html>
- Donaldson T., Dunfee T.* Ties That Bind: A Social Contracts Approach to Business Ethics. Boston, 1999.
- Douglas J.* Drugs, Prostitution Add £10 Billion to U.K. Economy. Overhaul of How GDP Is Calculated to Include Contribution of Illegal Activity // WSJ, 2014. May 29. <http://online.wsj.com/articles/drugs-prostitution-add-10-billion-to-u-k-economy-1401378249>
- Grossman S., Stiglitz J.* On the Impossibility of Informationally Efficient Markets // American Economic Review, 1980. N70. Pp. 393–408.
- Luttwack Ed.* Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1998; N. Y.: HarperCollins, 2000.
- Friedrich C.J., Brzezinski Z.K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1956.

- MacErlean N.* Peruvian guru holds key to crisis // The Observer. Sunday, 2009. 15 March <http://www.theguardian.com/business/2009/mar/15/hernando-de-soto-credit-crunch>
- Marquand D.* The Unprincipled Society. L.: Cape, 1988; Moralists, Hedonists // Marquand D.D., Seldon A. (eds). The Ideas That Shaped Post-War Britain. L.: HarperCollins, 1996.
- Petro S.* Power Unlimited — the Corruption of Union Leadership. N.Y., 1959.
- Shepard J.M., Shepard J., Wimbush J.C., Stephens C.U.* The Place of Ethics in Business: Shifting Paradigms? // Business Ethics Quarterly. 1995. Vol. 5. Issue 3.
- Sorkin A.R., Walsh M.W.* U.S. Accuses S. & P. of Fraud in Suit on Loan Bundles // The New York Times. 2013. February 5. P. A.
- Straus R.R., Farberov Sn.* Misery for 2.5 million STILL without power after six days as lawlessness and fear take over New York's outer boroughs // The Daily Mail, 2012. 4 November. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2227307/Hurricane-Sandy-Misery-2-5-million-STILL-power-days-lawlessness-fear-over.html>
- Taylor I.* Law and Order, Moral Order: The Changing Rhetorics of the Thatcher Government // Miliband, R., Pantich, L. & Saville, J. (eds) The Socialist Register L.: The Merlin Press, 1987.
- Thatcher M.* Speech to Conservative Central Council, 1986. Mar. 15. <http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=106348>
- Thatcher M.* Interview for *Woman's Own*, 1987. Sept. 23. <http://www.margaretthatcher.org/speeches/displaydocument.asp?docid=106689>
- World Economic Outlook. Washington: IMF, 2009.

Глава III

Трансформации предпринимательской этики в императорской и Советской России

Сейчас, в условиях продолжающегося глобального экономического кризиса и развернувшейся против России «войны санкций», российское сообщество экономистов всё чаще обращается к вопросу о том, как и какую рыночную экономику мы строим? При обсуждении этого вопроса неизбежно формулируются ретроспективные оценки тех мер, которые предпринимались российской государственной властью в ходе преобразования государства и общества на различных этапах нашей истории, включая постсоветский переход общества и экономики от планового административно-регулируемого типа к рынку и демократии.

Дискуссия по этим вопросам идет давно, с этапа первых российских рыночных и политических реформ в конце XX века. Но именно сейчас, когда удар одновременно кризиса и санкций вновь обнажил ряд острых стратегических проблем российской экономики, анализ этого круга вопросов становится особенно важным и актуальным.

В то же время нельзя не отметить, что нынешние обсуждения указанных проблем в основном сводятся к оценкам сугубо нормативных мер, призванных переломить кризисные тенденции. То есть к вопросам реформирования формальных (законодательных) экономических институтов. Однако при этом почти не затрагиваются проблемы состояния общества, в том числе предпринимательского сообщества, которые в нашей экономической реальности фактически предьявляют далеко не благостный характер сложившихся в постсоветской России *неформальных экономических институтов*, включая такой важнейший неформальный институт, как массовая социальная и *предпринимательская этика*. По сути, обсуждения этических проблем в экономике редко выходят за рамки темы коррупции.

Представляется, что обстоятельный анализ того, как предпринимательская этика формировалась и трансформировалась в истории России, а затем в советскую, позднесоветскую и постсоветскую эпоху, сейчас, в период переосмысления содержания и институциональной эффективности российской экономической политики, является и актуальным, и необходимым.

3.1. Предпринимательская этика досоветской России

Как мы уже обсуждали в главе I, этические нормативы древности и Средневековья почти всегда строились на доминирующем религиозном фундаменте. В отношении этого фундамента преимущественно православная Россия суще-

ственно отличалась от ближайших европейских католических и протестантских соседей.

В российском православии, в отличие от европейского католицизма, отсутствовали догматические обоснования «чистилища» — как возможности «избыть» часть прегрешений — и практика индульгенций — как возможности хотя бы частично лично откупиться от грехов. Груз греха, даже после его отпущения в исповеди или «духовного врачевания» в епитимье¹³⁹, православный человек нес и избивал сам.

В отличие от ареала распространения европейского протестантизма, у России никогда не было массового исторического опыта жизни в «богооставленном» мире, полностью предоставленном преобразующей воле человека. Протестантизм (который, как показал Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма», действительно стал одной из главных религиозных опор новоевропейской предпринимательской этики) в России всерьез и массово пустить корни не смог.

С одной стороны, в православии не было протестантского акцента на сугубо личном спасении и других оснований для личного активного индивидуализма, но в то же время действовала достаточно сильная тенденция ориентироваться на коллективное спасение. Этот религиозный посыл устойчиво поддерживала и жизненная практика — преобладающая специфика хозяйствования на российских просторах в российском климате. Здесь (что я уже обсуждал ранее в работе «Социальные факторы и риски экономического развития России. История и современность»), как правило, выживание семьи и рода относительно надежно обеспечивала лишь *общинная форма организации экономической жизни*¹⁴⁰.

С другой стороны, российское православие в меньшей мере, чем это произошло в Европе, смогло искоренить в сознании широких народных масс такие дохристианские верования, которые содержали элементы языческого пантеизма. Не случайно Георгий Федотов в работе «Стихи духовные» писал: «*Наше православие — русское христианство, компромисс между славянским язычеством и византийским православием*»¹⁴¹. Это свойство проявлялось и в прочной связке между рядом унаследованных языческих и воспринятых христианских праздников, и в длительной — в некоторых регионах страны вплоть до настоящего времени — приверженности дохристианским обрядовым действиям: заклинию дождя, остановке нашествия грызунов и т. п.

По этим причинам в массовой этике «старой России» безудержный личный предпринимательский активизм протестантского типа, допускавший и даже поощрявший преобразующее насилие человека над природой (землями,

¹³⁹ Справочник православного человека. Таинства Православной Церкви. Даниловский благовестник. М., 2007.

¹⁴⁰ Черной Л. С. Социальные факторы и риски экономического развития России. История и современность. М.: ИКЦ «Академкнига», 2004.

¹⁴¹ Федотов Г. П. Стихи духовные. М.: Прогресс, Гнозис, 1991.

лесами, водами и т. д.), ощущался как дело несправедливое и греховное — как посягательство на «Бога, разлитого в природе и людях». В том числе стремление к безудержному обогащению за счет такой преобразующей активности нередко воспринималось как посягательство на то, что принадлежит Богу и дается людям лишь в дар пользования. В частности, вряд ли случайно в российском православии, как подчеркивают многие исследователи¹⁴², достаточно активным и влиятельным течением оказалось *нестяжательство*.

В связи с этим нельзя не заметить, что, начиная с XVIII века, наиболее успешными российскими предпринимателями часто становились старообрядцы. Именно их, в значительной мере принявших после раскола сходный с протестантизмом тезис о богооставленности Земного мира и спасении в «праведной» деятельности, не случайно многие исследователи называли «русскими протестантами»¹⁴³ или с ними сравнивали¹⁴⁴.

Из российской истории известно, что немало крупных российских предпринимателей старообрядческого происхождения — купеческие династии Морозовых, Коноваловых, Рябушинских, Гучковых, Солдатенковых, Бахрушиных, Третьяковых, Щукиных — прославились как щедрым меценатством, оставившим огромный след в культурной истории России, так и тем, что они особенно бережно относились к работникам своих предприятий.

Они открывали при своих фабриках и заводах школы, библиотеки, профессиональные училища и даже детские ясли, создавали современную инфраструктуру заводских и фабричных поселков, проводили в казармы рабочих водопровод и централизованное отопление¹⁴⁵. То есть старообрядцы-предприниматели действовали в отношении своих работников в соответствии с теми этическими заповедями отношения к ближнему, которые, как мы рассмотрели в главе I, проповедовал Адам Смит в своей «Теории нравственных чувств». Однако с важным отличием: для старообрядцев, в отличие от протестантов, исключительно высокое значение имела коллективная общинная взаимопомощь.

Здесь нужно подчеркнуть, что примеры такого отношения предпринимателя к работникам и такой же общинной взаимопомощи были характерны не только для староверов, но и для многих общин РПЦ (в особенности в крестьянской среде), а также для земледельческих общин в ряде мусульманских регионов Российской империи.

Эти особенности массовой российской традиционной этики, как представляется, стали одной из важных причин того, почему в России капитализм начал

¹⁴² Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М.: Памятники исторической мысли, 2003.

¹⁴³ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Минск, Харвест, 1995.

¹⁴⁴ Глинчикова А. Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция, 2008.

¹⁴⁵ Урушев Д. А. История русского старообрядчества. М.: Вече, 2015.

формироваться намного позже, чем в Европе, и нередко принимал необычные для Европы формы. В частности, в предпринимательской среде России — и не только среди староверов — было широко распространено сомнение в ответственности государственных гарантий заключенных сделок и, соответственно, особую роль играло доверие к контрагенту. Так, если в Европе практика юридически закрепленных договорных экономических (контрактных) отношений активно развивалась уже в раннем Средневековье, то в России еще в начале XX века вполне обыденным способом взаимной гарантии исполнения договора было заявленное его участниками «честное купеческое».

Разумеется, бывали исключения из этого правила — недобросовестные купцы и поставщики казны. Так, например, Владимир Гиляровский в книге «Москва и москвичи» описывает факт поимки и наказания некоего купца Чернова, который через посредников продавал на московских рынках сапоги с картонными подошвами¹⁴⁶. Однако эти исключения не отменяют правила — достаточно строгого массового отношения к предпринимательской частности, а также отторжения или даже социальных репрессий в отношении тех, кто стремился к личному обогащению «любой ценой».

По этим же причинам в России массовое сознание с подозрением относилось ко всем проявлениям радикального предпринимательского индивидуализма. И потому же, что я отмечал ранее¹⁴⁷, в России особую устойчивость приобрели общинно-коллективистские — кооперативные и артельные — формы ведения хозяйства. В таких формах их участники были равны и связаны своего рода «круговой порукой» честной работы, а руководителей, как правило, избирали сами участники.

В частности, есть немало исторических свидетельств того, что планы премьер-министра Российской империи Петра Столыпина, стремившегося в начале XIX века разрушить крестьянскую общину ради создания в деревне прослойки новой «сельской буржуазии», в очень многих случаях встречали ожесточенное (в том числе вооруженное и «бунташное») сопротивление общинников¹⁴⁸. И вероятно, с этой же общинно-коллективистской спецификой национальной предпринимательской этики связаны несомненные успехи развития в России в конце XIX — начале XX века кооперативного (артельного) предпринимательства¹⁴⁹.

В связи с этим отметим, что немало исследователей считают одним из парадоксальных результатов реформ Столыпина тот дополнительный толчок, который они дали развитию на селе кооперативного движения. Очень многие

¹⁴⁶ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М.: Эксмо, 2008. С. 17.

¹⁴⁷ Черной Л. С. Социальные факторы и риски экономического развития России. История и современность. М.: ИКЦ «Академкнига», 2004.

¹⁴⁸ Сенчакова Л. Т. Крестьянское движение в революциях 1905–1907 гг. М.: Наука, 1989.

¹⁴⁹ Давыдов А. Ю. Свободная кооперация в России до октября 1917 г. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 24–40.

крестьяне, формально выходя из «коллективизма общины» и понимая, что единоличное хозяйствование «потянуть» не смогут (или оно слишком экономически рискованно), сразу или через некоторое время объединялись в такие виды коллективного хозяйствования, как артели или кооперативы.

В результате к 1914 году в России уже было более 30 тыс. кооперативов¹⁵⁰. Около 13 тыс. из них составляли кредитные, около 10 тыс. — потребительские и около 8,5 тыс. — сельскохозяйственные¹⁵¹. По общему количеству кооперативных организаций Россия к началу Первой мировой войны уступала только Германии. И например, уже в 1912 году «Сибирский союз маслодельных артелей», в составе более 400 кооперативов, поставлял высококачественное масло не только во многие регионы России, но и за рубеж, в том числе в Лондон.

Массовая секуляризация социальной жизни в России происходила гораздо позже, чем на Западе. И потому активность российского предпринимательства была еще в начале XX века достаточно жестко ограничена религиозной этикой общества. (Здесь следует отметить, что и в присоединенных к империи в середине-конце XIX века юго-восточных губерниях с преимущественно мусульманским населением прочно укорененных экономических отношений капиталистического характера не было, а предпринимательская этика носила преимущественно традиционный характер, связанный с моральными нормами ислама или племенного права обычая — адатов.)

В то же время индустриализация России на рубеже веков, осуществляемая в большей степени за счет западных капиталов и западных корпораций (и, соответственно, массовое включение в российское предпринимательство протестантских и католических «иностранцев», а также развитие экономического законодательства западного образца), активно размывала традиционную для большинства российских масс этику, включая предпринимательскую этику. И в том числе начинала обесценивать или просто ставить под сомнение традиционное «честное купеческое».

Одной из реакций на этот процесс стало принятие российским деловым сообществом в 1912 году «*Семи принципов ведения дел в России*»¹⁵². Это был, по сути, неофициальный этический кодекс, следование которому в большой степени определяло право вхождения в круг крупных российских предпринимателей: «*уважай власть; будь честен и правдив; уважай право частной собственности; лоби и уважай человека; будь верен своему слову; живи по средствам; будь целеустремлен*».

Первая мировая и особенно Гражданская войны нанесли тяжелейший удар как по «внешней» нормативности законоисполнения, так и по «внутренней» моральной нормативности граждан — то есть по всему комплексу морально-

¹⁵⁰ Хейсин М.Л. История кооперации в России. Л., 1926. С. 21.

¹⁵¹ Россия, 1913 год: статистико-документальный справочник / Под ред. А.М. Анфимова, А.П. Корелина. СПб., 1995. С. 194.

¹⁵² Семь принципов ведения дел в России. Режим доступа: <http://kpp-russia.ru/club/dokumenty/sem-principov-vedeniya-del-v-rossii-1912-g> (дата обращения: 07.09.2015).

этических представлений народов России, которые оказались в них вовлечены. В связи с этим подчеркнем, что, как показывает мировая история, ничто так не разрушает укорененную в традиции нормативность, как беспощадная война «брат на брата». И ничто так не разрушает внешний, законодательный контроль над обществом, как масштабные и систематические нарушения законности, особенно в условиях военных действий. А в их числе были не только низовые солдатские и бандитские грабежи и мародерство, но и предпринимаемые властями воюющих стран грубейшие нарушения права собственности граждан в форме экспроприаций и «продразверсток».

Как свидетельствовал военный цензор в ставке Верховного главнокомандующего Михаил Лемке, уже в 1915 году армия из-за плохой работы интендантских служб «начала грабить население»¹⁵³.

Далее, в декабре 1916 года царским правительством был выпущен Указ о хлебной продразверстке со всех производящих губерний по установленным государством ценам¹⁵⁴. Затем, после Февральской революции Временное правительство в апреле 1917 года выпустило Декрет о хлебной монополии, который обязывал сдавать государству всё зерно, кроме необходимого для личных нужд производителей¹⁵⁵. Наконец, в мае 1918 года советское правительство издало Декрет о продовольственной диктатуре, а в январе 1919 года — Декрет о продразверстке, аналогичный распоряжениям царского и Временного правительств¹⁵⁶. В 1920 году, в ходе Гражданской войны, советское правительство распространило продразверстку почти на все сельскохозяйственные продукты.

Таким образом, Первая мировая война, две революции и Гражданская война не могли не подорвать тяжелейшим образом и общенародную, и предпринимательскую этику в России. И одновременно — не могли не обрушить доверие к государственной власти, которая допускала или даже нормативно санкционировала столь грубые и очевидные нарушения законодательства, в том числе в сфере права собственности.

3.2. Советская политика «демаркетизации» и «маркетизации» административно регулируемой экономики

Именно с катастрофическим «падением нравов» — вместе с почти тотальным разрушением основ хозяйственной жизни в западных губерниях — столкнулась в начале своего становления советская власть. Ее ответом стал военный

¹⁵³ Лемке М.К. 250 дней в Царской Ставке. 1914–1915. Минск: Харвест, 2003. С. 349–353, 356–357.

¹⁵⁴ Кондратьев Н.Д. Регулирование рынка хлебов и снабжения ими армии и населения во время войны и революции за 1914–1918 гг. // Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Отв. ред. Л.И. Абалкин. М.: Наука, 1991.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973.

коммунизм, при котором рыночные отношения из экономики почти полностью исчезли или регрессировали до примитивных обменов. Бандитизм, беспризорность, воровство на фоне разорения значительной части крестьян, хозяйственной разрухи и практической недееспособности большинства новосозданных органов власти и экономического управления — в таких условиях начиналась разработка экономической политики нового государства.

Однако уже в начале 1920-х годов, когда завершение Гражданской войны потребовало от новой власти форсированного хозяйственно-экономического восстановления страны, перед руководством Советской России встал вопрос о роли рынка и рыночных отношений в послереволюционной экономике.

Хорошо известно, что дискуссии в высшем эшелоне советской власти по вопросам допустимости или недопустимости отхода от принципов социализма (включая запрет частной собственности на средства производства) и перехода к новой экономической политике (НЭП) были в тот период предельно острыми¹⁵⁷. Также известно, что именно НЭП, с его политикой «маркетизации» значительной части экономики, позволил запустить в стране механизмы товарного производства жизненно необходимой продукции. В результате уже к 1926 году НЭП смог решить не только основные проблемы физического выживания населения страны, но и восстановить на довоенном уровне производство в большинстве отраслей национального хозяйства.

Вопрос о свертывании НЭП также стал предметом острой полемики в верхах партии и хозяйственной власти (и, заметим, является темой дискуссий до сих пор).

Исторические данные показывают, что отмена НЭП вовсе не была связана, как это утверждают некоторые авторы (например, Уолтер Такер в книге «Сталин. Путь к власти 1879–1929»¹⁵⁸), со стремлением лидеров большевиков, и прежде всего Сталина, к диктатуре, и/или «антикапиталистическим ражем» революционной правящей верхушки советской власти.

НЭП был отменен по той главной причине, что он в принципе не позволял государству накопить финансовые ресурсы для форсированного развития национальной экономики. И прежде всего — для индустриализации, без которой СССР просто не мог выжить во враждебном окружении мощных империалистических государств¹⁵⁹.

Во-первых, выяснилось, что почти полностью восстановленные дореволюционные производственные мощности страны как физически, так и морально устарели. И потому созданная в период НЭПа система промышленных трестов и торговых синдикатов не только не обеспечивает выпуска более современной

¹⁵⁷ Ульянова О.А. Быть или не быть НЭПу? Экономические дискуссии 1920-х годов // Экономический журнал. 2010. № 20.

¹⁵⁸ Такер Р. Сталин. Путь к власти 1879–1929. М.: Прогресс, 1991.

¹⁵⁹ Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. М.: Международный фонд «Демократия», 2000.

продукции, но и не дает доходов, способных аккумулировать значимые финансовые средства для необходимого производственно-технологического рывка.

Во-вторых, быстро выявилось, что НЭП очень активно вовлекает в коррупционные отношения с частным бизнесом и прямое воровство значительную часть хозяйственной бюрократии и руководства государственных предприятий, трестов и синдикатов, резко снижая общеэкономическую и финансовую эффективность производства как в частном, так и в государственном секторе. Это очень подробно показал в своей вышедшей в 1927 году брошюре один из видных советских экономистов Юрий Ларин¹⁶⁰. Который, отметим, ранее был одним из главных идеологов перехода к НЭП, но по итогам анализа результатов этой экономической политики уже к 1926 году стал чуть не самым решительным сторонником отмены НЭП.

Был в дискуссиях того времени о НЭП и еще один важный вопрос. Одновременно и в докладах правоохранительных органов, и в газетных хрониках времен НЭП, и даже в художественной литературе¹⁶¹ отчетливо отражались резко возросшие масштабы как экономической, так и бытовой и уголовной преступности.

Свертывание НЭП, начиная с 1929 года, почти полностью ликвидировало частно-кооперативный сектор на селе (принудительность значительной части колхозного строительства была фактическим отрицанием сложившихся до революции форм кооперации) и существенно сократило промышленный частно-кооперативный (артельный) экономический сегмент в городе.

Тем не менее при проведении коллективизации и раскулачивания советская власть достаточно активно использовала социокультурные особенности дореволюционной крестьянской общины, прежде всего, ее стремление обустроить жизнь и хозяйство общинным «миром», а также возникшее еще во времена столыпинских реформ острое массовое неприятие кулачской эксплуатации батраков.

Но и сталинская индустриализация проводилась в первую очередь руками вытесненных из деревни коллективизацией вчерашних крестьян, которые не могли не переносить в город навыки и образ жизни породившей их общины. Этот «новый пролетариат» воспроизводил общинность в «барачной» жизни индустриальных поселков, и организовывал и выстраивал постдеревенский «мир» (со всеми его традиционными формами коллективной репрессии и коллективного поощрения) почти во всех сферах социальной и хозяйственной жизни. Включая нормы бытового поведения, отношение к труду, морально-этические представления и т. д.

Общинность, отметим, породила и серьезные проблемы — например, «общинную» репрессию индивидуальных достижений («не высовывайся, будь как все»), которая сохранялась очень длительное время и которая в некоторой мере определяет трудовую этику части российского общества и по сегодняшний день

¹⁶⁰ Ларин Ю. Частный капитал в СССР // Государственная служба. 2000. № 1 (7). С. 135–154.

¹⁶¹ См., например, Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.: Вагриус, 1999.

день. Известно, что советская власть в попытках поднять производительность и качество труда сумела наладить широкое, массовое и эффективное трудовое соревнование лишь там и лишь тогда, когда оно было организовано не на уровне отдельных работников (индивидуальное «стахановство»), а на уровне бригад. То есть — трудовых (заметим, что нередко заодно и «общежительских») коллективов.

В значительной мере благодаря этому промышленная кооперация (то есть частично «рыночный» сектор советской экономики) существовала и работала как в годы сталинских пятилеток, так и во время Великой Отечественной войны и после нее. Подчеркнем: советская власть активно поощряла артельность. Уже в первой советской пятилетке был запланирован рост числа кооперативов (артелей) в 2,6 раза. Артели освобождались от большей части налогов, поддерживалась выборность руководства из членов артели. Власть поддерживала артельную систему и далее, в годы следующих пятилеток, и во время Великой Отечественной войны, и после войны¹⁶².

В связи с этим стоит напомнить некоторые малоизвестные факты. Первые советские ламповые радиоприемники и радиолы в начале-середине 1930-х годов выпускала ленинградская артель «Прогресс-радио». Эта же артель в 1939 году вывела на потребительский рынок первый советский телевизор¹⁶³. А в годы Великой Отечественной войны ряд кооперативов выпускал не только бытовые товары, но и боеприпасы и даже оружие¹⁶⁴. В частности, в блокадном Ленинграде артели на собственном оборудовании производили боевые автоматы ППС (пистолеты-пулеметы Судаева).

Война, конечно, изменила радикальным образом в административно-командном ключе рыночно-кооперативный сектор советской экономики и не могла не привести к новым эксцессам «повреждения нравов». Военное и послевоенное воровство и бандитизм хорошо известны и по специальным исследованиям, и по художественной литературе и фильмографии.

Тем не менее после войны советские и партийные органы, учитывая необходимость трудоустройства и вовлечения в созидательную работу огромных масс инвалидов и ограниченно трудоспособных демобилизованных, уделяли развитию промышленной кооперации особое внимание. Ее не только восстанавливали, но и заметно расширяли.

Так, по данным О. Елютина¹⁶⁵, на момент смерти И. Сталина, в 1953 году, в СССР «в системе промышленной кооперации насчитывалось свыше 114 тысяч мастерских и промышленных предприятий, где работали 1,8 миллиона человек.

¹⁶² Трубицын А. К. О Сталине и предпринимателях. 22.11.2011. https://kprf.ru/rus_soc/99271.html

¹⁶³ Делягин М. Сталинский рынок // Известия, 2013. 6 февраля. <http://izvestia.ru/news/544390>

¹⁶⁴ Песоцкий А. Артели и кооперативы: основа трудового среднего класса. 21 ноября 2013. <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2013/11/21/17511.html>

¹⁶⁵ Елютин О. Кооперация в России — невостребованный опыт // Наука и жизнь. 2003. № 5. <http://www.nkj.ru/archive/articles/2887>

Они производили 5,9 % валовой продукции промышленности, до 40 % мебели, до 70 % металлической посуды, более трети верхнего трикотажа, почти все детские игрушки... в систему промысловой кооперации входили 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальные лаборатории и два научно-исследовательских института».

Закат советской промышленной кооперации начался во время реформ Н. С. Хрущёва, с 1956 года, когда вышло Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О реорганизации промысловой кооперации»¹⁶⁶. Это постановление предусматривало поэтапную ликвидацию хозяйственного сектора промысловой кооперации и передачу собственности кооперативных предприятий в ведение государственных органов. Уже в конце 1950-х годов в СССР в качестве разрешенных форм кооперации и индивидуального рыночного производства сохранялись лишь артели народных художественных промыслов, золотодобытчиков, инвалидов, мелкое бытовое обслуживание, а также жилищно-строительные кооперативы¹⁶⁷.

Один из главных результатов борьбы с кооперацией во времена Хрущева состоял в том, что ее значительная часть ушла в экономическую «тень», работая с государственными предприятиями по коррупционным схемам приобретения сырья и использования производственных фондов и реализуя продукцию на «черном» рынке.

Именно тогда и таким образом, в условиях потребительского товарного дефицита, в СССР возник, а далее начал укрепляться и расширяться теневой сегмент экономики. Вместе с его «нормами» криминального или полукриминального рынка и специфической «теневой» предпринимательской этикой.

Это означало, что в течение жизни поколения советских граждан 1950-х — 1980-х годов в стране практически исчез легальный «рыночный» сектор экономики, а вместе с ним — и люди, способные и готовые применять навыки организованной хозяйственной работы на законном, легальном рынке.

Вместе с этими людьми исчезали и морально-этические нормы рыночного предпринимательства, которые, подчеркнем, являются необходимым неформальным дополнением «внешних» формальных рыночных норм. Индивидуальное предпринимательство, сосредоточенное почти полностью в сфере сельскохозяйственного производства для продажи продукции на колхозных рынках, не могло ни по масштабам, ни по уровню институциональной организации восполнить эту потерю кооперативного рыночного института и его этических нормативов.

При этом отметим, что советская государственная система 1960-х — 1980-х годов при реализации своей законодательной, информационно-пропагандистской и культурной политики настойчиво дискредитировала подавляющую часть

¹⁶⁶ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14.04.1956 года № 474 «О реорганизации промысловой кооперации». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901704896> (дата обращения: 18.12.2016).

¹⁶⁷ Вахитов К. И. История потребительской кооперации России. Ч. 1. М.: Дашков и К, 1998.

принципов частно-предпринимательской этики. В том числе, обличая, как аморальное и позорное, «нетрудовое обогащение» за счет продажи по свободным ценам продукции приусадебных хозяйств на рынках, ставя его на одну доску со «спекуляциями» в торговле, а также «теневым предпринимательством» — использованием сырья и незагруженных производственных мощностей государственных предприятий для изготовления на продажу «неучтенной» продукции товаров народного потребления.

Подчеркнем, что в эту эпоху обличение всех форм частного и кооперативного предпринимательства как криминальных и этически неприемлемых имело место не только в соответствующих статьях Уголовного кодекса, но и в печатной периодике, детективной литературе, популярных кинофильмах, телевизионных сериалах и сатирических киножурналах.

3.3. Перестроечная «ломка» советской хозяйственно-экономической и этической системы

Как мы упоминали выше в главе II, перестроечная «маркетизация» советской экономики началась в тот момент, когда глобальный «рыночный» мир проходил свою очень масштабную и болезненную перестройку.

Эта перестройка включала, во-первых, «неолиберальный поворот» администраций М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в США, который ломал созданную после Второй мировой войны в большинстве развитых стран систему «социального государства», а также поощрял и вводил в приоритеты предпринимательской этики нормы воинствующего эгоистичного индивидуализма, личного успеха, стремления к максимальной прибыли и активному расширению потребления. Которые якобы являются не только базисом эффективного предпринимательства, но и единственной и неотменяемой основой экономического развития общества в целом.

Напомним, что обсуждение социальных издержек этого концептуального поворота почти на всем «рыночном» Западе было фактически табуировано: оно объявлялось «аномалией социалистического мышления» и помехой экономическому развитию. На таком фоне, при активной пропаганде и настойчивом восхвалении специализированной и широкой мировой прессой новой неолиберальной мейнстримной модели, значительную часть развитого «рыночного» мира охватила тенденция «ползучего отказа» от базисных принципов «социального государства», прописанного в большинстве конституций развитых стран.

Напомним также, что эта глобальная рыночная перестройка включала форсированную «финансиализацию» глобальной экономики. Одним из ее побочных результатов стало быстрое разрушение этических предпринимательских ценностей, связанных с владением и управлением материальными активами, — и одновременный рост психологической значимости финансового эквивалента этих активов как самодовлеющей ценности.

Позднесоветские политики и экономисты, которые задумывали (и организационно и пропагандистски сопровождали) отечественную перестройку, полностью и целиком взяли на идеологическое вооружение описанную выше специфику нового мейнстрима западной рыночной перестройки. По сути, это был радикальный экономический неолиберализм в духе политики Рейгана и Тэтчер, с его фактическим отождествлением демократии и свободы — с рыночными отношениями между эгоистичными людьми-индивидуалистами, которые ориентированы только на прибыль и считают высшими ценностями расширенное потребление товаров, услуг, впечатлений, эмоций.

Однако наши «прорабы перестройки» понимали, что предъявить такую специфическую этику народам СССР, как новую единственно справедливую морально-этическую норму, — невозможно и социально-психологически, и политически.

По этой причине советская перестройка с самого начала была основана на идеологических мифах и фальсификациях, на пропагандистских двусмысленностях и откровенной лжи. Лидеры перестройки позже признавались, что лозунги «очищения социализма», «новых социалистических реформ» и «построения социализма с человеческим лицом» были им нужны лишь для смягчения массового психологического шока, связанного с фундаментальной сменой целевых и ценностных ориентиров подавляющего большинства населения СССР. А главным содержанием перестройки, скрывающимся за этими лозунгами, были, во-первых, полный слом власти КПСС, а во-вторых, — максимально быстрая и полная маркетизация советской экономики.

Так, один из главных идеологов кардинальной ломки советской политической и экономической системы, член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев, в 2001 году откровенно признался: «На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить — другого пути не было. Мы должны были — и в этом специфика перестройки тоталитарного строя — сломать тоталитарную коммунистическую партию»¹⁶⁸. Тогда же А. Н. Яковлев еще раз признался, что речь шла не о реформировании социализма, что под фальшивыми лозунгами реформирования шла тотальная ломка прежнего советского экономического, социального и политического строя: «Советскую систему невозможно было реформировать» и далее «Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма»¹⁶⁹.

Конечно, в период советской перестройки подобные «признания» на высшем политическом уровне публично не звучали. А вот в перестроечной прессе, включая газеты «Московские новости», «Комсомольская правда», журналы «Новый мир», «Огонек» и т. д. (которые, напомним, в тот период находились

¹⁶⁸ *Нузов В.* Интервью с А. Н. Яковлевым // Демократический выбор. 2001. 9–15 августа. № 32.

¹⁶⁹ *Яковлев А. Н.* Большевизм — социальная болезнь XX века. Вступительная статья // Черная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001.

под полным контролем курируемого А. Н. Яковлевым идеологического отдела ЦК КПСС), валом шли публикации о необходимости именно тотальной ломки советского политического, экономического и социального строя.

Особенно сильный удар этого рода публицистики по массовому сознанию пришелся на 1987 год.

В числе наиболее знаковых экономических публикаций того периода стоит назвать, в частности, статью Н. Шмелёва «Авансы и долги»¹⁷⁰, в которой автор подвергал плановую советскую экономику предельно жесткой критике и провозглашал категорическую необходимость перехода к экономике рыночной. Отметим, что эта статья широко обсуждалась не только во множестве советских изданий, но и за рубежом. Заодно отметим, что в 2009 году Н. Шмелёв в интервью «Расплата за “авансы и долги”» признал катастрофический для страны результат своей статьи и заявил: *«Сейчас жалею, что начал перестройку!»*¹⁷¹.

В том же, 1987 году в том же «Новом мире» вышла (под псевдонимом Лариса Попкова) статья «Где пышнее пироги» экономиста Ларисы Пияшевой. Пияшева писала: *«Нельзя быть немножко беременной... Либо действующая по точным, жестким, одинаковым для всех и каждого законам рыночная экономика со всеми ее плюсами (эффективность, например) и минусами (огромное неравенство доходов, безработица...), либо плановое обобщественное хозяйство — тоже со всеми его плюсами (например, уверенность человека в завтрашнем дне) и минусами (дефициты, бесхозяйственность)»*¹⁷².

При этом факты успешной деятельности и быстрого роста высокоразвитых рыночных экономик (Франции, Японии, дальневосточных «тигров») и т. д. на основании более или менее жестких пятилетних индикативных планов (то есть регулируемого государством совмещения плана и рынка) — в советских «мейнстримных» СМИ просто отсутствовали. Более того, даже специальные экономические издания профессиональные публикации на эту тему целенаправленно не пропускали в печать.

3.4. Разрушение советского ценностно-нормативного комплекса

Подчеркнем еще раз: моральные и ценностные основания предпринимательской этики нигде и никогда не могут «всерьез и надолго» отрываться от массовой этики общества. «Проробы перестройки» масштаба А. Н. Яковлева, Ю. Афанасьева и т. п. это хорошо понимали. И потому главным инструментом нормативно-этического поворота «к рынку» сделали сначала расшатывание, а затем и шоковую ломку базовых норм массовой этики советского гражданина.

¹⁷⁰ Шмелёв Н. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6.

¹⁷¹ Шмелёв Н. Расплата за «Авансы и долги» // Московский комсомолец. 2009. 23 августа.

¹⁷² Попкова Л. Где пышнее пироги // Новый мир. 1987. № 5.

Советские СМИ заполонило множество публикаций об альтернативной «благодной» жизни масс в «райском» рыночно-капиталистическом зарубежье — в противовес «нищей и убогой» советской жизни в «плановой уравниловке».

А рядом с этими публикациями, «в одном пакете» с обличениями советской экономики и призывами к немедленному переходу к «рынку», в этот же период времени в советской прессе буквально «валом» пошли обвинения граждан СССР в том, что в советскую эпоху они заразились «неправильным» менталитетом, несовместимым с демократией и гражданскими свободами западного образца.

В этой прессе (еще раз напомним, в то время полностью контролируемой ЦК КПСС) в ход массировано пошли такие «диагнозы» советского человека, придуманные на Западе в эпоху «холодной войны», как «гомо советикус» и «совок». А это, отметим, уже прямое антропологическое унижение, отделяющее советского человека от «гомо сапиенс» — «человека разумного».

При этом широко цитировались, а далее начали переиздаваться в СССР соответствующие опусы советских диссидентов-эмигрантов, «вдруг» ставших для советского «Политиздата» социологическими авторитетами.

Так, например, еще в 1982 году советский философ, диссидент-эмигрант Александр Зиновьев выпустил в Мюнхене книгу «Гомо советикус», где писал: «На Западе умные и образованные люди называют нас “гомо советикусами”. Они гордятся тем, что открыли существование этого типа человека и придумали ему такое красивое название. Причем они употребляют это название в унижительном и презрительном для нас смысле. <...> Я введу более удобное сокращение для этого длинного выражения — гомосос»¹⁷³.

В 1985 году еще один советский эмигрант-диссидент, историк Михаил Геллер, в изданной в Лондоне книге «Машины и винтики» дал следующее определение: *«“Гомо советикус” — комплекс качеств, черт характера, которые имеются — в разной пропорции — у всех людей, живущих в Советском Союзе... В условиях системы советского типа, в результате социальной дрессировки, эти качества, эти черты начинают развиваться, расти, становятся доминирующими»*¹⁷⁴.

В 1987 году в журнале «Огонек» вышла статья американского психолога Фриды Порат, в которой автор развивала тему «гомо советикус»: *«Беру на себя смелость утверждать, что “гомо советикус” — это диагноз. Да-да! Вы ищете выход из кризиса в экономических, политических реформах, но совершенно не вспоминаете о психологии... В чудовищном тоталитарном государстве, созданном Сталиным, были невероятно деформированы представления о добре и зле...»*¹⁷⁵

¹⁷³ Зиновьев А. Гомо советикус. М.: Центрполиграф, 2000.

¹⁷⁴ Геллер М. Машины и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.

¹⁷⁵ Порат Ф. Диагноз: «НОМО SOVETICUS» // Огонек. 1987. Март.

Третьим направлением подавления «советского» сознания в тот же период стала «информационно-культурная» политика, направленная на формирование «новых представлений о добре и зле».

Приведем несколько наиболее ярких образцов этой политики из позднесоветского кинематографа.

Это, например, фильм «Покаяние» Тенгиза Абуладзе (1987), в котором сын совершает немислимое с точки зрения традиционной (и в особенности — кавказской) этики: выкапывает из могилы и сбрасывает со скалы — то есть выбрасывает на помойку — труп собственного отца!

Или фильм «Маленькая Вера» Василия Пичула (1988), в котором, на фоне тусклой беспросветности позднесоветской жизни молодежи небольшого городка, впервые показана откровенная сцена секса. Знаменательно, что тогдашняя критика настойчиво трактовала сюжет фильма именно как молодежную манифестацию протестного выхода из «безысходности совка».

И наконец, «Интердевочка» Петра Тодоровского, где главная героиня — медсестра и одновременно валютная проститутка — показана как образец современной женщины, целеустремленной и эмансипированной, решительно идущей к своей цели — выбраться из «совка» за границу и вести там богатую жизнь. Стоит отметить, что при обсуждении фильма в прессе неоднократно сообщали о получении редакциями множества писем от юных девочек, которые благодарили создателей фильма и писали о том, что они определили цель своей жизни: стать валютной проституткой.

Далее, немало этически «шоковых» для советского массового зрителя сюжетов в то время выходило в ряде популярных информационных программ и ток-шоу на основных каналах советского телевидения: «600 секунд», «12 этаж» и др.

Однако наиболее массовым «жанром» в сфере этической ломки советского массового сознания в тот период, видимо, была *импортная кинопродукция*, которую в изобилии предоставляли зрителям растущие, как грибы после дождя, видеосалоны. Эти видеосалоны во многих регионах СССР нередко предлагали зрителям, включая молодежь и даже детей — и в самом салоне, и для домашнего просмотра, — продукцию этически скандального содержания, в том числе с фактическим воспеванием морально-перверсивных героев в сюжетах бандитских «разборок», кровавого садизма или откровенной порнографии.

Идеологический смысл этого этапа ломки массовой этики «совка» определил в майском номере журнала «Вопросы философии» за 1992 год советник Президента РФ Б. Ельцина Анатолий Ракитов. Он опубликовал статью со знаковым названием и содержанием: «Нужно сменить ядро русской культуры»¹⁷⁶.

А прагматический смысл этого этапа ломки массовой этики позже, в 1998 году, наиболее ярко и откровенно выразил в одном из интервью быв-

¹⁷⁶ Ракитов А. Нужно сменить ядро русской культуры // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3–15.

ший глава МИД России Андрей Козырев: «...Я-то считаю, что нет никакого другого интереса человеческого, кроме того, чтобы жить хорошо. А хорошо живут на Западе... Вся русская аристократия, купечество, писатели, интеллигенция, — они все жили в Западной Европе. И это не случайно. Все остальное — это демагогия для несчастных. Если у вас нет денег купить виллу на южном берегу Франции, то вам начинают сочинять сказку, что вам этого и не надо, вы живите вот здесь, в Азионе»¹⁷⁷.

Еще одним направлением ломки массового советского самосознания в тот период стала активная политика многих «мейстримных» СМИ по дискредитации победы СССР в Великой Отечественной войне и героической роли двух поколений советского народа в этой победе. В ход шли мифы о том, что пути продвижения германских войск «заваливали трупами советских солдат», что нацистов «победили заградотряды», и даже о том, что якобы Сталин готовил нападение на Германию, но «Гитлер успел раньше». На эти темы буквально «валом» шли статьи в «авторитетных» газетах и журналах, полки книжных магазинов заполняли соответствующие российские и зарубежные (переводные) издания.

Таким образом, основным этическим содержанием советской перестройки стало активное разрушение массового сознания советских людей и внушение того, что ВЕСЬ морально-этический фундамент жизни этих людей в советскую эпоху был уродливым и «нецивилизованным». Иными словами, под руководством высших идеологических органов КПСС происходило навязывание советским гражданам глубокого комплекса исторической, социальной, политической, экономической, культурной неполноценности, недееспособности и вины.

И лишь на этом фоне оказалось возможно начать другой — главный для инициаторов — процесс преобразований: передачу в частную собственность советских экономических активов.

3.5. Законодательный контекст позднесоветской приватизации

Процесс передачи в частную собственность советских активов открыли революционные изменения в экономическом законодательстве.

В ноябре 1986 года был принят Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», который разрешил предпринимателям-индивидуалам приобретать неиспользуемые материалы и имущество у предприятий¹⁷⁸. На основе этого закона впервые появились *легальные возможности* для обеспечения частных предпринимателей и кооператоров сырьем. Часть «теневиков» позднесоветской эпохи, которые занимались производством и продажей на рынках

¹⁷⁷ Козырев А. Эффект тихой дипломатии. Интервью А. Козырева // Московские новости. 1998. 22 декабря.

¹⁷⁸ Закон СССР от 19.11.1986 «Об индивидуальной трудовой деятельности». <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=245#0>

потребительской продукции из так называемого «левого» сырья, сразу начала легализоваться в форме кооперативов, законно покупать сырье и материалы, и работать «на рынке», продавая созданную продукцию, вполне официально.

Однако уже в феврале 1997 года было выпущено Постановление Совета Министров СССР¹⁷⁹, которое разрешило создание совместных предприятий (СП) с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран. Постановление фактически предусматривало полную свободу определения самими СП всех условий своей работы на советском и мировом рынке — от перечня и цены вносимого в совместное предприятие имущества до программ хозяйственной деятельности, от условий проведения экспортно-импортных операций до исчисления налога на прибыль.

Начавшее возрождаться легальное кооперативное движение стало криминализироваться, что называется «на корню». Уже созданные и вновь создаваемые при госпредприятиях кооперативы спешно преобразовывались в СП. Ценные материальные запасы предприятий через эти СП вывозились за рубеж, где их рыночная цена в пересчете на валюту была во много раз выше, чем в СССР. А за рубежом начали накапливаться те нелегальные капиталы, которые позже стали базовыми для приватизации общенародной (по Конституции) советской собственности.

Принятый в июне 1987 года Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)»¹⁸⁰ резко активизировал эти процессы. Этот закон позволил предприятиям выходить из подчинения министерствам и ведомствам и почти неограниченно — по решению руководства и трудового коллектива — распоряжаться всей материальной собственностью предприятия и его финансовыми активами, включая амортизационные отчисления, а также структурно разделять или объединять предприятия, включая создание объединений любых форм собственности с советскими и зарубежными партнерами. Кроме того, предприятия получали право самостоятельно утверждать собственные планы выпуска продукции и цены на эту продукцию, а также самостоятельно проводить экспортно-импортные операции.

Этот закон практически полностью обрушивал все условия деятельности в стране институтов административно-плановой экономики в условиях, когда не были созданы хотя бы минимальные институты экономики рыночной. То есть этот Закон практически полностью открывал дорогу «живому творчеству» управленцев. И они занялись фактической «перекачкой» государственной (вновь напомним: по Конституции — общенародной) собственности, включая материалы, продукцию, основные фонды и денежные средства предприятий, в частные карманы, в том числе за рубеж.

¹⁷⁹ Постановление Совмина СССР от 13.01.1987 № 49 «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран». <http://www.zakonprost.ru/content/base/83>

¹⁸⁰ Закон СССР от 30.06.1987 № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=886#0>

В мае 1988 года был принят Закон СССР «О кооперации в СССР»¹⁸¹, разрешивший кооперативам «...продавать и передавать другим предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять займы и в бесплатное временное пользование здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, инвентарь, сырье и другие материальные ценности, а также списывать с баланса основные фонды, если они изношены или морально устарели».

Перечисленные законы начали стремительно криминализировать, вслед за так называемым «кооперативным» сегментом позднесоветского хозяйства, почти все сферы возникающей в стране псевдорыночной экономики. Поскольку возникла возможность перетока не только сырья и материалов, но и основных фондов, включая здания, оборудование и станочный парк, из государственной собственности в собственность кооперативов и частных компаний, принадлежащих физическим лицам, а далее — на стихийный, на тот момент совершенно не оформленный институционально и законодательно, «свободный рынок», а также за рубеж.

К 1990 году в СССР насчитывалось 245 тыс. кооперативов с общей численностью работников более 6 млн человек, включая крупные «кооперативные» коммерческие банки. Фактически же эти банки — числом около 700 — возникали на месте советских специализированных банков и их филиалов в результате «теневой» приватизации еще до появления законодательства о банковской деятельности.

Такая незаконная и нелегальная (то есть фактически криминальная) приватизация не могла не стать сферой повышенного внимания оформившихся и разросшихся за годы перестройки преступных сообществ. И они занялись в отношении новых хозяев приватизированных советских предприятий и банков (не имеющих легального статуса и безусловной защиты законодательством) массовым рэкетом. Эти новые отношения, в свою очередь, стали важнейшим фактором проникновения в «теневые» приватизированные активы откровенного криминалитета с его специфическими «этическими нормами».

Подчеркнем: процессы «теневой приватизации» и проникновения криминалитета в сферу экономического управления начались задолго до появления хоть каких-то нормативных оснований рыночной экономики. Такие основания — причем только «рамочные», а не законодательные, — появились лишь в середине-конце 1990 года, когда Верховный Совет СССР принял Постановление «О концепции перехода к рыночной экономике»¹⁸² и «Основные направления по стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике»¹⁸³.

¹⁸¹ Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI (ред. от 07.03.1991) «О кооперации в СССР». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1361

¹⁸² Постановление Верховного Совета СССР от 13.06.1990 № 1558-1 «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3047#0>

¹⁸³ Решение Верховного Совета СССР от 19.10.1990 «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3676#0>

Эти постановления уже официально предусматривали демонополизацию, децентрализацию и разгосударствление собственности, учреждение акционерных обществ и банков, развитие частного предпринимательства.

Позже Экономический обзор ОЭСР констатировал: «Приватизация в России началась в отсутствие необходимой нормативной базы... к лету 1992 года более 2000 предприятий были приватизированы "стихийно"¹⁸⁴.

В марте 1991 года был принят Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹⁸⁵. На этот закон и его «антимонопольные» требования руководители многих крупнейших производственных и научно-производственных объединений (включая оборонный сектор советской промышленности) ответили выводом из этих структур входящих в них заводов, лабораторий, цехов и НИИ вместе с их основными и материальными фондами¹⁸⁶.

Часть этих фондов вскоре также оказалась на «свободном рынке». Кроме того, такое разделение производственных комплексов приводило к разрыву технологических цепочек и делало «выделенные» части ранее единого целого недееспособными или «ограниченно работоспособными». Знаменательно, что в первую очередь от этого целого, как правило, «отрывались» торговые подразделения, способные аккумулировать торговую прибыль. А эта прибыль через создаваемые СП уходила за рубеж.

Таким образом, уже на первом, позднесоветском этапе «перестройки» российской социальной и экономической системы и в ее нормативную законодательную базу, и в хозяйственно-экономическую практику вносились изменения, фундаментально меняющие социальную и предпринимательскую этику. Эти изменения фактически навязывали всем экономическим акторам «переломной» эпохи морально-ценностную инверсию тех норм «морального кодекса строителя коммунизма», которыми эти акторы были обязаны руководствоваться в своей прежней советской жизни.

Новыми, причем уже формально легализованными, нормами становились и фактическое воровство с родного завода, и продажа ворованного за рубеж, и укрывание валютной прибыли от этой продажи в зарубежных юрисдикциях. Отметим: уже тогда возникла достаточно массовая генерация «новых собственников», которые открыто гордились тем, что сумели, в отличие от «лохов-неудачников», легально «приватизировать» (то есть украсть), продать и спрятать прибыль.

Иными словами, еще до окончательного распада СССР в стране готовилась социально психологическая и морально-этическая почва для последующей — как показала жизнь, глубоко криминализованной — постсоветской приватизации.

¹⁸⁴ Экономические обзоры Организации экономического сотрудничества и развития: Российская Федерация. Издательство: ЦИСН, 1995. С. 54.

¹⁸⁵ Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51

¹⁸⁶ Joskova P.L., Schmalensee R., Tsukanova N. Competition Policy in Russia during and after Privatization. Brookings Papers: Microeconomics. Boston. 1994. P. 13.

3.6. Литература к главе III

Вахитов К.И. История потребительской кооперации России. Ч. 1. М.: Дашков и К, 1998.

Геллер М. Машины и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.

Глинчикова А. Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция, 2008.

Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России до октября 1917 г. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 24–40.

Делягин М. Сталинский рынок // Известия. 2013. 6 февраля. <http://izvestia.ru/news/544390>

Елютин О. Кооперация в России — невостребованный опыт // Наука и жизнь. 2003. № 5. Режим доступа <http://www.nkj.ru/archive/articles/2887> (дата обращения: 02.04.2017).

Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Минск, Харвест, 1995.

Зиновьев А. Гомо советикус. М.: Центрполиграф, 2000.

Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М.: Вагриус, 1999.

Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. М.: Международный фонд «Демократия», 2000.

Козырев А. Эффект тихой дипломатии. Интервью А. Козырева // Московские новости. 1998. 22 декабря.

Ларин Ю. Частный капитал в СССР // Государственная служба. 2000. № 1 (7). С. 135–154.

Лемке М.К. 250 дней в Царской Ставке. 1914–1915. Минск: Харвест, 2003.

Нузов В. Интервью с А.Н. Яковлевым // Демократический выбор. 2001. 9–15 августа. № 32.

Песоцкий А. Артели и кооперативы: основа трудового среднего класса. 21.11.2013. <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2013/11/21/17511.html>

Попкова Л. Где пышнее пироги // Новый мир. 1987. № 5.

Порат Ф. Диагноз: «НОМО SOVETICUS» // Огонек. 1987. Март.

Ракитов А. Нужно сменить ядро русской культуры // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3–15.

Романенко Е.В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М.: Памятники исторической мысли, 2003.

Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революциях 1905–1907 гг. М.: Наука 1989. 262 с.

Справочник православного человека. Таинства Православной Церкви. Даниловский благовестник. М., 2007.

Такер Р. Сталин. Путь к власти 1879–1929. М.: Прогресс, 1991.

Трубицын А.К. О Сталине и предпринимателях. 22.11.2011 https://kprf.ru/rus_soc/99271.html

Ульянова О.А. Быть или не быть НЭПу? Экономические дискуссии 1920-х годов // Экономический журнал. 2010. № 20.

Урушев Д.А. История русского старообрядчества. М.: Вече, 2015.

Федотов Г.П. Стихи духовные. М.: Прогресс, Гнозис, 1991.

Черной Л.С. Социальные факторы и риски экономического развития России. История и современность. М.: ИКЦ «Академкнига», 2004. 246 с.: ил.

Шмелёв Н. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6.

Шмелёв Н. Расплата за «Авансы и долги» // Московский комсомолец. 2009. 23 августа.

Экономические обзоры Организации экономического сотрудничества и развития: Российская Федерация. М.: ЦИСН, 1995. Яковлев А.Н. Большевик — социальная болезнь XX века. Вступительная статья // «Черная книга коммунизма». М.: Три века истории, 2001.

Joskova P. L., Schmalensee R., Tsukanova N. Competition Policy in Russia during and after Privatization. Brookings Papers: Microeconomics. Boston. 1994. P. 13.

Глава IV

Постсоветские трансформации социально-государственной системы России и нормативно-этических характеристик предпринимательской деятельности

Еще раз напомним о том, что Россия после распада СССР включалась в глобальное рыночное пространство именно на описанном выше в главе II фундаментальном переломе организационного и этического содержания современного «неокапитализма», который «десоциализировал» как массовую этику предпринимательства, так и нормативные социально-политические и экономические основы государственного законодательства и хозяйственной деятельности.

В значительной мере по этим причинам включение России в современный «неокапитализм» на этапе его негативных трансформаций и перенос негативов такого капитализма в нашу страну как образцов для подражания начали создавать для развития российского общества и российской экономики широкий спектр всё более серьезных проблем.

Сегодня, как представляется, вопрос о содержании этих проблем, а также о путях и возможностях их решения, является для России одним из самых острых и самых насущных.

4.1. Постсоветская приватизация

Принятый Верховным Советом РСФСР летом 1991 года Закон «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР»¹⁸⁷ обеспечивал всем гражданам России получение личного (именного) приватизационного счета для зачисления денег, предназначенных для оплаты приватизируемого государственного имущества. Причем этот закон не разрешал продажу приватизационных вкладов другим лицам.

Однако в январе 1992 года вышел Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина¹⁸⁸, фактически отменявший действие названного закона, и предполагавший в ходе приватизации продавать на символическую плату всем гражданам страны «ваучеры» объявленной номинальной стоимостью 10 тыс. рублей. Причем ваучеры не являлись именованными и, соответственно, могли свободно обращаться на создаваемом стихийном рынке как денежные суррогаты с неопределенной («рыночной») ценой.

¹⁸⁷ Закон РСФСР от 03.07.1991 № 1529–1 «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96

¹⁸⁸ Указ Президента РФ от 29.01.1992 № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290

При этом, вновь напомним, идеология приватизации изначально базировалась на смешении представлений о субъектах собственности. Предприятия, которые в СССР по Конституции являлись *общенародной* собственностью, в терминологии приватизации были названы *государственной* собственностью, и граждане — законные совладельцы этих предприятий — должны были их выкупать у группы лиц, которая действовала как бы от имени государства-собственника.

Такая терминологическая подмена, естественно, не могла не вызывать недоумения и возмущения у большинства граждан, которые эту подмену заметили.

Более того, нормативная база приватизации, принятая в кратчайшие сроки без серьезного обоснования и межведомственного согласования, сразу обнаружила гигантские «дыры».

Не были определены механизмы управления государственной собственностью, а также распределение прав и обязанностей в управлении этой собственностью между центром и регионами. Не было вообще никакой нормативной базы, обеспечивающей контроль приватизации важнейших (в том числе оборонных) активов, а также состояния и использования приватизированной собственности, соблюдения новыми собственниками правил технологической безопасности и требований к качеству продукции.

В том же 1992 году были проведены либерализация внутренних российских цен и либерализация внешней торговли. В условиях гиперинфляции и огромного разрыва между мировыми и внутренними ценами на сырье и материалы — суперприбыльным по сравнению с любым производством стал вывоз сырья и материалов за рубеж через разного рода легализованные СП. Предприятия быстро переправляли за границу производственные запасы, останавливая собственное производство и пряча основную часть прибыли в зарубежных банках.

Академик РАН В. М. Полтерович позже писал об этом так¹⁸⁹:

«В 1992 году одновременно с либерализацией внутренних цен была проведена либерализация внешней торговли. Она была осуществлена задолго до того, как внутренние цены пришли к равновесным значениям. Как следствие, продажа некоторых сырьевых ресурсов (нефти, цветных металлов, топлива) в условиях низких экспортных тарифов, разницы внутренних и мировых цен, слабого контроля на таможне стала сверхприбыльной... При такой доходности внешних операций с сырьём инвестиции в развитие производства потеряли смысл, а целью стало получение доступа к внешнеторговым операциям... Это способствовало росту коррупции и преступности, росту неравенства, повышению внутренних цен и спаду производства...»

В результате такой политики либерализации цен и внешней торговли инфляция в России достигала 2500 % в год, индекс потребительских цен с 1992

¹⁸⁹ Полтерович В. М. Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // Экономика и математические методы. 2006, Т. 42. № 2.

по 1995 год увеличился почти в 1200 раз. Ваучеры, с их первоначальной объявленной стоимостью 10 тыс. рублей (как утверждал один из идеологов приватизации Анатолий Чубайс, цена двух автомобилей «Волга») уже через год почти ничего не стоили. Граждане их вкладывали в многочисленные «Чековые инвестиционные фонды» (ЧИФы) сомнительного происхождения (в 1992–1993 годах в России действовало около 400 ЧИФ, подавляющее большинство которых затем бесследно исчезло), в акции разоряющихся предприятий, или просто продавали за бесценок¹⁹⁰.

Но, главное, в результате гиперинфляции были практически полностью обесценены сбережения населения России объемом около 600 млрд рублей — единственные законные и легальные деньги, которые могли бы быть использованы для массовой приватизации активов¹⁹¹. Потому почти весь капитал, способный участвовать в российской приватизации, оказался либо зарубежным, либо полукриминальным и криминальным, накопленным в результате описанных выше незаконных операций с бывшей советской общенародной собственностью.

Сам же процесс приватизации оказался совершенно не обеспеченным законодательной базой и вдобавок предельно непрозрачным. Как позже сообщил доклад Счетной палаты¹⁹², «...вообще отсутствовали нормы и критерии, ограничивающие преобразования одной формы собственности в другую... из акционированных к 1995 году 1110 предприятий ВПК 20 % были объявлены неплатежеспособными». Тот же доклад сообщает, что «...малоизвестная американская компания Nic and Si Corporation, действуя через подставную фирму, купила пакеты акций 19 авиационных предприятий оборонно-промышленного комплекса».

То есть приватизация сразу стала широчайшим полем для «как бы законных» (то есть нормативно не запрещенных) злоупотреблений.

Так, один из таких «приватизаторов», в тот момент аспирант (позже — хозяин «Уралмаша» и «Ижорских заводов», учредитель «Объединенной машиностроительной корпорации») Каха Бендукидзе, в интервью «Financial Times» от 15.07.1995 заявил: «Для нас приватизация была манной небесной. Она означала, что мы можем купить у государства на выгодных условиях то, что захотим. И мы приобрели жирный кусок из промышленных мощностей России. Захватить “Уралмаш” оказалось легче, чем склад в Москве. Мы купили этот завод за тысячную долю его действительной стоимости»¹⁹³.

¹⁹⁰ Черных Е. Если ваучеры обезличили, значит, это кому-то было нужно! // Комсомольская правда. 2012. 16 августа.

¹⁹¹ Хейфец Б. Вернуть пропавшие долги // Российская Федерация сегодня. 2007. № 15.

¹⁹² Степашин С. В. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие). Руководитель рабочей группы Председатель Счетной палаты Российской Федерации С. В. Степашин. М.: Олита, 2004.

¹⁹³ Цит. по: Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. М.: Эксмо, 2008. С. 258.

Еще хуже дело обстояло со злоупотреблениями законодательно запрещенными. Уже 1992 год вошел в историю России как год вопиющей финансовой преступности (фальшивые авизо, создание фиктивных фирм и пр.). Огромный масштаб приобрели валютные спекуляции, а также контрабанда и хищения выручки от внешнеторговых операций. Хотя общий объем экспорта возрос более чем в два раза, доходы России от экспортных продаж не увеличились¹⁹⁴. По данным ЦБ РФ, в 1992 году в Россию не вернулось около 60 % валютной выручки от экспорта, в 1993-м — около 35 %, в 1994-м — около 12 %¹⁹⁵.

В 1993–1994 годах в России развернулась широкомасштабная криминальная война за «приватизируемую» собственность с десятками тысяч случаев физической расправы над конкурентами и многими тысячами убийств. При этом, как сообщало Постановление Госдумы РФ, выпущенное в марте 1998 года, в 1997 году 40 % частного бизнеса, до 60 % госпредприятий и до 85 % банков в России полностью или частично контролировали организованные преступные группировки (ОПГ)¹⁹⁶.

Наконец, полукриминальные или просто криминальные механизмы приватизации крупнейших национальных активов за бюджетные деньги в конце 1995 года по схеме так называемых «залоговых аукционов»¹⁹⁷ окончательно обнажили ориентацию властно-корпоративной группировки, управлявшей Россией, на полный отказ от соблюдения хотя бы каких-то норм закона и этических принципов равенства и справедливости при передаче «приближенному» частному бизнесу бывшей общенародной собственности.

Мы не ставим здесь целью представить подробный разбор ошибок и злоупотреблений, связанных с «маркетизацией» российской экономики. Этот процесс, со всеми его нюансами и обстоятельствами, достаточно подробно изучен многими исследователями и детально описан в отечественной литературе Н. Петраковым¹⁹⁸, В. Радаевым¹⁹⁹, Р. Рывкиной²⁰⁰, Д. Львовым²⁰¹, Ю. Латовым²⁰², Л. Косалсом²⁰³, С. Меньшиковым²⁰⁴, А. Буничем²⁰⁵, С. Барсуковой²⁰⁶ и др.

Отметим лишь, что в результате проводимой в России в 1990-е годы экономической политики производство продукции российской промышленности и сельского хозяйства к концу XX века обрушилось в сравнении с 1990 го-

¹⁹⁴ Фигурнов М. Тенденции мирового развития // Диалог. 1996. № 3. С. 12.

¹⁹⁵ Кувалин Д. Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния. М.: МАКС Пресс, 2009.

¹⁹⁶ Постановление Государственной думы Федерального собрания РФ № 2318-II ГД от 20.03.1998. «О преодолении кризиса в экономике Российской Федерации». http://www.projects.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_72868.html.

¹⁹⁷ Степашин С. В. «Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие)». Руководитель рабочей группы Председатель Счетной палаты Российской Федерации С. В. Степашин. М.: Олита, 2004.

¹⁹⁸ Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998.

¹⁹⁹ Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.

дом почти вдвое, а легкая и лесная промышленность были уничтожены почти полностью²⁰⁷.

Приведем несколько авторитетных объяснений и оценок способов и результатов такой российской «маркетизации».

Анатолий Чубайс в интервью газете The Financial Times в ноябре 2004 года заявил: «У коммунистических руководителей была огромная власть — политическая, административная, финансовая... Мы не могли выбирать между “честной” и “нечестной” приватизацией, потому что честная приватизация предполагает четкие правила, установленные сильным государством, которое может обеспечить соблюдение законов. В начале 1990-х у нас не было ни государства, ни правопорядка... Нам приходилось выбирать между бандитским коммунизмом и бандитским капитализмом»²⁰⁸.

Джеффри Сакс, экономический советник президента РФ Б. Н. Ельцина, в интервью «Независимой газете» в конце 1998 года подчеркнул: «Главное, что подвело нас, это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями... они сочли, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей»²⁰⁹.

Янош Корнай в статье в журнале «Вопросы экономики» в декабре 2000 года написал: «Возможно, наиболее печальным примером провала стратегии ускоренной приватизации служит Россия... навязанная стране ваучерная приватизация вкупе с массовыми манипуляциями при передаче собственности в руки менеджеров и приближенных чиновников... привела к развитию абсурдной, извращенной и крайне несправедливой формы олигархического капитализма»²¹⁰.

²⁰⁰ Рывкина Р. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.

²⁰¹ Львов Д. С. Пора отказаться от догм // Поиск. 2000. № 44.

²⁰² Латов Ю. В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001. Гл. 6 (§ 6.3)

²⁰³ Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 4.

²⁰⁴ Меньшиков С. М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2004.

²⁰⁵ Бунич А. Квазилиберальное двоемыслие и парадоксы приватизации // Литературная газета. 2005. 4 июля.

²⁰⁶ Барсукова С. Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания: препр. WP4/2006/01. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

²⁰⁷ Польшов М. Ф. Рыночные реформы в 1990-е годы и их последствия для промышленности России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2005. Вып. 1.

²⁰⁸ Ostrovsky A. Father to the Oligarchs // The Financial Times. 2004. November 13.

²⁰⁹ Сакс Дж. Интервью // Независимая газета. 1998. 31 декабря.

²¹⁰ Корнай Я. «Путь к свободной экономике»: десять лет спустя (переосмысливая прошлое) // Вопросы экономики. 2000. № 12.

Джозеф Стиглиц с интервью в апреле 2003 года заявил: «Величайший парадокс в том, что их [российских реформаторов] взгляды на экономику были настолько неестественными, настолько идеологически искажёнными, что они не сумели решить даже более узкую задачу увеличения темпов экономического роста. Вместо этого они добились чистейшего экономического спада. Никакое переписывание истории этого не изменит»²¹¹.

В 2000 году первый заместитель министра внутренних дел России Владимир Козлов признал, что 40 % российской экономики контролируется преступниками: «Криминальные структуры буквально разрывают государственную собственность»²¹².

Джозеф Стиглиц в еще одном интервью, данном в конце 2003 года австрийской газете «Der Standard», заявил: «...Назрела необходимость поставить на политическую повестку дня вопрос относительно незаконной приватизации 90-х годов, в которой кроются корни различия в благосостоянии людей в России. Это не только вопрос справедливости, но и в далекой перспективе — также вопрос экономического благоразумия... Если этого не произойдет, то экономическая олигархия может трансформироваться в олигархию политическую»²¹³.

Доклад Счетной палаты РФ позже констатировал: «Нарушения... выявленные в ходе приватизации, дают основания полагать, что основной проблемой современного этапа политико-правового реформирования в России является отсутствие легитимной частной собственности»²¹⁴.

Проведенные позднее социологические опросы более чем убедительно показывают массовый социально-психологический результат рассматриваемых «рыночных» реформ:

«По данным Левада-центра, в 2000–2007 годах доля выступавших за полный или частичный пересмотр итогов приватизации колебалась в пределах 78–83 %, тогда как доля готовых оставить их без изменений — в пределах 7–15 %.

Близкие результаты были получены в одном из обследований РОМИР (2003 год): за полную или частичную деприватизацию высказались 77 %, против — 18 %.

В том же интервале лежат и оценки ИСПИ РАН (2006 г.): соответственно 81 % и 17 %.

При таком единодушии в восприятии результатов приватизации едва ли удивительно, что 77 % российских граждан полагают, что хозяева крупной

²¹¹ Stiglitz J. The ruin of Russia Wed 9 Apr 2003 09:01 BST. <https://www.theguardian.com/world/2003/apr/09/russia.artsandhumanities>.

²¹² Цит. по: Леонов Н. С. Крестный путь России. М.: Эксмо, 2005.

²¹³ Stiglitz J. empfiehlt: Besteuert die Oligarchen! // DER STANDARD. — 2003, 12.11 http://www.iwp.jku.at/meldungen/04/040209stiglitz/0312stiglitz_oligarchen.pdf

²¹⁴ Степашин С. В. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годов (экспертно-аналитическое мероприятие). Руководитель рабочей группы Председатель Счетной палаты Российской Федерации С. В. Степашин. М.: Олита, 2004.

частной собственности владеют ею не по праву, тогда как в обратном убеждены лишь 10 %»²¹⁵.

Проведенный десятилетием позже, осенью 2017 года, опрос ВЦИОМ на эту же тему показал, что оценки российской приватизации российским социальным большинством оказываются устойчиво негативными и по сей день. Через 25 лет после начала постсоветской маркетизации экономики отрицательно оценивают приватизацию 73 % респондентов, причем у работающих в коммерческой сфере негативных оценок даже больше, чем у работающих в государственной сфере²¹⁶.

Отметим, что главный поток критики российских реформ за все истекшие годы относится к негативным оценкам экономической политики власти в сфере правоустановления и правоприменения. Тем не менее достаточно заметная часть аналитики реформ посвящена другой важнейшей теме: созданию и закреплению глубокого разрыва между формальной нормативностью «рыночного» законодательства («внешней» нормативностью государства) — и неформальной нормативностью укорененных в обществе морально-этических принципов («внутренней» нормативностью граждан).

Причем ряд аналитиков отмечает, что этот разрыв нередко противоречив и парадоксален: неформальная нормативность крайне разнородна и различается не только у акторов, находящихся на разных уровнях участия в предпринимательской деятельности, но и в внутри каждого из этих уровней. Иными словами, российское постсоветское общество характеризуется глубокой внутренней противоречивостью или даже «разорванностью» массового этического сознания.

4.2. Социально-психологический и морально-этический результат маркетизации российской экономики

Тема опасности разрыва между нормативами законодательства и неформальными массовыми нормами в постсоветской России и в мире активно обсуждается с начала нового века как российскими исследователями (Ю. Латов и Т. Нестик²¹⁷, Т. Заславская²¹⁸, И. Попова²¹⁹, М. Сухарев²²⁰, Г. Осипов²²¹,

²¹⁵ Капелюшников Р. Собственность без легитимности. 28.03.2008. <http://www.polit.ru/analytics/2008/03/27/sobstv.html>

²¹⁶ Опрос показал отношение россиян к приватизации 90-х годов. <https://ria.ru/society/20171002/1505992506.html>

²¹⁷ Латов Ю. В., Нестик Т. А. «Плохие» законы или культурные традиции? // Общественные науки и современность. 2002. № 5.

²¹⁸ Заславская Т. И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики (Под общ. ред. Т. И. Заславской). М.: МВШСЭН, 2002.

²¹⁹ Попова И. М. Моральное оправдание и нормативная составляющая теневых практик (К постановке проблемы) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 1.

Р. Гринберг²²², Митрополит Кирилл²²³, В. Зорькин²²⁴ и др.), так и их зарубежными коллегами (А. Сен²²⁵, Д. Норт²²⁶, С. Хедлунд²²⁷ и др.) исследователями.

По сути, авторы перечисленных публикаций признают, что маркетизация экономики, проведенная по сценарию российских реформаторов, привела не только к вопиющему нормативному разрыву между экономическим законодательством и внутренними этическими представлениями российских масс, но и к *катастрофическому морально-этическому «повреждению» всего социального бытия.*

В этом смысле представляется совершенно верным утверждение российского социолога и экономиста Розалины Рывкиной о том, что не только массовые этические представления влияют на экономическую реальность, но справедливо и обратное: влияние экономической реальности на массовую этико-нормативную среду: *«Зародившиеся в экономике поведенческие стереотипы переносятся в другие сферы, то есть над теневыми экономическими стереотипами надстраиваются аналогичные им теневые социальные стереотипы, действующие в политической, правовой, педагогической, культурной, медицинской, спортивной и других областях»²²⁸.*

То же самое, по сути, признает и член-корреспондент РАН Руслан Гринберг: *«среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, — пренебрежение нравственно-психологическим миром человека... интенсивное искоренение морально-этической составляющей социального бытия»²²⁹.*

О том же с позиций социологии пишет и академик РАН Георгий Осипов, подчеркивая, что *реформы катастрофически обрушили традиционные для Рос-*

²²⁰ Сухарев М. Социальные антиинституты // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 5. <http://www.ecsoc.msses.ru/issues/2004-5-5/index.html>

²²¹ Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М.: Норма, 2007.

²²² Гринберг Р.С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник РАН. 2007. Т. 77. № 7. С. 584–592.

²²³ Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Духовно-нравственные основы современного российского общества // В кн. Богомолов О.Т. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 372–380.

²²⁴ Зорькин В. Доверие к праву — путь разрешения глобальных кризисов // Российская газета. 2016. 19 мая.

²²⁵ Sen A. On Ethics and Economics. Oxford and New York: Basil Blackwell; 1987.

²²⁶ Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

²²⁷ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2015.

²²⁸ Рывкина Р. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.

²²⁹ Гринберг Р.С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник РАН. 2007. Т. 77. № 7. С. 584–592.

сии представления о социальной справедливости²³⁰. И о том же говорит такой, казалось бы, весьма далекий от экономики, общественный деятель, как митрополит Смоленский и Калининградский (ныне Патриарх РПЦ) Кирилл: «...закон имеет шанс работать только в том случае, если он соответствует нравственной норме»²³¹.

Конечно же, эти наблюдения не связаны решающим образом со специфической маркетизацией экономики, проведенной в последние десятилетия в России. Напомним, что Адам Смит до общеизвестного «Рассуждения о богатстве народов» опубликовал гораздо менее известную сегодня работу «Теория нравственных чувств», в которой формулировал, в том числе, требования к общесоциальной и предпринимательской этике экономически эффективного рыночного общества²³².

Напомним также, что теоретический и политический «экономизм», пренебрегающий взаимосвязью внешне-нормативного экономического порядка с общественной нравственностью, жестко критиковали Алексис Токвиль, Карл Полаanyi, а затем Амартия Сен и многие институционалисты, начиная с Дугласа Норта.

А. Сен, например, писал: *«Экономическая наука имеет два скорее различных основания: “этику” и “инженерию”... Современная экономическая теория оказалась сильно обедненной из-за продолжающегося расхождения этики и экономики»²³³.*

Д. Норт указывал: *«Когда институциональная система делает наиболее прибыльной экономической деятельностью пиратство, знания и навыки развиваются совсем в другом направлении, чем в том случае, когда экономические возможности определяются расширением производства»²³⁴.*

Стефан Хедлунд прямо объяснял провал российских реформ именно глубоким расхождением между писаными и неписаными правилами российской жизни:

«Изменения одних лишь формальных правил игры в случае СССР было совершенно недостаточно. Неформальные нормы “старше” формальных: первые обеспечивают вторым легитимность, говорит институциональная теория. И если писанные правила жизни слишком отклоняются от неписанных, практика отнюдь не следует бумажным предписаниям. Результат — системный провал»²³⁵.

²³⁰ Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М.: Норма, 2007.

²³¹ Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Духовно-нравственные основы современного российского общества // В кн. Богомолов О.Т. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008.

²³² Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.

²³³ Sen A. On Ethics and Economics. Oxford and New York: Basil Blackwell; 1987.

²³⁴ Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

²³⁵ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2015.

Отметим, что многие экономисты — сторонники неоклассической (неолиберальной) методологии анализа — уже давно пытаются включить криминальное предпринимательство и коррупцию в свою методологическую логику и соответствующие экономические модели. Этика при таком подходе вообще не обсуждается как фактор социальной и экономической жизни, а криминальность рассматривается как один из механизмов оптимизации обеспечения интересов в условиях ограниченности ресурсов.

Одним из пионеров такого подхода стал американский экономист, лауреат Нобелевской премии Гэри Беккер²³⁶.

Примерно этот же подход фактически развивают работы ряда западных экономистов (например, К. Хоманн, Ф. Бломе-Дрез), утверждавших, что этическая сфера предпринимательства целиком и полностью относится к сфере формализованных и соблюдаемых актором норм рынка, «внешних» по отношению к собственно бизнесу, и что «системным местом морали в рыночной экономике является рамочный порядок»²³⁷.

Далее примерно такой же подход развивали и другие исследователи — в частности, Эрнандо де Сото²³⁸ и Сьюзан Роуз-Аккерман²³⁹.

Этот подход, по сути, определяет криминальность и коррупцию как рациональный, хотя и нелегальный, способ сокращения издержек наряду с другими, легальными, способами. И фактически предлагает смириться с внезаконными практиками подобного рода как экономически эффективной нормой. Еще раз подчеркнем: социально-психологический и морально-этический аспекты таких предпринимательских практик при указанном подходе вообще не рассматриваются, как не имеющие отношения к рыночной реальности.

Отметим, что при таком подходе фактически полностью выводится «за рамки экономики» вопрос классической юридической науки: о взаимном соответствии правоустанавливающих норм и массовых представлений о справедливом и должном — то есть о необходимости морально-этической легитимации экономического законодательства. А заодно выводится за те же скобки и вопрос о приемлемости рыночного порядка, включающего в качестве регулятивных механизмов неопределенную «смесь» писаных законов и внеморальных и откровенно неэтичных предпринимательских практик.

²³⁶ Becker G. S. Crime and punishment: an economic approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. No. 2. P. 169–217.

²³⁷ Хоманн К., Бломе-Дрез Ф. Экономическая этика и этика предпринимательства. (Hottmann K., Blome-Drees F. Wirtschafts und Unternehmensethik. Göttingen, Zurich: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992, перевод С. Курбатовой, К. Костюка.) Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/22_h/hom/an0.htm (дата обращения: 17.07.2015).

²³⁸ Сото Э. де. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире. Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy, 1995.

²³⁹ Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2003.

Отметим также, что такой подход нередко оправдывается тем, что подобные «неформальные практики» стали средством сравнительно мягкой адаптации предпринимательского сообщества и общества в целом к проводимым реформам и тем самым сделали эти реформы «вообще возможными».

Судя по политике экономического блока российской власти, реализуемой в годы маркетизации России, наши реформаторы исповедовали именно такой концептуальный подход и использовали именно такие оправдания. И получили, как показали исследования²⁴⁰ и приведенные выше данные социологических опросов, массовую убежденность граждан страны в нелегитимности и несправедливости постсоветского распределения частной собственности, а также катастрофическое недоверие к действиям власти в сфере экономического законодательства и применения законов.

То есть мы в России до сих пор фактически находимся в ситуации массового ощущения нелегитимности частной собственности (в особенности — крупной собственности), а также столь же массового ощущения аморальности, несправедливости и нелегитимности государственной политики маркетизации экономики страны, которая привела к такой ситуации.

4.3. Практические последствия нелегитимности собственности

Подчеркнем, что сомнительную легитимность российской частной собственности ощущают не только те, кому такой собственности не досталось. Ее ощущает и значительная часть предпринимательского сообщества, особенно на фоне негативного отношения к себе со стороны широких масс граждан и понимания, что у владельца этой собственности в России почти всегда в какой-то мере «рыльце в пушку».

О том, что это так, напоминают в том числе регулярно появляющиеся в России исследования возможной в будущем деприватизации (рениационализации) существующей в стране частной собственности²⁴¹. Ощущение «мое, но надолго ли мое» глубоко негативно влияет и на предпринимательские стратегии, и на отношение к бизнесу новой российской бюрократии.

Многие исследователи признают, что именно неуверенность в легитимности собственности и устойчивости права владения у значительной части российского предпринимательства в большей степени ответственны за такие феномены, как стремление «отжимать досуха» сомнительно приобретенные активы, отказ от долгосрочных инвестиций, навыки прятать прибыли в офшорах, а также вкладывать их в зарубежную недвижимость или пускать на «престижное» потребление. Кроме того, российская экономическая действительность

²⁴⁰ Капелюшников Р. Собственность без легитимности? 27.03.2008. <http://polit.ru/article/2008/03/27/sobstv>

²⁴¹ Нуреев Р. М., Рунов А. Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6.

в результате такой специфики отечественного бизнеса оказывается переполнена негативными экстерналиями — от грубых экологических нарушений до негласных и неявных «подрывных» вмешательств в бизнес-процессы конкурентов.

И это хорошо понимает отечественная бюрократия.

Отметим, что, как признают большинство исследователей, с начала нынешнего века в России наблюдается последовательное искоренение бандитских практик рэкета и грабежей предпринимателей, а также попыток крупного бизнеса коррупционным образом влиять на политику, то есть «покупать государство»²⁴².

Однако этот процесс, как утверждают многие авторы, сопровождается ростом скрытого коррупционно-административного давления на бизнес²⁴³. Иными словами, постсоветская практика 1990-х годов — силовые рейдерские захваты предприятий или их продажа задешево в результате криминальных «предложений, от которых нельзя отказаться», — сменяется достаточно распространенной практикой *коррупционных поборов* или даже *отъема собственности* через местные административные, надзорные и правоохранительные органы, а также через сомнительно-правовые судебные решения.

Конечно, нельзя утверждать, что власть с этой тенденцией совсем не борется. По данным, которые приводит Генпрокурор РФ Ю. Чайка²⁴⁴, органы прокуратуры, получившие в сфере расследования коррупционных преступлений очень широкие полномочия, используют эти полномочия всё более эффективно. Кроме того, сыграли свою роль и законодательные инициативы президента РФ В. Путина, ужесточающие уголовное наказание за «чиновный беспредел» в отношении бизнеса²⁴⁵.

Однако одновременно нельзя не признать, что меры по борьбе с экономической преступностью и коррупцией, принятые и реализуемые в сегодняшнем российском законодательстве, совершенно недостаточны для серьезного сокращения этих крайне опасных правонарушений.

Прежде всего, Россия давно ратифицировала, но до сих пор не имплементировала полностью (включая самые принципиальные статьи) Международную Конвенцию по борьбе с коррупцией 2003 года²⁴⁶. В частности, при ратификации

²⁴² Паттэ Я. Ш., Галухина Я. С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2009.

²⁴³ Отчет фонда «Индем». Во сколько раз увеличилась коррупция за 4 года? Проект «Диагностика российской коррупции»: краткое изложение результатов. 2005. http://www.anticorr.ru/indem/2005diagnost/2005diag_press.doc; Милов В., Немцов Б. Коррупция разъедает Россию // Лоббист. 2008. № 1.

²⁴⁴ Чайка Ю. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки информационному агентству «Интерфакс». 2016. 8 декабря. <https://genproc.gov.ru/genprokuror/interview/document-1145087>

²⁴⁵ Лехницкая Д. Путин заступился за бизнес: За уголовные дела против невиновных силовики и чиновники могут сесть в тюрьму на 10 лет // Комсомольская правда. 2016. 30 октября.

²⁴⁶ Международная Конвенция по борьбе с коррупцией 2003. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml

из списка статей Конвенции, по которым Россия признаёт свою юрисдикцию, были исключены ст. 20 «Незаконное обогащение», ст. 26 «Ответственность юридических лиц», ст. 54 «Механизмы изъятия имущества посредством международного сотрудничества в деле конфискации», ст. 57 «Возвращение активов и распоряжение ими».

То есть наиболее болезненные для коррупционеров-чиновников меры наказания за коррупционные преступления у нас в России как бы должны применяться (есть глава 30 УК РФ, в статьях которой прописаны меры наказания за злоупотребление должностными полномочиями, нецелевое расходование бюджетных средств, получение и дача взятки, превышение должностных полномочий и так далее)²⁴⁷. Но в реальности в законодательстве нет ни серьезных наказаний коррупционеров (например, самого болезненного — конфискации незаконно приобретенного имущества), ни необходимой точности и однозначной жесткости формулировок, что позволяет уличенным в многомиллиардном воровстве чиновникам и менеджерам отделяться от уголовного наказания снятием с должности и штрафами.

Подвижек нашего законодательства в направлении изменения такого плачевного положения дел — нет много лет. Так, например, очередной рассмотренный российским парламентом законопроект (№ 157763–7) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части введения понятия незаконного обогащения и иных мер, направленных на противодействие коррупции» 17 января 2018 года был отклонен по результатам голосования в Госдуме²⁴⁸.

Значительная часть экспортного сообщества убеждена в том, что действующий в России в этой сфере в течение последних полутора десятилетий «законодательный тормоз» в решающей степени определяется скрытым лоббизмом тех сложившихся в стране мощных предпринимательских и чиновных кругов, которые глубоко заинтересованы в продолжении этого самого «незаконного обогащения» и отсутствию за него серьезных законодательных санкций.

Нельзя не признать, что рассмотренные выше негативные тенденции в российской социально-экономической жизни играют большую роль в том, что Россия в целом оказалась экономически и психологически недостаточно готова к наступившим в середине второго десятилетия нового века глобальным переменам.

²⁴⁷ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/626d65a0e69702601de8926431bf4d60be7c37c4

²⁴⁸ Государственная дума отклонила законодательную инициативу «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» — проект Федерального Закона № 157763–7 <http://www.spravedlivo.ru/8706910>

4.4. Эпоха санкций и новый глобальный контекст

Произошедший на Украине в 2014 году при поддержке стран Запада вооруженный неонацистский переворот, воссоединение Крыма с Россией, развернувшаяся в украинском Донбассе гражданская война, а также гражданская война в Сирии, где Россия однозначно поддержала законную власть президента Б. Асада, а Запад и ряд арабских стран поддержали противников Асада, и в том числе наиболее опасные вооруженные террористические группировки, — всё это кардинально меняет не только мировой политический ландшафт, но и ключевые условия глобальной экономической деятельности.

Новизна этих глобальных условий заключается прежде всего в том, что нынешний американский экономический, политический и военный гегемон начинает всё более откровенно подрывать базовые основы существующей с окончания Второй мировой войны системы международного права как в сфере политики, так и в сфере экономики.

В числе действий США, подрывающих базовые основы международного права, — выход Америки из ключевых международных политических и экономических институтов и соглашений, в которых США были одним из основателей. США в последние годы уже вышли из Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)²⁴⁹, из Парижского климатического соглашения²⁵⁰, из Совета по правам человека при ООН²⁵¹, из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе (СВПД)²⁵², из Договора о Транстихоокеанском торгово-экономическом партнерстве²⁵³ и, видимо, из договора с Россией об уничтожении баллистических ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД)²⁵⁴. В последние месяцы из Вашингтона всё чаще слышны угрозы выхода США из ООН²⁵⁵, из Всемирной торговой организации (ВТО)²⁵⁶, из НАТО²⁵⁷, из договора СНВ-3²⁵⁸ и т. д.

Среди наиболее откровенных американских нарушений международного права — применение разнообразных незаконных методов давления США

²⁴⁹ ТАСС, 12.10.2017. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4640403>

²⁵⁰ РИА Новости, 02.06.2017. <https://ria.ru/world/20170602/1495684001.html>

²⁵¹ РИА Новости, 20.06.2018. <https://ria.ru/world/20180620/1523035805.html>

²⁵² ТАСС, 07.08.2018. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4580506>

²⁵³ BBC, 24.01.2017. <https://www.bbc.com/russian/features-38729182>

²⁵⁴ Ведомости, 25.06.2017. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/06/25/695871-politico-uznala-o-predlozhenii>

²⁵⁵ Портал «Новая эпоха», 06.06.2017 <https://yenicag.ru/ssha-prigrozili-vyjti-iz-oon/>

²⁵⁶ Д. Трамп в интервью «Блумберг» 30.08.2018: «*Всемирная торговая организация в течение многих лет очень плохо обращается с Америкой... Если они не улучшат свою работу, я выйду из ВТО*». <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-08-30/trump-says-he-will-pull-u-s-out-of-wto-if-they-don-t-shape-up>

²⁵⁷ Портал Росбалт, 12.07.2018. <http://www.rosbalt.ru/world/2018/07/12/1716829.html>

²⁵⁸ Цит. по «КоммерсантЪ», 21.10.2018. <https://www.kommersant.ru/doc/3777738>

на другие страны с целью вынудить эти страны подчиниться американскому диктату. В числе методов давления — политические ультиматумы, угрозы прямого военного вмешательства, а также разнообразные санкции и торговые ограничения.

Такая политика уже давно применяется США в отношении так называемых «стран-изгоев» (сравнительно новый, но уже широко используемый термин американской дипломатии) — от Северной Кореи до Ирана и от Венесуэлы до Судана. С 2014 года такая политика всё более открыто применяется США в отношении России, а с 2017 года — в отношении КНР.

Но при этом с 2017 года, после прихода к власти в Америке администрации Дональда Трампа, эта политика обретает совсем открытый и беззащитный характер. Причем ключевые признаки открытого американского отрицания международных норм множатся с каждым днем, а сфера применения американского давления на страны мира расширяется в том числе на традиционных долговременных союзников Америки — от стран Европы до Японии и Южной Кореи.

Более того, американские «мозговые центры» уже пытаются подвести под такую политику новую «теоретико-правовую базу». В частности, в августе 2018 года ведущий американский аналитический центр по внешнеполитическим вопросам Atlantic Council опубликовал статью Роберта Дохнера под откровенным названием «Иногда необходимо нарушать правила глобальной торговли»²⁵⁹, в которой автор пишет: «*Если действия обвиняемого не вписываются в существующие торговые правила, а он продолжает отрицать свою вину, то возникает проблема, решение которой невозможно в рамках существующих правил*».

Отметим, что здесь налицо очень характерные для нынешней американской международной логики термины: «обвиняемый» и «вина». В современном экономическом и политическом контексте под этим подразумевается, что обвиняют США. И если законные международные институты сомневаются в грехах обвиняемого, то вердикт о его виновности выносят тоже США, причем для этого не требуется ни доказательств, ни состязательности сторон обвинения и защиты, ни законного решения суда. Выносят и исполняют приговор опять-таки тоже США. Причем такая американская (англосаксонская) логика распространяется и на сферу политики, и на сферу экономики, и на все другие сферы — от культуры до спорта.

Как такое может происходить?

США за последние десятилетия сконцентрировали в руках подконтрольных медиакорпораций и их международных дочерних компаний почти всю глобальную медиасферу, а также огромную часть глобальных интернет-медиа. То есть получили огромный уровень контроля над мировым общественным мнением, у которого фактически нет альтернативных источников информации.

²⁵⁹ Цит. по portalу «Regnum» 23.08.2018. <https://regnum.ru/news/2469016.html>

В этой ситуации Америка и ее союзники и сателлиты оказываются способны предъявить (вырезать из реальности или просто фальсифицировать) и навязать почти всему миру свою точку зрения как единственно справедливую и благоую. А далее, как показано в приведенном выше тезисе из Atlantic Council, — отказаться от обсуждения любых юридических вопросов при предъявлении обвинений и вынесении приговора о виновности или невиновности.

Отметим, что такая новизна сегодняшней глобальной эпохи вносит в язык международного диалога по любым вопросам новую терминологию и новую методологию.

Во-первых, англосаксонские обвинители в своих обвинениях всё реже используют апелляции к международному праву и институтам, которые это право олицетворяют и призваны соблюдать. Они обвиняют оппонентов в нарушении не норм и законов, а «правил», подразумевая под «правилами» то, что они (обвинители) считают нужным для себя и объявляют «справедливым».

Во-вторых, эти же англосаксонские обвинители не считают нужным предъявлять ни оппонентам, ни международному сообществу какие-либо доказательства, подтверждающие свои обвинения. Всё чаще вместо доказательств и их рассмотрения в авторитетной и незаинтересованной инстанции с судебными полномочиями, в ходе состязательного диалога с защитой обвиняемых доказательства объявляются секретными, а обвинительный вердикт выносится в форме «весьма вероятно» (*highly likely*).

Голословные утверждения, повторенные сотни раз десятками телеканалов, радиостанций и газет, «по факту» становятся как бы «доказанной и неоспоримой истиной в последней инстанции». И на основе этой «истины» вводятся (и навязываются всему миру в качестве обязательных) политические, экономические, торгово-финансовые санкции против объявленных виновными стран, компаний, политиков, бизнесменов и т. д., объявляются дипломатические и торговые войны.

Всё перечисленное, по сути, являет собой «ползучую» трансформацию мировой системы, основанной на «силе права» и авторитете глобальных институтов, реализующих правовое разрешение всех типов конфликтов, в неправовую систему, в которой главным, а в конце концов и единственным, механизмом разрешения противоречий становится «право силы» (политической, финансово-экономической, технологической, военной, информационно-пропагандистской и т. д.), ограниченной лишь таким же правом другой силы или сил.

Подобная «новизна» фундаментальной ломки базовых основ международной правовой системы во всех ее сферах и измерениях вызывает очень глубокие и опасные политические, экономические и социокультурные последствия.

В сфере политики разрушение норм и институтов, которые эти нормы олицетворяют и представляют, означает «ползучее» возвращение досоциальной нормативности «войны всех против всех». И соответственно, неуклонный рост рисков политических, экономических, информационно-психологических,

вооруженных войн любого масштаба с использованием любого неконвенционального оружия.

В сфере экономики прямыми последствиями этой «вненормативной новизны» оказываются еще более высокие и еще менее предсказуемые инвестиционные риски, особенно значимые (и, как правило, неприемлемые) для долгосрочных капиталоемких проектов с большими сроками окупаемости. Ни один предприниматель не станет инвестировать серьезные деньги в подобные проекты в условиях, когда его уже овеществленный капитал может быть уничтожен войной, обесценен внезапно объявленными санкциями или назван незаконным и экспроприирован по надуманным и фальсифицированным обвинениям.

Побочным последствием таких рисков является ускоренная и углубляющаяся «финансиализация» мировой экономики, в которой подавляющая часть мирового капитала сосредотачивается не в сферах производства услуг и товаров, а в сфере финансовых спекуляций. В частности, последний доклад Римскому клубу «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты»²⁶⁰, подготовленный двумя президентами Римского клуба Эрнстом фон Вайцеккером и Андерсом Вийкманом и выпущенный в ноябре 2017 года, подчеркивает, что 98 % (!!!) современных мировых доходов от финансовых операций имеют спекулятивный характер.

В свою очередь, следствием подобной спекулятивной финансиализации стало новое обострение именно таких кризисных тенденций, которые привели к обвалу финансовых рынков в 2008 году, причем в еще больших масштабах, чем десятилетие назад. Так, 9 сентября 2018 года «Новая газета» опубликовала статью профессора Цюрихского университета Марка Шенэ под названием «Новые Леман Бразерс»²⁶¹.

Напоминая о катастрофе банка «Леман Бразерс» десять лет назад, Шенэ сообщает, что сейчас уровень неустойчивости ведущих банков США за счет спекулятивной «деривативной» составляющей не ниже, чем был у «Леман» накануне краха. В момент краха у «Леман» были внебалансовые финансовые схемы и сложные деривативы в 35 трлн долл. (50-кратный размер баланса банка, в 1500 раз больше собственных активов). Сейчас, как пишет Шенэ: «У Goldman Sachs номинальный объем деривативов в 2017 году в 48,9 трлн долл. составил 53-кратный размер собственного баланса, в 568 раз превысил собственные капиталы и в 2,5 раза — ВВП Соединенных Штатов. Деривативы Citigroup равняются 45,7 трлн. долл.: это их 25-кратный баланс, 227-кратный объем их собственных капиталов и 2,3 ВВП США».

Шенэ напоминает, что за такую «финансиализацию», приведшую десять лет назад к глобальной экономической катастрофе, всерьез никто не ответил.

²⁶⁰ Von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. — Springer, 2018. Русский перевод — https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf

²⁶¹ <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/09/09/77772-novye-leman-brazers>

А далее он подчеркивает главное: «За банкротством *Lehman Brothers* нужно видеть всю систему казино-финансов, в которой долги, пари и цинизм заменили сбережения, инвестиции и доверие. Этот процесс ввергает всё общество в состояние перманентного кризиса».

Шенэ не случайно пишет не только об угрозе нового экономического или финансового кризиса, но и о перманентном кризисе всего общества, в котором «пари и цинизм» заменяют доверие. Ведь доверие — к государству и власти, к контрагентам рынка, к нормативности общества, к ближнему — это основа любой этики и фундамент всех сфер экономической, социальной и в целом человеческой жизни. Утрата доверия во всех этих сферах на фоне уже неотменяемой глобализации катастрофически разрушает социальную, политическую, экономическую жизнь и в ее локальных измерениях, и в общемировом масштабе.

Отметим, что одним из важнейших измерений таких глобальных трансформаций стало, как мы уже показали в главе II, неуклонное разрушение базовых основ «общественного договора», являющегося социально-политическим фундаментом большинства современных демократических государств.

Признаки такого разрушения отмечаются давно, в том числе в форме беспрецедентного роста социально-экономического неравенства в наиболее развитых странах мира. Так, например, выпущенный в начале 2018 года очередной доклад международной аналитической организации Oxfam, вышедший к началу Давосского форума²⁶², показал, что в 2017 году 1 % наиболее богатых людей в мире впервые контролировал более половины (50,1 %) мирового богатства. Причем состояния наиболее богатых неуклонно растут, в то время как состояния бедной половины мирового населения (3,7 млрд жителей планеты) не увеличиваются.

Еще один признак ликвидации «общественного договора» в мировом масштабе — постепенный отказ от реальных достижений «социального государства» даже в тех странах, где принцип «социального государства» записан в национальных Конституциях.

Видимо, один из самых ярких и откровенных примеров этого процесса — телевизионное Послание народу Нидерландов нового короля страны Виллема-Александра после его вступления на престол в 2013 году. В этом Послании король заявил: «Социального государства XX века больше не существует... На его место приходит общество активного участия, где люди должны взять ответственность за свое собственное будущее... и создавать собственную социальную и финансовую безопасность с меньшей долей участия правительства»²⁶³.

Очевидно, что всё перечисленное фундаментально подрывает всю этику общественного договора во всех социальных сферах.

²⁶² <https://www.rbc.ru/society/22/01/2018/5a6585569a79471d6f4dfbee>

²⁶³ Tuesday 17 September 2013. Dutch King Willem-Alexander declares the end of the welfare state. <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/dutch-king-willem-alexander-declares-the-end-of-the-welfare-state-8822421.html>

Теряет остатки общественного доверия государство, обязанное поддерживать общественный договор, но неофициально и даже официально от этого своего обязательства отказывающееся. Теряет остатки общественного доверия бизнес (в особенности — крупный бизнес, и в особенности — финансовый сектор), превращающийся из ключевого мотора экономического развития в генерального «пожирателя» общественных благ.

В результате исчезают основные контуры «внешнего» закона, по которому живет каждый индивид и общество в целом. А «моральный закон внутри», как мы уже обсудили выше, оказывается уже почти растворен в созданной в последние десятилетия социальной среде воинственного эгоистического индивидуализма.

Как мы видим, это уже именно глобальные, общемировые трансформации этической нормативности. Которые, как признают социологи, в какой-то мере тормозятся лишь в части традиционных обществ, в которых глубоко укоренены религиозные этические нормы.

Было бы наивно и безответственно считать, что эти процессы несущественно затрагивают российскую государственность и российскую социальность.

Мы видим, что в России резко растет социально-экономическое неравенство. По данным исследования World Inequality Report, проведенного Всемирной лабораторией экономического неравенства и опубликованного в конце 2017 года, сегодня в России уровень неравенства уже один из самых высоких в мире. Сейчас Россия, 30 лет назад бывшая высшим образцом социального равенства для всего мира, сместилась по уровню неравенства более чем на 100 лет в прошлое, к 1905 году²⁶⁴.

Причем в России — с нашими, не избытыми социальным большинством за постсоветские годы привычками равенства — это неравенство ощущается острее, чем в странах «старого» капитализма. Но еще более остро (гораздо острее, чем в странах «старого» капитализма) российское неравенство ощущается по обсужденной нами выше причине нелегитимности или неполной легитимности крупной собственности.

По тем же причинам российское общество сейчас восприняло в целом резко негативно инициированную правительством пенсионную реформу. Эта реформа самыми разными группами граждан, и в особенности малоимущими, считается очередным и очень крупным шагом власти к отказу от главных принципов социального государства и остатков «солидарной» этики.

Некоторые социологи считают, что именно такой разрыв власти с парадигмой социального государства в достаточно широких кругах общества воспринимается (и это очень тревожный знак!) в значительной мере как некое оправдание собственного аморализма. По принципу: если государство так нечестно и несправедливо относится ко мне, почему я должен относиться к нему иначе?

²⁶⁴ Цит. по: <http://www.km.ru/economics/2017/12/20/ekonomika-i-finansy/816476-mirovoe-neravenstvo-rastet-rossiya-k-sozhaleniyu-v-t>

Если такие социологические выводы обоснованы (а они, похоже, обоснованы), то это очень серьезная проблема! Поскольку может запуститься «самоподпитывающийся» процесс внеморального и вненормативного отчуждения между обществом и властью. Со всеми сопутствующими издержками во всех сферах социально-государственной жизни, включая политику, экономику, право и т. д.

Как мы видели из предыдущего изложения, во всех слоях российского общества, связанных с управлением экономикой и хозяйственной деятельностью, рассматриваемая нами эпоха маркетизации России очень глубоко разрушила (и продолжает разрушать) существенную часть того «морального закона внутри нас», о котором говорил Имануил Кант²⁶⁵ и который в том числе обязан регулировать этическую сферу предпринимательства.

Дополнение этой тенденции признанием государства, как хозяина «внешней» нормативности, «нечестным и несправедливым арбитром», и отчуждением широких масс от такого государства не может не привести к росту асоциального и даже криминального поведения как в экономике, так и во всех других сферах жизни. И не может не провоцировать тенденции дальнейшего ослабления российского общества и российской государственности.

Такой процесс, как показывает мировая история, не останавливается и не разворачивается вспять только лишь ужесточением законодательства и активизацией репрессивных механизмов. Более того, такой процесс может быть в принципе реализован только государством, которое социальное большинство признаёт справедливым, тем самым признавая и легитимируя его право на установление «внешней» нормативности, включая право на насилие.

Это, по нашему мнению, означает, что, усиливая борьбу с коррупцией и экономическими преступлениями в современной России, наше государство и наше общество должны одновременно сделать особый, не побоимся этого слова — стратегический — акцент на двух направлениях государственной и социальной трансформации.

Первое направление — последовательное смещение системы государственного законодательства и законоисполнения в сторону возвращения к базовым принципам социальной государственности, включая серьезную и последовательную борьбу с неприемлемым социальным неравенством.

Второе направление — борьба с социокультурными и морально-этическими причинами экономической преступности. Начиная с решения застарелой и чрезвычайно сложной проблемы легитимации российской частной собственности (как мы видим, полностью сохраняющей свою остроту) и продолжая широким, продуманным и активным комплексом мер, способных обеспечить восстановление и в общесоциальной, и в предпринимательской среде здоровой морально-этической нормативности.

²⁶⁵ Кант И. Критика практического разума. М.: Ozon.ru, 2007.

Представляется, что вопрос о том, каковы могут быть движущие силы, программы и механизмы такой борьбы за «исправление государства» и «исправление нравов», на сегодняшний день является одним из самых важных вопросов российского социального и государственного будущего.

4.5. Литература к главе IV

Барсукова С. Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания: препр. WP4/2006/01. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

Бунин А. Квазилиберальное двоемыслие и парадоксы приватизации // Литературная газета. 2005. 4 июля.

Государственная дума отклонила законодательную инициативу «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» — проект Федерального закона № 157763–7. <http://www.spravedlivo.ru/8706910>

Гринберг Р. С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник РАН. 2007. Т. 77. № 7. С. 584–592.

Заславская Т. И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики (Под общ. ред. Т. И. Заславской). М.: МВШСЭН, 2002.

Зорькин В. Доверие к праву — путь разрешения глобальных кризисов // Российская газета. 2016. 19 мая.

Кант И. Критика практического разума / Пер. с нем. СПб.: Наука, 1995.

Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Духовно-нравственные основы современного российского общества // В кн. Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 372–380.

Корнаи Я. Путь к свободной экономике»: десять лет спустя (переосмысливая прошлое) // Вопросы экономики. 2000. № 12.

Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 4.

Кувалин Д. Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния. М.: МАКС Пресс, 2009.

Латов Ю. В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001. Гл. 6 (§ 6.3).

Латов Ю. В., Нестик Т. А. «Плохие» законы или культурные традиции? // Общественные науки и современность. 2002. № 5.

Леонов Н. С. Крестный путь России. М.: Эксмо, 2005.

Лехницкая Д. Путин заступился за бизнес: За уголовные дела против невиновных силовики и чиновники могут сесть в тюрьму на 10 лет // Комсомольская правда. 2016. 30 октября.

Львов Д. С. Пора отказаться от догм // Поиск. 2000. № 44.

Международная Конвенция по борьбе с коррупцией 2003. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml

Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2004.

Милов В., Немцов Б. Коррупция разъедает Россию // Лоббист. 2008. № 1.

Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6.

Осинов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М.: Норма, 2007. 846 с.

Отчет фонда «Индем». Во сколько раз увеличилась коррупция за 4 года? Проект «Диагностика российской коррупции»: краткое изложение результатов. 2005. Режим доступа: http://www.anti-corr.ru/indem/2005diagnost/2005diag_press.doc (дата обращения: 22.05.2006).

Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.

Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998. 286 с.

Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // Журнал «Экономика и математические методы». 2006. Т. 42. № 2.

Попова И.М. Моральное оправдание и нормативная составляющая теневых практик (К постановке проблемы) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 1.

Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.

Капелюшников Р. Собственность без легитимности? 27 марта 2008. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2008/03/27/sobstv> (дата обращения: 08.04.2017).

Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2003. 356 с.

Рывкина Р. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.

Сакс Дж. Интервью // Независимая газета. 1998. 31 декабря.

Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.

Сото Э. де. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире. Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy, 1995.

Степашин С.В. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие). Руководитель рабочей группы Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М.: Олита, 2004. 186 с.

Сухарев М. Социальные антиинституты // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 5. Режим доступа: <http://www.ecsoc.msses.ru/issues/2004-5-5/index.html> (дата обращения: 11.07.2015).

«Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/626d65a0e69702601de8926431bf4d60be7c37c4

Фигурнов М. Тенденции мирового развития // Диалог. 1996. № 3. С. 12.

Фромм Э. Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? Киев: Ника-Центр, 1998.

Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2015.

Хейфец Б. Вернуть пропавшие долги // Российская Федерация сегодня. 2007. № 15.

Хоманн К., Бломе-Дрез Ф. Экономическая этика и этика предпринимательства (Homann K., Blome-Drees F. Wirtschafts und Unternehmensethik. Gottingen, Zurich: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. Пер. С. Курбатовой, К. Костюка). Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/22_h/hom/an0.htm (дата обращения: 17.07.2015).

Чайка Ю. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки информационному агентству «Интерфакс». 2016. 8 декабря. Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/genprokuror/interview/document-1145087> (дата обращения: 12.01.2017).

Черных Е. Если ваучеры обезличили — значит, это кому-то было нужно! // Комсомольская правда. 2012. 16 августа.

Becker G.S. Crime and punishment: an economic approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. No. 2. P. 169–217.

Ostrovsky A. Father to the Oligarchs // The Financial Times. 2004. November 13.

Sen A. On Ethics and Economics. Oxford and New York: Basil Blackwell; 1987.

Stiglitz J. The ruin of Russia Wed 9 Apr 2003 09:01 BST. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2003/apr/09/russia.artsandhumanities> (дата обращения: 24.07.2017).

Stiglitz J. Empfiehlt: Besteuert die Oligarchen! // DER STANDARD. — 2003, 12.11 http://www.iwp.jku.at/meldungen/04/040209stiglitz/0312stiglitz_oligarchen.pdf

Глава V

Выводы

1. В советскую эпоху сосуществования двух систем рассмотренные выше негативные трансформации содержания мировых хозяйственно-экономических процессов и сопровождающей эти процессы деградации предпринимательской этики в значительной мере изолировались от советского общества многоплановой изоляцией этих процессов в условиях соревнования двух альтернативных политических, социальных и экономических систем.

В результате советская социальная среда, при всех революционных потрясениях XX века, в основном сохраняла и воспроизводила традиционный тип российской коллективистской общесоциальной этики, базирующийся на культурных кодах русского православия и других авраамических религий. Этот же тип этики в основном сохранялся и в рыночном секторе советской экономики, включая индивидуальное предпринимательство, а также кооперативы и артельные промысловые, строительные и др. работы, хотя был очень сильно подорван «антикооперативными» реформами Н. С. Хрущёва и его последователей.

2. Проведенные в СССР — России «перестройка» и постсоветские политические, социальные, культурные, экономические трансформации на уровне полной смены государственного строя сопровождались массивной атакой на морально-ценностный фундамент общества, на его этические основания. По сути, обществу, в основном погруженному в советскую ценностно-этическую нормативность, навязывалась инверсия морально-нравственных представлений о справедливом и должном, о добре и зле. Это не могло не привести к массовому разрушению общесоциальной и экономической этики.

3. Маркетизация позднесоветской и постсоветской экономики происходила в условиях практического отсутствия или непроработанности формально-законодательных и этически-нормативных институциональных условий, способных обеспечить устойчивую легальную работу рыночных механизмов.

При этом, поскольку в России вообще не было обязательного для классической рыночной экономики периода легального накопления капитала, а законные сбережения граждан оказались практически полностью уничтожены беспрецедентной гиперинфляцией, основная приватизация бывшего общенародного имущества СССР происходила за счет теневых и криминальных капиталов, а также за счет махинаций властной элиты с включением в процесс приватизации — от имени частных компаний и банков — средств государственного бюджета.

4. В то же время проектный план постсоветской российской власти по смене социально-государственного и экономического строя в стране был представлен в формате *неолиберальной доктрины*, центром которой — и условием политической демократии и человеческих свобод — объявлялась частная собственность.

По этой причине незаконность создания больших объемов частной собственности в России и аморальность и нелегитимность огромной части этой собственности в глазах подавляющего большинства наших граждан оказываются одними из главных препятствий для дальнейшего развития страны.

5. В ходе экономической, социальной и политической трансформации постсоветской России происходило, как отмечают многие исследователи, глубокое разрушение прежних морально-этических оснований массового социального и экономического бытия — без их полноценного замещения какими-либо новыми, прочными и «человекосообразными», морально-этическими основаниями. Разрушение этического фундамента деятельности граждан отмечается в России во всех сферах: от экономики до культуры, от образования до науки, от сфер обороны и безопасности до законодательных, исполнительных и судебных органов власти.

Отметим, что эти российские процессы происходили на фоне аналогичных глобальных процессов разрушения «внешней» нормативности неолиберального государства в сфере общесоциальной и экономической этики в направлении ползучего отказа от «социального государства», а также размывания «морального закона внутри» за счет пропаганды антиколлективизма и воинственного эгоистичного индивидуализма.

Отметим также, что одним из механизмов указанных этических трансформаций стало поощрение максимальной потребительской активности граждан — и как признака успешности, и как способа повышения самооценки. Если пользоваться терминологией Эриха Фромма²⁶⁶, огромная часть мирового и российского общества в своих жизненных целевых ориентирах оказалась смещена от цели «Быть» к цели «Иметь».

6. В России эти процессы, в условиях соединения непроработанной или сознательно искажаемой корпоративными лоббистами законодательной базы рыночной экономики («внешней» нормативности) с резко ослабленным морально-этическим сознанием российского общества («внутренней» нормативностью), активно разрушаемой процессом изменения государственного строя, привели к широкому распространению *аномии*²⁶⁷ не только в экономике и предпринимательской среде, но и во всех сегментах и институтах отечественной государственности и во всех социальных стратах и группах.

7. Следствиями разрушения основы создаваемого в России нового государственного, экономического и социального строя — законной частной собственности, укорененной и легитимированной в новой массовой морально-этической норме, — стали крайне опасные для общества и государства процессы, которые можно назвать «ползучей криминализацией» массового сознания.

²⁶⁶ Фромм Э. Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? Киев: Ника-Центр, 1998.

²⁶⁷ *Аномия* (от франц. *anomie* — беззаконие, безнормность) — социологическое понятие, определяющее поведенческие стереотипы человека, не ограниченные какими-либо внутренними моральными правилами.

В частности, и для предпринимателей, и для чиновников криминализация экономической деятельности и коррупция превратились в своего рода хозяйственные рутины, в почти обыденный негласный «параллельный налог» на небеспорную легитимность собственности и сомнительную законность способов ведения бизнеса. Одновременно коррупция и мелкие экономические преступления (в том числе на бытовом уровне) стали привычным и уже морально почти не осуждаемым явлением в самых широких слоях российского общества. Приходится признать, что объявленная А. Ракитовым (см. выше) цель «смены *российского культурного ядра*» в этом смысле оказалась в значительной степени достигнутой.

Эта тенденция превращения аномии в новую норму, конечно же, предопределяет не только фундаментальные проблемы повышения эффективности российского предпринимательства, но и не слишком обнадеживающие перспективы развития нашей национальной экономики, политики, общественной жизни.

8. Представляется, что единственным радикальным (хотя чрезвычайно сложным в реализации и явно не одномоментным) выходом из такой опасной ситуации является кардинальное, целенаправленное и настойчивое изменение российской государственной политики в двух основополагающих сферах: законодательной и социокультурной.

9. В сфере российского законодательства и судебно-правовой практики в части регулирования предпринимательства («внешней» нормативности государства) необходимо осуществить переход к подчеркнуто жесткому доопределению правовых норм в направлении их безусловного и однозначного толкования, к ужесточению наказаний за нарушение законности и к столь же жесткому контролю точности исполнения законов.

Подчеркнем, что эта жесткость должна относиться не только к собственно законам, но и к министерским, ведомственным и региональным подзаконным актам, многие из которых оказываются открытыми для неоднозначных толкований и, по выражению ряда юристов, чрезвычайно «взяткоёмкими».

10. В сфере социокультурной государственной политики во всех ее сегментах, начиная с образования, воспитания и культуры, и в особенности в массовых СМИ необходим переход к политике, исключающей пропаганду такой морально-этической нормативности, которая грубо противоречит ценностям добра, справедливости и социальной солидарности, укорененным в ядре национальной культуры.

В этой сфере не должно быть массовых изданий руководств по уходу от налогов и «бестселлеров» о выстраивании отношений с другими людьми на принципах «обеспечения и демонстрации личного превосходства». В ней не должно быть массового производства телесериалов о «хороших бандитах» и о том, что «проститутки тоже страдают», которыми сейчас заполнено большинство отечественных телеканалов. В ней не должно быть воспевания и пропаганды «престижного потребления», проповеди толерантности к сексуальным перверсиям

(в особенности в отношении детей и подростков), не должно быть навязывания таких «художественных» образцов современного искусства в живописи, скульптуре, театре, кино, литературе и в особенности в телепрограммах, которые адресуют к низменным и животным инстинктам человека.

11. В условиях чрезвычайно высокого уровня открытости России внешнему миру, в первую очередь миру Запада, в нынешнюю эпоху информационной глобализации и Интернета фундаментальные преобразования российской правовой и в особенности социокультурной реальности, названные в пп. 9–10, представляются трудноосуществимыми.

12. В то же время сегодня уже ясно, что рекомендации западных «партнеров» России, которые стали программой российских государственных и экономических реформ, были отчасти следствием глубочайшего непонимания того, что такое государственное и экономическое устройство СССР, а отчасти — продолжением «холодной» войны, то есть прямыми или опосредованными (скрытыми) акциями политической, социальной, экономической, информационной, культурной, психологической войны против России.

13. При этом нынешний этап новой «холодной» войны Запада против России, начатый после введения санкций в 2014 году, однозначно показывает, что эффективным, но пока явно недостаточным ответом на информационно-пропагандистское наступление Запада стали, с одной стороны, контрпропагандистские меры на западных информационных рынках (сети телерадиовещания Russia Today, Sputnik), а с другой — частичное закрытие информационного пространства России от западной пропаганды.

Представляется, что определенное закрытие информационного (и в какой-то мере правового) пространства России от «культурного» западного потока, разрушающего в России «ядро культуры» вместе с его этикой и морально-нравственными представлениями о справедливом и должном, в условиях новой «холодной» войны является и уместным, и необходимым.

14. Представляется также, что без перечисленных мер, проводимых жестко и последовательно во всех сферах общественной жизни (и повторим: прежде всего в воспитании, образовании, информации, культуре), решить задачи полноценной легитимации и устойчивого эффективного развития постсоветского общества и постсоветской экономики не удастся.

Научное издание

Лев Семенович Черной,
доктор экономических наук, профессор

**Предпринимательская этика
как важнейший фактор возможностей
и рисков экономического развития**

Корректоры *В. В. Вересиянова, Т. В. Никонова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.12.2018. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 9,43
Тираж 200 экз. Заказ № 1548

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86